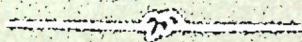

БУЛЕТИНУЛ
АКАДЕМИЕЙ ДЕ ШТИИНЦЕ
А РСС МОЛДОВЕНЕШТЬ

ИЗВЕСТИЯ
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИИНЦА»

П-158

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР

БУЛЕТИНУЛ
АКАДЕМИЕЙ ДЕ ШТИИНЦЕ
А РСС МОЛДОВЕНЕШТЬ

ИЗВЕСТИЯ
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР

№ 11 (1962 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИИНЦА»
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР
КИШИНЕВ * 1962

П. В. СОВЕТОВ

О ПРАВЕ ПЕРЕХОДА ЗАВИСИМЫХ КРЕСТЬЯН
В МОЛДАВИИ XV — СЕРЕДИНЫ XVI вв.
(опыт исследования договорных грамот)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Академик АН МССР Я. С. Гросул (главный редактор), член-корреспондент Ю. С. Ляликов (зам. главного редактора), член-корреспондент Е. М. Руссев, кандидат исторических наук Н. А. Мохов, кандидат философских наук В. Н. Ермурацкий, кандидат исторических наук С. Э. Левит, кандидат исторических наук С. Я. Афтенюк.

Изучение закономерностей исторического развития Восточной Европы XV—XVI вв. является весьма актуальным в современной науке. Экономическая отсталость многих стран этого района, успешно преодоленная в ходе строительства социализма, имеет свои исторические корни, которые уходят далеко в глубь веков.

В то время как Западная Европа в XVI—XVII вв. пошла по прогрессивному для того времени пути капиталистического развития, на востоке от Эльбы в силу ряда причин¹ усилилось крепостничество, ставшее серьезным тормозом экономического развития, консервирующим феодальные производственные отношения.

В последние годы историки Советского Союза и стран народной демократии уделяют этому вопросу большое внимание². Но изучение общих закономерностей развития крепостничества в Восточной Европе не может быть успешно осуществлено без исследования истории крепостного права в отдельных странах, в том числе и в Молдавии.

В настоящей статье мы остановимся на основном признаке крепостного права — вопросе о праве перехода и прикрепления зависимых крестьян к земле и личности феодала в Молдавии XV — середины XVI вв.

Перед нами одна из спорных проблем истории феодальной Молдавии. По этому вопросу историками высказывались различные мнения. Подводя итоги исследованиям буржуазной науки в области изучения крепостного права в Дунайских княжествах, современный исследователь П. Панантеску писал в 1956 г.: «В старой румынской историографии было два противоположных мнения о положении крестьян в XV в. Одни, и в частности Н. Йорга, считали в указанный период всех крестьян свободными (не уточняя, однако, что означает эта свобода). Другие, во главе с К. Журеску, напротив, утверждали, что все крестьяне были тогда крепостными, и их положение ничем не отличается от состояния румын и вечин (то есть крепостных.— П. С.) в XVII в.»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1947, стр. 361—362; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., том XV, М., 1933, стр. 627—645; С. Д. Скаскин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. «Вопросы истории», 1958, № 2, стр. 96—119; Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1961, стр. 21—51, 132—136, 364—366.

² См. материалы межреспубликанских симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы, состоявшихся в Таллине, Москве, Киеве, Риге, Минске (1958—1962), Съезда польских историков в г. Кракове (1958) и XI международного конгресса историков в г. Стокгольме, 1960 г. (Средние века, № XX, М., 1961, стр. 271—275).

³ P. Panaitescu. Dreptul de strămutare al țăranilor în Țările Române (până la mijlocul secolului XVII), Studii și materiale de istorie medie, vol. I, Buc., 1956, p. 70.

170505
Центральная научная
библиотека
Академии наук Киргизской ССР

Не объяснив должным образом, что мнение Н. Йорги и его школы основывалось на ошибочном представлении, согласно которому XV в. провозглашался «золотым веком» в истории молдавского крестьянства, П. Панайтеску вместе с тем дал правильную оценку положению крестьян застывшим на протяжении ряда веков, в течение которых произошли столь глубокие социальные и экономические изменения, чтобы последние не сказались на состоянии крестьян. Подобный, чисто статический взгляд на историю крестьян не может быть научным⁴.

Сам автор допускает в XV в. существование права перехода зависимых крестьян. К тому же мнению присоединяется и В. Костакел, написавшая соответствующий раздел о зависимых крестьянах XV в. в коллективной монографии «Феодальные отношения в Валахии и Молдавии XIV—XVII вв.»⁵.

Но современные румынские историки не придерживаются, по-видимому, единого мнения. Только этим можно объяснить, что авторы соответствующего раздела второго тома новейшего академического издания истории Румынии Б. Кымпина и Шт. Штефанеску неопределенно заключают: «Усиление зависимости крестьян от феодалов содействовало постепенному ограничению прав непосредственных производителей как на землю, так и в отношении перехода с одной вотчины на другую, ограничение, которое проявилось еще в первой половине XV в.»⁶. Во всем томе больше ничего не говорится о самом характере ограничения права выхода крестьян в течение XV—середины XVI вв.

В советской науке взгляды историков расходятся еще больше. Некоторые авторы (В. Сенкевич) предполагают, что крестьянин в XV в. имел право перехода при соблюдении условий выхода, которые впрочем не уточняются⁷.

Более аргументированно, но к таким же выводам приходит Н. А. Мохов. Он считает, что зависимые крестьяне в XIV—XV вв., «хотя и номинально были лично свободны и имели право ухода от своих владельцев...»⁸.

Однако в молдавской историографии наметилась и другая группа ученых, которая придерживается противоположного взгляда. Ф. А. Грекул утверждает, подобно К. Журеску, что в XV в. зависимые крестьяне были крепостными (вечинами)⁹. В подтверждение своего мнения автор приводит лишь доводы терминологического характера, «указывающие на крепостное состояние и личную зависимость землянина-царанина от феодала-землевладельца»¹⁰. Речь идет об упоминании термина «вечин» («сосед») в документе 1519 г. и «шерб» («servus») в договорной грамоте 1485 г.¹¹

Ссылка на документ 1519 года — следствие ошибки румынского буржуазного археографа М. Костэреску¹². В грамоте от 4 июня 1519 г.,

⁴ P. Panaitescu, op. cit., p. 70.

⁵ V. Costăchel, P. Panaitescu, A. Cazacu. Viața feudală în Țara Românească și Moldova (sec. XIV—XVII). Buc., 1957, p. 116.

⁶ Istoria României, vol. II, Buc., 1962, p. 304.

⁷ В. М. Сенкевич. О влиянии древнерусского наследия на социально-экономическое развитие Молдавии XIV—XV вв. Ученые записки Кишиневского Государственного университета, Исторический сборник, т. XVI, Кишинев, 1955, стр. 17.

⁸ Н. А. Мохов. Феодалные отношения в Молдавии XIV—XV вв. В сб.: Феодалные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII вв. Кишинев, 1950, стр. 14—15.

⁹ Ф. А. Грекул. О реформе 1749 года в Молдавии. История СССР, 1961, № 1, стр. 75.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² M. Costăchescu. Documente moldovenești de la Ștefaniță voevod. Iași, 1943, pp. 108—109.

пожалованной господарем Стефаницей Тазловскому монастырю, речь идет о «сосудах церковных». Это место в грамоте М. Костэреску прочел как «соседей монастыря» (то есть крестьян-вечин). В последнее время ошибка была исправлена составителями корпуса документов, изданного Академией наук РНР¹³.

На значении термина «servus» мы подробно остановимся при анализе молдаво-польской договорной грамоты 1485 г. Отметим только, что одни лишь терминологические доводы далеко недостаточны, чтобы подтвердить мнение Ф. А. Грекула.

Между тем к тому же методу «терминологического» обоснования крестьянской крепости присоединяется и другой молдавский историк И. Шлаен. Автор высказывает мнение о наличии категории крестьян, лишенных права выхода, на основании встреченного им термина «йобаг»¹⁴. Но дело в том, что «йобаг» не всегда был синонимом крепостного, находящегося в личной зависимости от феодала и потерявшего право перехода. Необходимо конкретное рассмотрение этого термина в каждом отдельном случае. Он мог обозначать и должностное лицо, и подданного государя, а в более позднее время и зависимого крестьянина¹⁵. Когда зависимые крестьяне Трансильвании потеряли право перехода, термин «йобаг» стал обозначать чаще всего крепостного. В Молдавии он встречается лишь во внешнеполитических актах, отражающих связи с Трансильванией, и то только в тех из них, которые написаны на латинском и венгерском языках.

Во многих документах Трансильвании для обозначения степени зависимости крестьян, иногда употребляется слово «йобаг» как до потери трансильванскими крестьянами права перехода, так и после их прикрепления. Вряд ли это означает, что молдавский крестьянин теряет право выхода одновременно с трансильванским йобагом.

Нет никаких оснований считать, что в упоминаемых И. Шлаеном письмах 1488 и 1493 гг. имеются в виду крепостные, потерявшие право выхода, хотя они и именуется йобагами.

В последнем документе речь идет о секуях, бежавших из Трансильвании и попавших в определенную степень (но какую?) феодальной зависимости от монастырей и бояр¹⁶. Так и трактует этот документ румынский историк П. Панайтеску, добавляя, что «йобаги» в Трансильвании к тому времени еще не потеряли права выхода¹⁷. Для венгерской историографии бегство секуев в 1492—1493 гг. из Трансильвании в Молдавию с целью избежать закрепощения — хорошо известный

¹³ Documente privind Istoria României, A., Moldova, Buc., 1953, veac. XVI, vol. I, p. 141.

¹⁴ И. Шлаен. К вопросу о зависимых крестьянах Молдавии XV—XVII вв. Ученые записки Кишиневского государственного университета им. И. Крияге, том XI. Кишинев, 1959, стр. 21.

¹⁵ Вот каким характерным объяснением сопровождают авторы второго тома «Истории Румынии» понятие «iobbagiones». «Йобагами» назывались дворяне и крупные должностные лица королевского двора. Первоначальный смысл термина был «подданный короля». В результате закрепощения термин изменил первоначальный смысл и стал обозначать зависимых от феодала крестьян (Istoria României, vol. II, Buc., 1962, p. 83). Известный венгерский историк крестьянства И. Ачади заметил, что термин «йобаг» обозначал зависимость, в том числе и служебную, подданных короля, а в более позднее время и зависимых крестьян (И. Ачади. История венгерского крепостного крестьянства. М., 1956, стр. 26—27). См. также мнение советского историка Ю. Бромлея (Ю. Бромлей. Крестьянское восстание 1573 в Хорватии. М., 1959, стр. 319).

¹⁶ E. Hurmuzaki, Documente privitoare la istoria Românilor, vol. II, part. 2, Buc., 1891, pp. 344—345.

¹⁷ P. Panaitescu, op. cit., p. 78. Советский историк В. Шушарин доказал, что скорее всего здесь речь идет не о праве выхода, а о праве вывода крестьян (И. Ачади. История венгерского крепостного крестьянства. М., 1956, вступительная статья В. Шушарина, стр. 10).

факт¹⁸. В Молдавии они также попадали в зависимость, но уже в условиях тех отношений между землевладельцем и крестьянином, которые сложились в стране. Об этих случаях и упоминает венгерский осведомитель в 1493 г., сообщая своему господину, что: «некоторые жители Вашей страны переехали в Молдавию и Валахию, где они пахали и сеяли. Господари этих стран отдавали их монастырям и боярам в качестве йобагов»¹⁹. Секуи бежали не только в Молдавию, но и в Валахию. В Валахии сохранилось достаточное количество внутренних документов, свидетельствующих (как это убедительно показал П. Панаитеску), что крестьяне-вечины не потеряли еще окончательно право выхода. Последнее обуславливалось уплатой галаты²⁰. Выходит, что не только в Молдавии, но и в Валахии в конце XV в. процесс закрепощения не был абсолютно идентичным с соседней Трансильванией, а само упоминание термина «йобаг» не может служить доказательством существования категорий крепостных крестьян, потерявших право перехода.

Искусственное перенесение содержания термина из одного государства (где оно отражает сложившиеся в нем отношения) в другое, хоть и соседнее, не может быть оправдано, тем более, если процесс закрепощения (а значит и понимание термина) зашел более далеко в одном из них. Как мы убедимся далее, именно таково было положение в соседних с Молдавией странах — Польше и Трансильвании.

Что же касается второго документа, письма, адресованного Брашовскому магистрату 26 июля 1488 г., то вообще неизвестно, идет ли в нем речь о крестьянах. В письме упоминается об «йобагах» господаря, увезенных турками в качестве репрессалий за убийство неким Петром Гусаром нескольких турок на Дунае²¹.

Термин «йобаг» на латинском или венгерском языках в документах, исходящих из молдавской господарской канцелярии, употреблялся иногда для обозначения понятия «подданный молдавского господаря» не только в XV в., но и в XVI в., то есть сохранялось одно из наиболее древних значений термина «йобаг». Это можно видеть из письма, посланного молдавским господарем Петром Хромым, Бистрицкому магистрату. Господарь указывает, что в город Бистрицу направились «бедные йобаги» («*miszegeeni iobbagink*») из Сучавы. Оказывается, «йобагами» названы крупные армянские купцы Ханчиу, Тудор Андроник, Захария Киркос, Кирстя Хонин и Асавур. По дороге их ограбили разбойники. За своих «йобагов» (в смысле подданных молдавского господаря в данном случае купцов) и заступает Петр Хромой в своем письме²².

Подобных примеров употребления термина можно привести много²³.

Само письмо от 26 июля 1488 г. было адресовано Брашовскому магистрату сыном господаря Стефана Великого Александром, наместником южной Молдавии. Поэтому он и именует жителей юга Молдавии своими подданными «*de nostris iobbogiohes et homnibus*».

Таким образом, одни лишь терминологические доводы (без их конкретного раскрытия) не могут разрешить вопрос о праве выхода зависимых крестьян в Молдавии XV в.

Разноречивые утверждения исследователей о времени потери молдавским крестьянином права перехода объясняются скудностью источников XV—середины XVI в. Поэтому открывается простор для домыс-

лов, основанных на одних лишь терминологических выкладках. Не случайно термины из внешнеполитических источников легли в основу выводов наших историков, ибо другие документы мало что могут добавить нового. И все же попытаемся вначале сказать кое-что и о них. Некоторые наблюдения оказываются весьма полезными.

Конечно, при полном отсутствии документов XIII—XIV вв. нельзя серьезно ставить вопрос о той стадии закрепощения крестьян, живущих по волошскому праву, при которой они потеряли право перехода.

Не может быть сомнений в том, что молдавский крестьянин, живущий по волошскому праву, к началу XV в. еще не был лишен окончательно права выхода. Он жил на земле феодала, платил оброк, отбывал невысокую барщину и мог судиться только у него. Все это затрудняло возможности выхода, но юридически выход не был отменен. Рассматривая вопрос о крестьянском выходе, следует в принципе отличать право выхода и условия выхода. Разумеется, если говорить о потере права перехода для всех феодально-зависимых крестьян в общегосударственном масштабе, то надо было бы найти отражение этого в наших источниках.

Когда в 1470 г. господарский рескрипт Стефана III освобождал холопа, он разрешал «прощенику» обосноваться у какого-либо пана и жить «свободно и добровольно», как живут все волохи по волошскому праву²⁴. Но эта «свобода» была фиктивной, ибо крестьяне фактически находились в феодальной зависимости. Однако закон не различал еще отдельные категории зависимых людей, хотя положение крестьян в господарском домене, боярской вотчине и на землях монастыря-иммунитета было неодинаковым.

Внутренние источники XV в. не упоминают о крестьянах, которые стали «крепкими своим хозяевам», то есть крепостных в полном смысле этого слова (если не считать людей, живущих по холопскому праву).

Льготные грамоты господарей еще не говорят о том, что селиться в слобозию имеет право только определенная группа крестьян, не попавшая в число (налоговая запись)²⁵.

Молдавская «миграция» (а по существу бегство крестьян) в XV в. в Польшу, которой столько занималась буржуазная наука, также говорит о многом.

Словом, во внутренних источниках XV — начала XVI в. нет никаких данных, которые говорили бы, что вся или определенная уже сформировавшаяся группа крестьян окончательно потеряла право выхода, хотя дело уже шло к этому.

Феодально-крепостнические отношения в молдавской деревне XV в. основывались в большей степени на зависимости поземельной и судебной²⁶, а личная зависимость — самый главный признак крепостного права, связанный с прикреплением крестьян к земле и личности феодала, пока лишь только развивался²⁷.

Поскольку, как указано выше, внутренние акты феодальной Молдавии XV — начала XVI вв. сами по себе не в состоянии привести исследователя к вполне убедительным выводам, постараемся проана-

²⁴ I. Bogdan, op. cit., vol. I, p. 140.

²⁵ P. Panaitescu, op. cit., p. 113.

²⁶ Надо признать, что за весь период (XV—середина XVI в.) мы не располагаем ни одной грамотой судебного иммунитета для светского феодала, но в изобилии находим их для духовных феодалов и особенно монастырей.

²⁷ Мы вполне согласны с мнением акад. С. Д. Сказкина, усматривающего «три вида зависимости крестьянина от сеньора, в совокупности составляющие крепостное состояние крестьянина» (С. Д. Сказкин, ук. соч., «Вопросы истории», 1958, № 2, стр. 90).

¹⁸ И. А. Ачади, ук. соч., стр. 120.

¹⁹ E. Hurmuzaki, op. cit., vol. II, part. II, pp. 344—345.

²⁰ P. Panaitescu, op. cit., p. 75.

²¹ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, vol. II, Buc., 1913, pp. 379—380.

²² E. Hurmuzaki, op. cit., vol. XV, part. I, pp. 661—662.

²³ Там же, стр. 204.

лизировать договорные грамоты Молдавии с Польшей, Литвой, Венгрией и Трансильванией. Автор настоящей работы отнюдь не исключает других путей анализа, но при нынешнем состоянии источников считает внешнеполитические документы, и особенно международные договоры Молдавии XV — середины XVI вв., наиболее многообещающим материалом. Однако обращаться с ним надо очень осторожно. Во-первых, следует заметить, что такие документы отражают две экономические и правовые системы, многое в которых не совпадает, а каждый конкретный источник может отдавать предпочтение одной из договаривающихся сторон. Особенно, если учесть, что терминология в соседних странах Польши и Трансильвании была более развита, и авторы документов зачастую прибегали именно к ней. Но при соблюдении осторожности, их изучение все же может сказать о многом. В советской историографии мы имеем примеры такого удачного и искусного анализа в трудах Б. Д. Грекова и Л. В. Черепнина, исследовавших, в частности, договоры Новгорода с Польшей о возвращении беглых²⁸.

Для исследователей представляет большой интерес, с какого времени в договоры Молдавии с Польшей, Литвой, Трансильванией и Венгрией стали включать пункт о возврате беглых крестьян.

Известный современный румынский специалист по вопросу о праве выхода крестьян Молдавии и Валахии XV—XVII вв. П. П. Панантеску писал: «в международных договорах, заключенных между Молдавией и Польшей в XV—XVI вв., не находим ни одного упоминания о выдаче беглых крестьян, оно появляется впервые в трактате, заключенном между господарем Богданом Лэпушняну с Польшей 2 сентября 1669 г.»²⁹. К этому же мнению присоединилась и В. Костакел³⁰. Еще более категорически высказался советский историк И. Шлаен. Хотя он и считал, что «в Молдавии уже в XV в. были крепостные», но утверждал: «Во всех многочисленных договорах с Польшей и Литвой имеется это условие о высылке молдавских политических эмигрантов и нигде не говорится о крепостных»³¹. В действительности такие сведения имеются и в договорах, заключенных значительно ранее 1569 г.

Международные договоры Молдавии XV в. не содержат никаких прямых указаний относительно возвращения беглых крестьян. Договор 1459 г. между Молдавией и Польшей разрешает для всех «*terrigenes homines*» свободный переход³². В договоре 1475 г., заключенном с Венгрией, говорится только о выдаче врагов и наказании преступников³³. В отказе молдавским послам в Литве в 1496 г. упоминается лишь о возвращении политических врагов, которые «добра не хотели» господарю³⁴. То же самое встречаем в договорах от 12 июля и 14 сентября 1499 г. с Польшей и Литвой, где указывается о выдаче политических беглецов «божарию или слуга крულъ»³⁵.

Остается только договор 1485 г., в тексте которого действительно обуславливается то, что ни один противник Стефана Великого не будет принят в Польше, и далее говорится: «*et etiam si recederet servus* (подчеркнуто нами.—П. С.) *a palatino ad nos et ad terram nostram et*

²⁸ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М., 1952, кн. 1, стр. 400—404; Л. В. Черепнин. Образование русского централизованного государства. М., 1960, стр. 246.

²⁹ P. Panaitescu, op. cit., pp. 86—87.

³⁰ V. Costăchel, P. Panaitescu, A. Cazacu, op. cit., p. 123.

³¹ И. Шлаен, ук. соч., стр. 22.

³² I. Bogdan, op. cit., vol. II, p. 267.

³³ Там же, стр. 332.

³⁴ Там же, стр. 405.

³⁵ Там же, стр. 421.

*ad granicies nostras, nos eum mitemus ad Stephanum palatinum et faciemus sibi pasem quod iterum rediret ad Stephanum palatinum»*³⁶.

На основании этого текста, считая, что «*servus*» — крепостной крестьянин, Ф. А. Грекул построил всю свою систему доказательств, «указывающих на крепостное состояние и личную зависимость землянина-дарианина от феодала-землевладельца» еще в XV в.³⁷

Собственно говоря, автор здесь воспроизвел мнение П. Панантеску, также считающего, что «*servus*» — феодално-зависимый крестьянин, но согласно данному тексту договора, не потерявший право выхода³⁸.

На ошибочность такого понимания всего текста и термина «*servus*» обратил внимание И. Шлаен. Он указывал на то, что в договоре речь идет не о крепостном, а скорее всего о «господарском слуге».

Для того, чтобы в этом не осталось сомнений, попытаемся перенести разговор из области предположений на почву твердых фактов.

В свое время Б. Д. Греков на примере актов Галицкой Руси предостерегал исследователей от опасности поспешных выводов, связанных с толкованием латинской терминологии. Такое предостережение не утратило своей силы.

Через несколько лет после 1485 г. (4 мая 1518 г.) был вновь заключен договор между Молдавией и Польшей. Существуют два совершенно одинаковых текста, один в славяно-молдавском оригинале, другой — польский, на латинском языке.

В первом из них указывается, что политические враги не должны приниматься обеими сторонами, а «если са прилучит та побѣгнет некотори болѣрын или слуга прѣятеля нашего Жигмонта Кролѣ его милости до нас» господарь должен выпросить для него прощение или выслать его. Польский король должен следовать тому же³⁹. Содержание совершенно идентичное договору 1485 г. По-видимому, господарский слуга и есть «*servus*» текста 1485 г. Но это все же косвенное доказательство. Зато в соответствующем месте латинского оригинала вместо «болѣрын или слуга» господаря прямо стоит «*bojarus aut servus* (подчеркнуто нами.—П. С.) *Stephani vojevode profugerat ad nos et terras*»⁴⁰.

Еще больший интерес представляет составленный несколько раньше договор о вечном мире между Молдавией и Польшей (1510 г.). Он в точности воспроизводит указанное место из договора 1485 г. В славяно-молдавском оригинале стоит «божарин или слуга кролѣ Жигмонта» (или, наоборот, господаря)⁴¹; в польском «*rap albo slucha nasz*»⁴², то есть господаря или короля и, наконец, в венгерском варианте на латинском языке «*servitores*»⁴³.

В польских вариантах договорной грамоты с Молдавией на латинском языке господарский или королевский слуга обозначался термином «*servus*» (в отличие от «*servi glebae*» — крепостной)⁴⁴. В венгерском

³⁶ I. Bogdan, op. cit., vol. II, p. 376 «И все же если забежит слуга палатина к нам и в земли и границы наши, мы его вышлем к палатину Стефану и сделаем для него мир, чтобы он опять возвратился к палатину Стефану».

³⁷ Ф. А. Грекул. О реформе 1749 г. в Молдавии. История СССР, 1961, № 1, стр. 75.

³⁸ P. Panaitescu, op. cit., p. 75—76; V. Costăchel, P. Panaitescu, A. Cazacu, op. cit., p. 291.

³⁹ M. Costăchescu. Documentele moldovenești de la Ștefăniță voevod (1517—1527) Iași, 1943, p. 493.

⁴⁰ Там же, стр. 503.

⁴¹ Там же, стр. 458, 472.

⁴² Там же, стр. 490.

⁴³ E. Hurmuzaki, op. cit., vol. II, part. II, p. 625—631.

⁴⁴ Б. Д. Греков, ук. соч., кн. 1, стр. 326.

третейском варианте на латинском языке вместо «servus» встречаем «servitores», так как в Венгрии одна из категорий феодально-зависимого населения (бывшие рабы, посаженные на землю) обозначалась термином «servus», в то время как королевские слуги именовались «servientes», «servitores»⁴⁵. Таким образом, социальная терминология в разных странах не была идентичной. Ее неоправданное совмещение может привести и к недоразумениям. По-видимому, выше имел место подобный случай, когда термин «servus», слуга господара в польском тексте, на латинском языке был отождествлен с «servi glebae» или пониманием того же термина в венгерских источниках на латинском языке.

Таким образом, господарский слуга славяно-молдавского текста — это «servus» молдаво-польских грамот на латинском языке. И, что самое главное, во всех трех договорах 1485, 1510, 1518 гг. этот термин употребляется в одном и том же смысле. Речь идет о побегах слуг, как и бояр, по политическим мотивам.

Итак, у нас нет ровно никаких данных о возврате беглых крестьян и в международных договорах Молдавии XV в. Но распространять этот вывод на первую половину XVI в. преждевременно.

В начале XVI в. выход молдавского крестьянина становится делом все более трудным. Источники говорят об этом еще очень неопределенно. Процесс закрепощения только развивался и далеко еще не достиг своего завершения. А язык международных документов во многом носил на себе отпечаток бурных событий перехода к барщинно-фольварочной системе, протекавших в соседней Польше и Трансильвании⁴⁶.

Разная степень закрепощения крестьянских масс в Молдавии, Польше и Трансильвании затрудняет исследование международных актов первой половины XVI в., затруднения усугубляются тем, что в Трансильвании в 1514 г., а в Польше примерно в то же время крестьяне теряют право выхода в общегосударственном масштабе.

В установлении крепостнических отношений в XVI в. Польша шла впереди не только Молдавии, но и Руси (по мнению Б. Д. Грекова, приблизительно на полвека)⁴⁷.

Б. Д. Греков подчеркивал лучшее положение русского крестьянства по сравнению с польским в первые 75 лет XVI в.⁴⁸ Стадии развития крепостного права в Молдавии были хронологически ближе к соответствующим стадиям русского государства.

Такая разница создавала, конечно, довольно сложную ситуацию при составлении и уточнении текста молдаво-польских договорных грамот, особенно в той части, где говорилось о взаимной выдаче беглых.

Первое десятилетие XVI в. дает историку несколько актов, которые, однако, мало чем могут изменить его прежние представления. Интерес вызывает лишь ответное письмо нового польского короля молдавскому господарю в 1501 г. В нем речь идет о длительном споре по поводу выдачи беглых людей Васко и Ивана, которые, оказывается, не подлежат таковой, так как являются «homines liberi et possessionati»⁴⁹. Документ исходит из того, что если бы они не были собственниками и людьми свободными, могла бы идти речь о их выдаче. Такое проти-

⁴⁵ И. Ачади, ук. соч., стр. 27; Ю. Бромлей, ук. соч., стр. 86, 318. *Istoria României*, vol. II, Buc., 1962, p. 83; *Crestomație pentru studiul istoriei statului și dreptului RPR*, de Șt. Pascu și V. Hanga, Buc., 1958, pp. 70, 120, 172, 173, 178, 309, 337.

⁴⁶ История Польши, том I, под редакцией В. Королюка, И. Миллера. П. Третьякова. М., 1954, стр. 150—151.

⁴⁷ Б. Д. Греков, ук. соч., кн. 1, стр. 379.

⁴⁸ Там же, стр. 380.

⁴⁹ I. Bogdan, op. cit., vol. II, p. 459.

вопоставление настораживает исследователя, но еще не разрешает вопроса. И как бы в подтверждение этой мысли в последнем письме (от 22 ноября 1503 г.) Стефана Великого польскому королю по-прежнему идет речь только о выдаче «неприятелей»⁵⁰.

Но вот в 1510 г. между Молдавией и Польшей был заключен так называемый «договор о вечном мире». Сам по себе текст грамоты очень неясно говорит о выдаче беглых крестьян. Однако бесконечные ссылки на этот договор в новой интерпретации на всем протяжении XVI в. скажут нам гораздо больше. Он окажется в позднейших источниках и в глазах современников XVI в. поворотным пунктом в вопросе выдачи беглых крестьян. В дальнейшем, в течение XVI в., феодалы с обеих сторон постарались положить в основу своих прав на выдачу беглых крестьян именно договор 1510 г. Но разница в стадияльном уровне развития крепостного права привела к тому, что сформулировать условия возврата беглых феодально-зависимых людей удалось не сразу и не полностью.

Вначале рассмотрим более подробно текст «договора о вечном мире». 22 января 1510 г. молдавским посольством во главе с известным логофетом Иоаном Тэутулом и польским королем Сигизмундом был заключен предварительный текст соглашения. Среди прочего проект гласил: «Тиж, ѿ того Петра Мънжа, который сѣ именуєт воеводич и за уси волохове, которые побѣгли ѿ молдавской земли до коруни полской, которые не имают ховани быти у королѣ полского и нигде у его землѣх... Тиж людї поиманныи, которые соут поимани у битвах и на сторожахъ и боуд где и у которых мѣстох, панове, землѣне и убозїи людї да сѣ вратѣть со будку сторон... Тиж, панове и землѣне и людї убозїи и мецѣне буд которого ѣзыка, которые суть узѣти ѿ Роготина... ѿсвободити... такъж и корол полски его милости уси людї ѿ земли молдавской, которые будут узѣти, буд которого ѣзыка тоты, уси имают сѣ пропустити ѿ велика до мала...»⁵¹. На будущее обе стороны обязывались не принимать неприятелей «а ни поживленїа ему дати у земли своен ани у кого ѿ подданных своих, али такого чловека иж сѣ где учует и изнаидет у землѣх его милости, алибо боуд у кого ѿ поданных его, имеет его выгнати и вынудитї прочь из земли своен», выслав также перебежавших «бояр и слуг» молдавского господаря Богдана⁵². Подданные обеих сторон могут жаловаться пограничным старостам, и те должны решать все по справедливости⁵³.

Текст самого договора от 7 февраля 1510 г. воспроизводит те же положения проекта с небольшими поправками. Так, в перечислении стояли «панове, землѣне, кмети и убозїи людї», которые должны были быть возвращены как люди, пойманные в битвах и иных местах⁵⁴. В остальном все было совершенно идентично. Как будто договор прямо не предусматривал возвращения беглых крестьян. Но, оказывается, не так стали со временем понимать его содержание современники-феодалы первой половины XVI в.

Буквально через год после заключения договора в апреле 1511 г. польский король обращается к молдавскому господарю Богдану с призывом возвращать «беглых людей», предоставив вопрос о том, кто под-

⁵⁰ I. Bogdan, op. cit., vol. II, p. 486.

⁵¹ M. Costăchescu. Documentele moldovenești de la Bogdan voevod (1504—1517). Buc., 1940, p. 456.

⁵² Там же, стр. 457—458.

⁵³ Там же, стр. 460.

⁵⁴ Там же, стр. 470.

лежит выдаче, на рассмотрение пограничных старост, которые должны восстановить «справедливость» («...facere justitiam et hominum restitutionem»)⁵⁵. Видимо, в ответ на это молдавский господарь жаловался, что «подданные короля польского (то есть феодалы) переманивают крестьян («colones ejus e Volachia evocant»)⁵⁶ из Молдавии на свои земли, обещая им льготы и привилегии «свободы» («status et signa libertatis erigendo»)⁵⁷. Господарь переслал даже список беглых крестьян, которые подлежали возврату («registrum profugorum»). Ясно, что польские феодалы сманивали крестьян, предоставляя им право селиться на «волошском праве». Самым притягательным для крестьян было то, что обычно от 12 до 24 лет переселенец не платил никаких поборов⁵⁸.

Естественно, что польские феодалы неохотно шли на возврат беглых из Молдавии, хотя в возврате беглых польских крестьян были весьма заинтересованы. В декабре 1512 г. король указывает старосте Каменецкому Станиславу Лянчкоронскому, «что шляхта земель Подолии проявляет дерзость и своеволие и отказывается повиноваться приказам о возвращении беглецов воеводе Молдавии. Такого рода дело сильно тревожит нашу душу... ибо не хотим, чтобы их поведение нарушило союзный договор»⁵⁹.

Непокорных, имеющих у себя беглецов, предписывалось вызывать в суд, «чтобы он доставил человека, перебежавшего перед твоим лицом»⁶⁰.

В июне 1514 г. король вновь отмечает, что «ознакомился с письмом воеводы Молдавии и верит, что он переносит с большим неудовольствием то, что ему не возвращаются люди». Старосте Каменецкому предписывалось предпринять все необходимые меры, дабы подданные короля, польские феодалы, «не чинили большой произвол, ибо нет ничего справедливее, как взять свое от чужого и чужое не похищать»⁶¹.

Итак, в начале XVI в. вопрос о возврате беглых крестьян стал очень остро в Молдавии и Польше. Но понимали его по-разному. Для Польши, где к этому времени развитие процесса закрепощения крестьян зашло гораздо дальше, принятие беглого расценивалось как похищение чужого. Так и подходит к этому вопросу польский король даже в отношении принятия подольскими феодалами беглых крестьян из Молдавии. Несколько другим было обоснование и мотивировка господаря Богдана. Передавая списки бежавших крестьян, которых льготами сманивают в Подолию, молдавская сторона выставила совершенно другой аргумент, весьма примечательный для того положения, которое сложилось в Молдавии. Требовали возврата крестьян не потому, что они собственность чужого (как на это смотрел польский король), а потому, что бегство крестьян затрудняло уплату денежной дани Турции («Solvendum Turco tributum»)⁶². Вот что, оказывается, больше всего беспокоило молдавскую сторону.

Совершенно ясно, что неодинаковый подход к пониманию бегства крестьян (который объяснялся разным этапом его закрепощения) не позволял прийти к окончательному решению. И польская сторона этого не скрывала. Уже в 1513 г. в письме Сигизмунда венгерскому

королю Владиславу подчеркивалось, что самой сложной проблемой мира с Молдавией остается вопрос о беглых людях («fugitivus hominibus»)⁶³. В следующем 1514 г. в новом письме венгерскому королю содержалось немаловажное для нас признание в том, что стороны (Молдавия и Польша) не могут договориться о самом принципе подхода к возврату беглых и Молдавия не желает их возвращать («nam profugos restituere recusat»)⁶⁴. Договаривающиеся стороны не случайно не могли прийти к единому мнению. Разница в праве выхода молдавского и польского крестьянина, за которой стояла разная степень развития барщинно-вотчинного хозяйства в начале XVI в., сказывалась самым непосредственным образом, ибо в Польше крестьяне уже были окончательно прикреплены к земле, а в Молдавии этот процесс еще не завершился. Только после торгов, длившихся десятилетия, стороны пришли к более конкретному уточнению договора 1510 г.

Более четкую попытку понимать договор о вечном мире как регламентацию возврата беглых, причем именно зависимых людей, содержит текст Артикулов 1527 г. Они были заключены между польским королем Сигизмундом и молдавским господарем Петром Рарешом. Одна из статей гласит: «Так же, как установлено раньше в записи о вечном мире, что если бы некоторый несвободный человек или слуга из Подолии, либо из Галицкой земли в Молдавскую землю, или из Молдавской в Подольскую или Галицкую убежал, то таковой без всякой задержки должен быть выдан со всеми вещами, которые при нем будут найдены»⁶⁵ (подчеркнуто нами.—П. С.). Как видим, текст артикулов содержит попытку «уточнить» запись о вечном мире. И хотя имеется ссылка на подобное постановление в договоре 1510 г., мы хорошо помним, что ни в одном из трех вариантов текста (славяно-молдавском, польском и венгеро-латинском) его нет. Там не говорится о необходимости выдавать вообще всех людей несвободных, как это сказано в артикулах 1527 г.

В тексте договора 1510 г. речь шла только о возврате политических и военных перебежчиков, а также пленных. Здесь же, в артикулах 1527 г., добавлены, наряду со слугами, люди невольные («czlowyek puewolfny») в польском оригинале, («homo pendes») в латинском тексте оригинала⁶⁶.

Конечно, трудно точно определить, кого имели в виду авторы под «людьми невольными». Но следующий за тем текст гласит: «А если бы его пан заявил, что он взял больше, чем при нем обнаружено, и он своему пану о том признался бы, тогда его пан должен послать за теми вещами»⁶⁷ (подчеркнуто нами.—П. С.). Несомненно, в данном случае речь идет о зависимых от пана «людях невольных». Следует сказать в указанном тексте и о «слугах». Ведь они не названы «слугами господарскими» или королевскими, как и в договорах 1485, 1510, 1518 гг. Имеются в виду, очевидно, панские слуги, то есть слуги отдельных феодалов.

Но все же уточнение было проведено в договоре не до конца. Кого считать «людьми невольными» не говорилось. Этого, конечно, многие лаконичные источники средневековья вообще не разъясняют, поскольку оно считается известным в обычном праве всем и каждому. Но здесь положение было совершенно особое, поскольку состояние потери свободы крестьянами в Польше и Молдавии не было одинаковым.

⁵⁵ E. Hurmuzaki, op. cit., vol. II, part. 3, p. 16.

⁵⁶ Colonus — зависимый крестьянин (И. Ачади, ук. соч., стр. 27; Ю. Бромлей, ук. соч., стр. 114).

⁵⁷ E. Hurmuzaki, op. cit., vol. II, part. 3, p. 17.

⁵⁸ D. Motololescu. Ius Valachicum in Polonia, Buc., 1916.

⁵⁹ E. Hurmuzaki, op. cit., vol. II, part. 3, pp. 43—44.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, стр. 159.

⁶² Там же, стр. 17.

⁶³ E. Hurmuzaki, op. cit., vol. II, part. 3, pp. 89—90.

⁶⁴ Там же, стр. 154.

⁶⁵ Там же, стр. 737.

⁶⁶ Там же, стр. 743.

⁶⁷ Там же, стр. 737.

Нельзя быть уверенным, что за понятием «люди невольные» не скрываются холопы. И наша предосторожность вознаграждается позднейшим источником сполна.

В заключенном через 12 лет, в 1539 г., новом договоре между Молдавией и Польшей говорится: «*niewolnicy, jako Cygani u Tatarowie ziemie Moldawskiej, takowi ludzie nie mogą bydz przyimowani do ziem pasczych ale mają bydz zac wydani do swej ziemie*»⁶⁸.

В данном договоре его авторы под «людьми невольными» (*ludzie niewolnicy*), подлежащими выдаче, определенно имели в виду холопов, цыган и татар. По-видимому, сторонам еще не удалось придти к полному согласию (по тем же нам хорошо известным причинам), ибо в договоре вновь неопределенно подтверждалось: «Беглецы с обеих сторон не должны приниматься, а подлежат выдаче опять тем, от кого убегут»⁶⁹.

Все эти данные показывают, что в первые четыре десятилетия XVI в. развитие крепостного права в Молдавии еще не достигло той стадии, когда стало бы возможным конкретно уточнить право выхода или его отмену в международном документе⁷⁰. Но распространять этот вывод на будущее было бы ошибкой. Ведь процесс закрепощения в Молдавии не стоял на месте. Разница в положении польских и молдавских крестьян уменьшалась и, следовательно, разногласия между сторонами сглаживались.

Только таким образом можно объяснить содержание до сих пор мало известного в исторической литературе документа: «Порядка, согласно которому должно отправляться правосудие между приграничными народами Молдавии и Польши». Этот договор, заключенный в 1540 г., начинался с интересующего нас вопроса. Он встает на первый план и в ходе переговоров. «С самого начала, — говорится здесь, — чтобы людям свободным, за которыми не числилось бы никаких обязанностей, но были свободны или от своих панов, по их воле отошли и освободились, вольно было бы в той земле остаться и жить, где бы пожелали и чтобы обвинений по поводу их выдачи не было. Ни в коем случае люди, которые были бы обязаны своим панам то ли службой, то ли какими иными обязательствами, а также злочинцы, то есть чело-векоубийцы, изменники, воры, либо которые побили своих панов, которые убежали с одной земли, не должны быть укрываемы в другой земле, но должны быть выданы в ту землю, из которой убежали»⁷¹.

«Порядок 1540 г.» довольно точно разъясняет, что взаимной выдаче подлежат беглые, которые имеют какое-либо обязательство перед своими панам, то есть феодально зависимые люди, не рассчитавшиеся со своим феодалом-хозяином или не получившие от него разрешения. Последние не имеют права выйти и переселиться во всяком случае из Молдавии в Польшу и наоборот.

Договорная грамота подчеркивала, что выйти могут лица, у которых нет «никаких обязанностей», и дальше еще раз «то ли службой, то ли каких-либо иных обязательств» перед панам нет. Любые обязанности, то есть любая степень феодальной зависимости лица от своего

⁶⁸ E. Hurmuzaki, op. cit., Supl. II, vol. I, p. 123.

⁶⁹ Там же «A zbiegowie na obie stronie aby nie byli przyimowani, ale by byli wydowani zac tym od kogo uciekaja».

⁷⁰ В то же время Польша заключила еще в предыдущем столетии (XV в.) ряд договоров о возврате беглых крестьян. Среди них и договор между Польшей и Новгородом. Только с Молдавией так и не удалось до сих пор заключить договор, который бы содержал четкий пункт о возврате беглых крепостных крестьян. Факт, говорящий сам за себя.

⁷¹ E. Hurmuzaki, op. cit., Supl. II, vol. I, p. 145.

хозяина была достаточной, чтобы ограничить его свободу выхода и последней могут воспользоваться только «люди свободные».

«Сеймы 1510, 1519, 1520 гг. воспрещают переход крестьян, — писал о Польше Б. Д. Греков, — и требуют выдачи беглых, устанавливают штраф с землевладельцев за вывоз чужих крестьян. В 1518 г. запрещено крестьянам жаловаться на своего пана. В 1532 г. запрещен выход всем крестьянам без разрешения панов»⁷².

Как видим, развитие крепостного права в Польше ко времени появления «Порядка 1540 г.» зашло гораздо дальше, чем ограничение выхода крестьян одним условием расчета. Крестьянин может выйти только с разрешения своего пана. Между тем, в «Порядке 1540 г.» содержится пункт, указывающий на второй, независимый от первого условия случай, когда крестьянин может выйти по разрешению пана. Договорная грамота весьма точно указывала на самостоятельный характер каждого условия, разделяя их вполне определенно словом «или» (або — в польском оригинале). Учитывая, что первый случай выхода по «Порядку 1540 г.» в Польше уже не применялся, он мог быть вставлен в договор только представителями Молдавии.

Последняя сторона могла настаивать на его постановке в «Порядке 1540 г.» только исходя из того, что он был еще распространен в обычном праве Молдавии первой половины XVI в. В противном случае непонятно появление такого пункта в договоре. На этой основе стороны нашли между собой компромиссное решение и взаимно приемлемую формулировку.

Как бы там ни было, вывод может быть только один: первое условие выхода отражает положение, сложившееся в развитии крепостного права в Молдавии, второе — в Польше. Но они оказались вполне совместимыми, ибо в Молдавии процесс закрепощения шел в том же направлении, что и в Польше, и молдавские феодалы были не прочь изменить старые нормы обычного права земли, допускавшие несколько большую свободу выхода крестьян, чем в Польше.

Встает вопрос: в какой мере обеспечивались тем же законом права феодалов на возврат беглых крестьян? Один из последующих пунктов «Порядка» привлекает внимание исследователя, хотя, надо признать, он звучит не совсем определенно. После упоминания о необходимости выдачи беглых феодально зависимых людей и преступников «в ту землю, из которой они убежали», закон предусматривает, что если «кто-либо идет по следу в погоне за беглым (*zbiegi*). — П. С.), а след привел бы до какого-либо села, а жители этого села не могли бы указать след далее, тогда люди того села должны будут убытки уплатить, либо тех беглых и вещи к ним доставленные указанным следом выдать»⁷³.

Совершенно ясно, что здесь идет речь о так называемом институте «гонения следа», известном древнемолдавскому и польскому праву⁷⁴. Для нас важно, что обычай «гонения следа» распространялся «Порядком 1540 г.» не только на выдачу материальных ценностей или преступников, но и вообще на всех беглых. В общем перечислении подлежащих взаимной выдаче людей числились не только злочинцы (преступники), но и зависимые от феодала люди. Отсюда мы имеем все основания полагать, что законодатель под общим понятием «беглый» (*zbiegi*) имел в виду также и беглых крестьян, не рассчитавшихся со своим паном или не получивших от него разрешения на уход.

А если встать на такую точку зрения, то отсюда следует, что «По-

⁷² Б. Д. Греков, ук. соч., кн. I, стр. 378.

⁷³ E. Hurmuzaki, op. cit., Supl. II, vol. I, p. 145.

⁷⁴ В. Костакел. Общность терминологии «Русской Правды» и румынских средневековых памятников, «Romanoslavica», Buc., 1958, vol. I, p. 85.

рядок 1540 г.» широко регламентировал возможности феодалов обеих сторон преследовать и возвращать своих беглых крестьян, пользуясь всеми льготными прерогативами древнего обычая гонения следа, для которого все молдаво-польские договорные грамоты первой половины XVI в. открывали границу без всяких ограничений вплоть до рубежей литовского княжества⁷⁵.

Все сказанное дает нам основание предполагать, что к середине XVI в. в судьбе молдавского крестьянина, находившегося в зависимости от феодала, подготавливаются серьезные изменения в сторону еще большего ограничения его перехода. Право выхода крестьянина ограничивается наряду с условием полного расчета по всем обязательствам, отражающим, видимо, давно установившийся обычай, новым требованием — разрешением пана. Тем самым постепенно исчезал старый обычай земли жить «свободно и добровольно» по волошскому праву. Преследование и возврат зависимых беглых крестьян, нарушивших условия выхода, становится юридической нормой.

«Порядок 1540 г.» являлся не только международным договором между Молдавией и Польшей, но и перечнем пунктов, на основании которых должно было отправляться правосудие в приграничных районах Молдавии, охватывающих несколько волостей: Черновицкую, Хотинскую, Нямецкую, Романскую и др., то есть довольно обширную территорию страны.

Для Польши «Положение 1540 г.» о возврате беглых распространялось согласно договорных грамот, как правило, на Подолию и Галицкие земли, то есть на сравнительно незначительную часть государства. В Молдавии они были законом в судах доброй половины страны, притом, наиболее густонаселенной северной ее части⁷⁶.

Учитывая при этом отсутствие в Молдавии (в отличие от соседней Польши) других законодательных актов, касающихся беглых крестьян, значение «Порядка 1540 г.» как попытки внести определенные перемены в неписанное обычное право становится очевидным.

Приведенный нами «Порядок 1540 г.» не является случайным и единичным документом. Он открывает целую серию подобных же решений и подкрепляется в первую очередь другим источником того же года. В «Артикулах между королевскими комиссарами и воеводой Молдавским, договоренные в 1540 г.», которые надо рассматривать в неразрывной связи с «Порядком 1540 г.», ухудшение положения крестьян проявляется еще отчетливее: «ни одному крестьянину (в оригинале «poddanepi» — как именовались в Польше крепостные.— П. С.) не может быть дано веры против пана, но пану всегда дать веру против крестьянина»⁷⁷.

Это было, конечно, настоянием польской стороны, официально введенной в себя в 1518 г. запрет крестьянину жаловаться на своего господина⁷⁸.

В отличие от «Порядка 1540 г.» в «Артикулах» того же года содержится еще один интересный для нас пункт, направленный против насильственного вывода людей феодалами обеих сторон во время частых наскоков «гвалтов»⁷⁹.

⁷⁵ См., например, договор 1527 г., заключенный между господарем Петром Рарешом и королем польским Сигизмундом (Е. Hurmuzaki, op. cit., vol. II, part. 3, p. 734).

⁷⁶ Следует заметить, что «Порядок 1540 г.» и изданные в том же году «Артикулы» служили источником в судах названных и других уездов, а также в совместном суде, который собирался на границе, согласно договора о вечном мире 1510 г. и последующих документов (1519, 1527 и др.). «Порядок 1540 г.» выделил в совместный суд от Молдавии Даниила, старосту Нямецкого, и Тоадера, старосту Романского.

⁷⁷ Е. Hurmuzaki, op. cit., Supl. II, vol. I, p. 133.

⁷⁸ Б. Д. Греков, ук. соч., кн. I, стр. 378.

⁷⁹ Е. Hurmuzaki, op. cit., Supl. II, vol. I, p. 135.

«Артикулы 1540 г.» окончательно утверждают такой подход к пониманию договора о вечном мире 1510 г. («wedle zapisu a miru wiecznego»), при котором выдавать следует не только пленных, дезертиров, но и «подданных пана».

Обе стороны — Молдавия и Польша в принципе пришли к соглашению (хотя расхождения еще будут продолжаться). Поэтому в договоре 1569 г. (о котором упоминает П. П. Панаитеску) составители воспроизвели далеко уже не новое в молдаво-польских переговорах положение: «Беглые обеих сторон, чтобы не были принимаемы, но сейчас же были отданы туда, от кого убегут»⁸⁰.

Спрашивается, чем отличается вышеуказанный текст от приведенного нами ранее договора 1539 г.⁸¹ Напрасно думал П. П. Панаитеску, что в 1569 г. этот пункт был «введением нового положения» в договоры Молдавии и Польши, которого не существовало в предыдущих и который свидетельствует о каких-то изменениях в судьбе молдавских крестьян⁸². Текст договора 1569 г., в котором П. Панаитеску видит первое «ясное указание о зависимых беглых крестьянах», наоборот, гораздо лаконичнее предыдущих источников. Вопрос о выдаче беглых крестьян в ходе молдаво-польских переговоров XVI в. был наиболее полно освещен в «Порядке» и «Артикулах» 1540 г.

Все это показывает, что в середине XVI в. наступал новый этап в закреплении молдавского крестьянина. Он был следствием ломки аграрных отношений, которая в конце XV—середины XVI вв. охватывала всю Восточную Европу и докатилась до Молдавии.

Открывается новая глава в истории закрепощения молдавских крестьян, которая требует особого и всестороннего рассмотрения. В Молдавии до середины XVI в. молдавский крестьянин жил, выражаясь языком феодальных источников XV в., «свободно и добровольно» по волошскому праву. Господство натуральной ренты в системе феодальных производственных отношений Молдавии рассматриваемого периода (конец XIV—начала XVI вв.) предоставляло крестьянину, живущему по волошскому праву, относительную свободу хозяйственной деятельности. Вмешательство феодалов в сферу производства крестьянского труда, связанное с приспособлением вотчинного хозяйства к товарно-денежным отношениям, начавшееся в Восточной Европе, еще не могло сказаться сколь-нибудь решительно в смысле ухудшения положения крестьян и коренного изменения юридического статуса зависимости, то есть ликвидации остатков его личной свободы.

Сложившееся в Молдавии конца XIV—начала XVI вв. положение отражает как раз тот период в истории Восточной Европы, который Ф. Энгельс связывал с «некоторым ослаблением крепостной зависимости», на смену чему в XVI в. приходит «второе крепостное право»⁸³. Разница лишь в том, что в истории Молдавии это сходное положение не было «некоторым ослаблением», так как в предыдущий период до конца XIV в. не успело сформироваться⁸⁴.

В Молдавии в XIV—XV вв. феодальная зависимость крестьян соответствовала положению их в большинстве стран Восточной Европы в

⁸⁰ Е. Hurmuzaki, op. cit., Supl. II, vol. I, p. 265.

⁸¹ См. стр. 14 настоящей работы.

⁸² Р. Panaitescu, op. cit., p. 87.

⁸³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1953, стр. 362; С. Д. Скажин, ук. соч., «Вопросы истории», 1958, № 2, стр. 95, сноска № 1.

⁸⁴ На 2-м Московском симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы советский историк Ю. М. Юргинич отмечал, что и в Литве также нельзя найти подобного перерыва, а «просто шел процесс складывания феодальной ренты, завершившийся в момент реформы XVI в.». Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, М., 1961, стр. 366.

XIII—начале XV вв. Говорить о крепостном праве в Молдавии до середины XVI в. можно лишь, как о развивающемся, но далеко не законченном процессе. Развитие крепостного права шло пока по линии затруднения условий перехода, само же право выхода еще не было ликвидировано.

В середине XVI в. молдавская сторона соглашается вставить в договоры с Польшей (чего не было раньше) статью, которая существенно ограничивает право выхода крестьян. Такое обстоятельство отражает создавшееся в Молдавии новое положение, ибо в Польше этот вопрос уже был решен в пользу закрепощения в общегосударственном масштабе. В Молдавии же, видимо, феодалы еще только стремились к подобному ограничению права крестьянского выхода. Наряду со старым обычаем, по которому выход разрешался после полного расчета, появляется новое требование — разрешение пана, что по сути является попыткой фактически ликвидировать право выхода. Поэтому в «Порядке 1540 г.» предусмотрены и практические возможности преследования и возврата беглых крестьян⁸⁵.

И все же на протяжении рассматриваемого периода до середины XVI в. в Молдавии не находим никаких законодательных попыток оформления крепостного права в общегосударственном масштабе.

Положение молдавского крестьянина неизменно ухудшалось по всем направлениям поземельной, судебной и личной зависимости, но до середины XVI в. он еще не потерял окончательно право перехода. Отрицать это — значит не понять дальнейших событий второй половины XVI в., когда крестьянин теряет право выхода в общегосударственном масштабе, прикрепляется к земле и к личности феодала.

П. В. СОВЕТОВ

ДРЕПТУЛ ДЕ СТЭМУТАРЕ А ЦЭРАНИЛОР ЫН МОЛДОВА (секолул XV ши прима жумэтате а секолулуй XVI)

Резумат

Ын литература штинцификэ есте контроверсатэ кестниуня дрептулуй де стрэмутаре а цэранилор депенденць дин Молдова ын секолул XV ши ын прима жумэтате а секолулуй XVI. Уний историчь советичь (Ф. А. Грекул, И. Шлаен) афирмэ, кэ ын секолул XV цэрания ну авяу дрептул де а се стрэмуа ши ерау легаць де глие ши де персоана феудалулуй.

⁸⁵ То, что в Молдавии впервые статьи об ограничении права выхода попали в международные договоры, не последнюю роль сыграла и система удержания тяглов (о чем упоминал господарь Богдан еще в 1511 г.). Она становилась все более острой по мере усиления зависимости страны от Турции, но все же не могла стать определяющим фактором самого процесса развития крепостного права в Молдавии. Ведь не случайно «Порядок 1540 г.» разрешал свободный переход и право выбора местожительства всем налогоплательщикам господарской казны, кроме людей, имеющих перед своими панами обязательства.

Анализинд документеле интерне ши тратателе Молдовой, ынкеяте ку цэриле вечине, ауторул ажунже ла конклузия, кэ ын секолул XV цэрания ынкэ ну пердусерэ дефинитив дрептул де стрэмутаре. Ын прима жумэтате а секолулуй XVI (май алес ын трататул динтре Молдова ши Полония дин анул 1940) пентру прима датэ ынтылним ынгрэдирь сериоасе а дрептулуй де стрэмутаре а цэранилор. Стрэмутаря цэранилор ера кондиционатэ прин облигация де а се акита ку стэпынул ши де а прими пермисиуния луй.

Ситуация цэранулуй молдоваи се ырэутэця неынчетат. Ынсе пынэ ын а доуа жумэтате а секолулуй XVI ел май диспуия де унеле елементе але либертэций персонале. Дакэ негэм ачест лукру атунч ну вом путя ынцележе евениментеле дин жумэтате а доуа а секолулуй XVI, кынд цэранул перде ку тотул дрептул де стрэмутаре ши есте легат де глие ши де персоана феудалулуй.

Е. М. ПОДГРАДСКАЯ

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ МОЛДАВИИ С ЗАПАДНО-УКРАИНСКИМИ ЗЕМЛЯМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Вопрос о развитии товарно-денежных отношений в Молдавии XVI в. изучен слабо, но именно в этот период в большинстве стран Восточной Европы происходит приспособление феодального хозяйства к неуклонно возрастающим потребностям внутреннего и внешнего рынка. Академик Б. Д. Греков указывал, что именно в XVI в. «от стран с преобладающей сельскохозяйственной отраслью производства потребовалось усиление добычи сельскохозяйственных продуктов, как для удовлетворения тех стран, которые сократили у себя обработку полей, так еще в большей степени для удовлетворения нужд растущего собственного внутреннего рынка»¹.

Социально-экономическое и политическое развитие Молдавии во второй половине XVI в. протекает в особых условиях. Страна окончательно попадает в зависимость от Турецкой империи. Среди других обязанностей Молдавия должна была по заниженным ценам поставлять Турции сельскохозяйственные продукты. Установление турецкой монополии на экспорт сельскохозяйственных продуктов является серьезным препятствием на пути внешнеторговых операций Молдавии. И все же эта монополия не смогла полностью прервать ранее установившиеся торговые связи Молдавии с соседними странами. В этом плане, естественно, представляет интерес выяснение характера и объема внешнеторговых связей Молдавии с другими странами после установления османского господства.

В настоящей статье мы ограничимся выяснением характера внешне-торговых связей Молдавии с западно-украинскими землями. Предметом исследования являются следующие вопросы: общий размер этой торговли в XVI в. по сравнению с предыдущим периодом (XV в.), соотношение экспорта молдавских товаров и транзитной торговли, известная специализация Молдавии по производству определенных товаров, потребителями которых выступают западно-украинские земли, находившиеся в то время в составе Польши. Особый интерес для нас представляет вопрос: за счет роста каких предметов сельскохозяйственного производства Молдавия отвечает на потребности рынка западной Украины, где товарно-денежные отношения в этот период достигли довольно высокого уровня.

Известно, что первый период развития внешней торговли Молдавии с Западной Украиной относится к XV в. — до завоевания Турцией Черноморского побережья. Центром этой торговли были в Молдавии — Сучава, а в Западной Украине — Львов. В XV веке молдавские госпо-

дари выдали Львову ряд торговых привилегий (1408 г.², 1434, 1456 и 1460 гг.³), способствовавших расцвету в первую очередь транзитной торговли, приносившей господарской казне значительные доходы. В западно-украинские города транзитом через Молдавию провозились многие восточные товары: камча, тебенки, перец, тмин, греческая кислота и др. Транзитная торговля велась в основном генуэзцами.

Буржуазная историография Румынии явно преувеличивала значение этой транзитной торговли в Молдавии⁴. Румынские буржуазные историки не задавались вопросом о том, положительно или отрицательно влияли транзитные торговые операции на развитие производительных сил страны и на состояние собственно молдавской торговли. Естественно, что этот недочет явился предметом серьезной критики со стороны историков РНР.

Так, румынский историк Барбу Кымпина в своей статье, посвященной роли генуэзцев в странах нижнего Дуная⁵, правильно указывает, что вся буржуазная историография идеализирует роль генуэзцев в экономической и политической жизни этого края⁶.

Автор исходит из известного положения К. Маркса о том, что венецианцы, генуэзцы и голландцы главный барыш извлекали не из реализации продуктов, произведенных в их странах, а из посредничества в торговом обмене продуктов таких обществ, которые еще не достигли высокого экономического уровня развития и являлись объектом эксплуатации высоко развитых в торговом отношении стран⁷.

На основе обширного фактического материала Барбу Кымпина приходит к правильному выводу, что транзитная торговля генуэзцев в Молдавии XV в. носила именно такой характер, ибо она не втягивала основных производителей материальных благ страны ни во внутреннюю, ни во внешнюю торговлю⁸. Производительные силы Молдавии и производство товаров в XV веке не достигли еще того уровня, когда основными предметами молдавского экспорта могли стать товары, произведенные в стране.

Автор далее исходит из следующего положения К. Маркса, особо подчеркивавшего, «что такая монополия посреднической торговли, приходит в упадок по мере экономического развития тех народов, которые она эксплуатировала с двух сторон, и неразвитость которых была базисом ее существования»⁹.

В XV веке, в период расцвета транзитной торговли, из Молдавии во Львов вывозились и некоторые сельскохозяйственные продукты местного производства. В документах упоминается вывоз скота¹⁰, рыбы¹¹, воска¹², вина¹³.

² M. Costăchescu. Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare, vol. II, Iași, 1932, p. 630—637.

³ Там же, стр. 667, 788.

⁴ K. Kaczmarczyk. Libri juris civilis Cracoviensis (1329—1506). Cracov, 1913, s. 36, 191, 306.

⁵ I. Nistor. Handel und Wandel in der Moldau. Cernăuți, 1912, N. Iorga. Istoria comerțului românesc, vol. I, Buc., 1925, G. J. Brătianu. Notes sur les génois en Moldavie au XV-e siècle, Revista Istorică Română, 1933, vol. III, fasc. II—III și a.

⁶ Barbu T. Cămpina. Despre rolul genovezilor la gurile Dunării în secolele XIII—XV, „Studii Revista de istorie și filosofie”, anul I, 6 ianuarie—martie, 1953.

⁷ Там же, стр. 191.

⁸ К. Маркс. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 341.

⁹ Barbu T. Cămpina, ук. произв., стр. 205.

¹⁰ К. Маркс, ук. произв., стр. 341.

¹¹ M. Costăchescu, ук. произв., стр. 176, Studii și doc., vol. XXIII, p. 318, d. LXXXVII.

¹² L. Charewiczowa. Handel srednowiecznego Lwowa. Lwow, 1925, s. 78.

¹³ M. Costăchescu, ук. произв., стр. 176. L. Charewiczowa, ук. произв., стр. 72 и др.

A. D. Xenopol. Istoria Românilor, vol. III, p. 211, V. Costăchel, P. P. Panaitescu, A. Cazacu. Viața feudală în Țara Românească și Moldova. Buc., 1957, p. 43.

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 2. М., 1952, стр. 5.

Но о большом вывозе скота, который исчислялся бы тысячами голов, как это происходит в XVI в., ни в одном документе XV в. не говорится.

В торговых взаимоотношениях Молдавии с Западной Украиной в XVI в. происходит значительный перелом. Все возрастающие потребности внешнего рынка приводят к осязаемому росту производства предметов молдавского экспорта. Конечно, на пути этого роста стояло такое серьезное препятствие, как господство Османской империи, чья грабительская политика задерживала развитие экономически поработанных ею стран. Однако при наличии монополии на экспорт молдавских продуктов, все же определенная часть их поступала на зарубежные рынки — в первую очередь на западно-украинский с его значительным торгово-ремесленным центром, каким был Львов.

Барбу Кымпина приводит убедительные данные о том, что генуэзская торговля начала приходить в упадок еще до завоевания Турцией Черноморского побережья, о чем, в частности, свидетельствует уменьшение таможенных сборов в Монкастро, взимаемых с проходящих через этот порт товаров¹⁴.

Транзитная торговля генуэзцев по мере развития производительных сил Молдавии уступает главное место собственно молдавскому экспорту. Это явление наглядно выступает на примере торговых отношений Молдавии с Западной Украиной в XVI в., когда главной статьей вывоза из Молдавии становятся сельскохозяйственные продукты, а предметы транзитной торговли, игравшие первостепенную роль в операциях генуэзцев, отходят на второй план.

О характере и размере торговли Молдавии с Западной Украиной в этот период можно себе сделать более или менее полное представление по материалам многих документов, хранящихся во Львовском ЦГИА. К таковым относятся писцовые книги городской рады, в которых записывались королевские указы, судебные дела, описи имущества умерших львовских купцов и другие материалы экономического и правового порядка, содержащие данные об экономической жизни этого крупного торгово-ремесленного центра Западной Украины, о его внешнеторговых операциях, представляющих для нас особый интерес.

Во II-й половине XVI века многие молдавские купцы были связаны с львовским купечеством разного рода торговыми соглашениями, что засвидетельствовано в многочисленных документах. Так, например, из документов, касающихся дел львовского купца Фредерика Пенса, относящихся к концу 70-х годов XVI века, явствует, что последний поддерживал деловые отношения с очень многими представителями купечества Молдавии, в частности, с семью купцами из Сучавы, двумя из Ясс, шестью из Ботошан, одним из Бырлада, четырьмя из Серета, двумя из Романа¹⁵. Среди этих купцов были волохи, то есть молдаване, армяне, евреи¹⁶.

Некоторые львовские купцы-оптовики имели в Молдавии даже своих постоянных торговых представителей. Так, в 1551 году крупный львовский купец Константин Корнякт, грек по происхождению, выдает некоему Августину Айхингеру свидетельство о том, что последний был его торговым агентом на протяжении семи лет, из коих три года в Молдавии, а четыре — в Константинополе.

Константин Корнякт поддерживал торговые отношения и с молдавскими господами¹⁷. В 1594 г. молдавский господарь направляет

¹⁴ Barbu T. Câmpina, ук. произв., стр. 204.

¹⁵ ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, д. 18, л. 267—268.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Wl. Lozinski. Patrycyat i mieszczanstwo Lwowskiе w XV i XVI wieku. Lwow, 1890, s. 231.

польскому королю специального курьера с просьбой защитить интересы купца Константина Корнякта, у которого на основе подложной информации были отняты многие товары, доставленные им из Молдавии во Львов. Король выдал специальный указ, в котором содержалось требование о возврате указанному купцу всех отнятых у него товаров¹⁸.

Другой львовский купец Мурат Норберг также имел в Молдавии своего торгового представителя, некоего Давида Серепковича, который был уполномочен самостоятельно решать все торговые и финансовые дела Мурата Норберга. Серепкович приезжал с товаром в Яссы, откуда отправлял закупленные там товары во Львов и Каменец, ездил по торговым делам в Люблин. О широких масштабах проводимых им в Молдавии торговых операций свидетельствует и расписка, выданная ему мытниками о том, что после продажи привезенных им из Львова товаров он закупил здесь 49 кантар товару (кожи, шелка и др.), за которые уплатил таможенный сбор в сумме 6300 аспр. В сентябре того же года молдавские мытники дают ему расписку в том, что остались ему должны 624 талера за товары (очевидно ими закупленные) и обязуются погасить долг через месяц. Давид Серепкович во время своих поездок в Молдавию брал для продажи товары и у других львовских купцов¹⁹.

Торговым агентом львовского купца Захариаша Ивашковича, ездившим закупать товары в Молдавию и Турцию, был Габриел Каприус. В 1595 г. для закупки шелка, сафьяна, ковров, парчи и разных восточных тканей ему было вручено 14919 талеров²⁰.

Присутствие в Молдавии торговых представителей крупных львовских купцов красноречиво говорит о том, что торговля между Молдавией и Западной Украиной в XVI в. была постоянно действующим фактором и не носила эпизодического характера.

Косвенным доказательством этого может служить также соглашение между известным уже Константином Корняктом и львовским извозчиком Лукой Кволком, которому последний обязуется погасить в течение года долг в 70 флоринов за взятую им куффу вина. Погашение долга должно было производиться по частям следующим образом. Каждый раз, когда Лука Кволк повезет купцов в Волошскую землю или же оттуда во Львов, он должен отдавать в счет долга 5 флоринов²¹. Из того, что долг в 70 флоринов вышеуказанный извозчик обязывался уплатить в течение года, следует, что он не менее 14 раз в году перевозил купцов из Львова в Молдавию и обратно.

О тесных торговых связях говорит и тот факт, что львовские и молдавские купцы поручали друг другу закупать необходимые им товары при поездках за границу. Весьма наглядным примером могут послужить в этом отношении связи львовского купца Феодосия Томковича с молдавским купцом Миколаем Грамматикусом. Во время своих поездок в Гданьск Томкович закупал здесь для Грамматикуса сукна и другие товары. До возмещения затрат, сделанных им для приобретения товаров для своего молдавского партнера, львовский купец брал под залог бочки с поташем, которые Грамматикус держал на гданьском складе²².

¹⁸ ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 12, л. 874—875.

¹⁹ ЦГИА УССР, г. Львов, Акты армянского суда, ф. 52, оп. 3, кн. 515, 1953, л. 278—281.

²⁰ Там же, ф. 52, оп. 3, кн. 516, л. 453—461.

²¹ ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 14, л. 1111—1112.

²² Там же, ф. 52, оп. 3, кн. 64, стр. 101—104.

Молдавские купцы подчас поручали вести свои финансовые дела во Львове местным купцам. Так, берладские купцы, волохи Антон Табул и Михайло, доверили армянину Захарю — львовскому гражданину действовать по отношению к их должникам, как это он найдет нужным, то есть уладить их финансовые дела либо мирным путем, либо через суд, скрепляя судебные акты своей подписью и т. д.²³

Как видно из документов, крупные купцы иногда давали поручительство за более мелких купцов. В случае, если последние не выполняли взятых на себя обязательств, то поручитель отвечал за это своим имуществом. Так, из одного документа 1585 г. явствует, что львовский купец Станислав Шольц должен молдавским таможенникам Варсию Симе и Никорию 960 талеров, так как дал поручительство за двух львовских купцов Иосифа и Исаака²⁴. Поручительство могло быть обеспечено как деньгами, так и недвижимым имуществом. Примером этому может служить акт от 1564 г., согласно которому львовский купец Матиас Кволк поручается за своего сына Луку Кволка таможеннику Молдавии Константину Корнякту²⁵, который дал в долг его сыну бочку вина: Матиас Кволк обеспечил указанный долг в овцах, быках и недвижимости²⁶.

Купцы одной нации были связаны круговой порукой. Если, например, какой-то купец молдаванин задолжал львовскому купцу, то последний мог наложить секвестр на имущество купцов, соотечественников должника. Подобные же меры принимались и молдавскими господами по отношению к львовским купцам. Например, в 1560 г. известный львовский купец Айхингер подал в суд на сучавского купца Никоару Теклу, который должен был ему 1130 польских флоринов. В связи с этим был наложен секвестр на имущество его соотечественников, находившихся в то время во Львове²⁷. В 1564 г. тот же львовский купец задерживает некую сумму денег у Драгана, армянина из Сучавы, продававшего во Львове товары молдавского господара, который был должен Айхингеру известную сумму денег. Драган просил снабдить его соответствующим документом, который служил бы ему оправданием перед молдавским господарем²⁸.

Приведенные данные говорят о постоянном характере торговых связей Молдавии с Львовом, о значении их для широкого круга молдавских и львовских купцов.

Каков же контингент молдавских товаров, регулярно поставлявшихся на львовский рынок, каковы главные предметы молдавского экспорта, находившего постоянный сбыт в Западной Украине?

В торговле Молдавии с Западной Украиной в XVI в. главное место занимал скот, который следовал в двух направлениях: первый шел на Снятин и дальше на Львов, второй — на Каменец. Если скот гнался по направлению к Снятину, то стоянка его была у берега Прута, если же скот отправлялся в Каменец, то стоянка его была на Днестре²⁹.

²³ ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 15, л. 328, 1569 г.

²⁴ Там же, ф. 52, оп. 3, д. 18, л. 1109—1110.

²⁵ Константин Корнякт, крупный купец, грек по происхождению, был продолжительное время главным таможенником Молдавии. Впоследствии уехал в Польшу, где также был таможенником в украинских землях. См. *Wi. Lozinski. Patrycyat i mieszczanstwo lwowskie w XVI—XVII w.*, 1892, p. 312.

²⁶ ЦГИА УССР, Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 14, л. 1111—1112.

²⁷ *N. Iorga. Studii și doc.*, vol. XXIII, p. 344, doc. CLXI.

²⁸ ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 14, л. 296.

²⁹ Там же, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 11, л. 796.

Сюда, на эти стоянки, сгоняли весь скот и здесь производили его подсчет³⁰.

В 1536 г. острожский купец Михел Шимонкович закупил в Молдавии несколько тысяч волов и гнал их в Польшу через литовские земли³¹.

Крупным торговцем скота являлся молдавский таможенник Сима Варси. В 1583 г. львовский купец Станислав Шольц признает, что на ярмарке в Снятине купил у последнего быков на сумму 4410 талеров. Быки эти принадлежали в основном молдавскому палатину Янкулу³². Из показаний одного свидетеля на судебном процессе явствует, что в 1549 г. волошские купцы на побережье Прута сконцентрировали 5000 быков³³.

Реализация такого большого количества быков должна была принести их владельцам большие барыши, ибо в то время цена быков была 7—12 флоринов за голову³⁴.

Скот гнали во Львов и мелкими партиями. В 1557 г. купцы из Сучавы, Ясс и Серета пригнали на Львовскую ярмарку 74 быка³⁵. В 1571 г. молдаванин Руссу привлекает к судебной ответственности Израела из Олеско, которому продал 10 быков³⁶. В 1570 г. Костя из Хотина судится с львовской гражданкой Долинской из-за 270 флоринов, которые ему остался должен за быков покойный муж последней³⁷.

Молдавские господа охраняли интересы местного купечества, торговавшего скотом. Так, в 1579 г. господарь Петр Хромой в своем письме к городским властям Львова просит их известить львовских и других купцов, что главная ярмарка и склад молдавских товаров будет находиться по-прежнему в селе Шипинцы. Подтверждая львовским купцам все прежние торговые льготы, господарь запрещает, однако, въезд в Молдавию перекупщикам-евреям, которые закупают у львовских купцов сукна и затем едут в Молдавию покупать скот, минуя пограничные ярмарки, на которых продают скот молдавские купцы. Петр Хромой пишет, что если бы перекупщики-евреи закупали дополнительно скот в стране после реализации гуртов, пригнанных молдавскими купцами на пограничные ярмарки, то въезд их в Молдавию был бы свободным. Поскольку это правило перекупщиками нарушается, то въезд их воспрещается³⁸.

Охранительные меры, принимавшиеся молдавскими господами отвечали и их личным интересам, так как из многих документов известно, что молдавские господа продавали крупные партии скота во Львов, Снятин и другие западно-украинские города. На судебном процессе во Львове в 1549 г. один из свидетелей — Мартинус заявил, что он точно знает, что обвиняемые купцы имели договор с волошским господарем о покупке 12 000 быков. Некоторые свидетели считали, что лично молдавский господарь никогда такого большого количества собственных быков не имел. Крупный купец Львова Зибальдус Айхингер в своем показании пояснил, что в это количество входили быки, принадлежавшие не только господарю, но и молдавским купцам³⁹. Из этого

³⁰ ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 11, л. 800.

³¹ *Zródła dziejowe*, t. X, Warszawa, 1878, akty i materjaly, s. 131, doc. 54.

³² ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, д. 18, л. 1109—1110.

³³ Там же, л. 800.

³⁴ Там же, л. 803.

³⁵ *Studii și doc.*, vol. XXIII, p. 341—342, doc. CLV.

³⁶ Там же, стр. 354, doc. CXXXV.

³⁷ Там же, стр. 352, doc. CXIII, CXXIX.

³⁸ *E. Kalużniacki. Documenta, moldawskie i multanskie z archiwum miasta Lwowa*. Lwow, 1878, s. 56—57.

³⁹ ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, д. 3, ед. хр. 11, л. 794—802, док. 1157.

документа вытекает, что молдавский господарь возглавлял торговлю скотом, очевидно, когда речь шла о продаже за границу больших партий скота.

Так, из документа 1564 г. узнаем, что молдавский господарь Александр Лапушняну отправил во Львовскую консульскую резиденцию двух уполномоченных — Т. Попу и Ф. Навиуса с жалобой на известного львовского купца Мелхнера Гасса. Господарь требует, чтобы последний уплатил 4000 золотых флоринов за быков, которые ему были проданы по контракту, заключенному с представителем господаря. Мелхнер Гасс утверждает, что вышеуказанную сумму он внес своевременно и отвергает притязания господаря. Для нас интересно то, что львовский купец подтверждает факт заключения и приобретения у молдавского господаря скота на 4000 флоринов⁴⁰. Если учесть, что в 1549 г. на Ярославской ярмарке скот продавался по цене 7—12 флоринов за голову⁴¹, то в данном случае речь идет (если брать в среднем 10 флоринов за голову) о 400 быках.

Крупные ярмарки скота были в Ботошанах⁴² и Хотине⁴³. Они проводились 7 раз в году, занимали обширные территории, в них участвовало большое количество местных и иностранных купцов. Каждые три дня купцы совместно устанавливали цену, после чего скот продавали целыми партиями. Эти ярмарки приносили большие доходы феодалам как от продажи скота, так и от таможенных пошлин⁴⁴. Молдавские купцы продавали скот и за пределами Молдавии. На крупных украинских ярмарках в Снятинне и других местах продавали скот также молдавские господа, думные бояре и другие знатные феодалы. Здесь, на Снятинских ярмарках, молдавские купцы взамен скота покупали сукна и другие товары, привозимые сюда украинскими и иноземными купцами⁴⁵.

Ежегодно из Молдавии через Гродек прогонялось до 12—13 тыс. голов крупного рогатого скота. Иногда в Молдавии закупали скот-молодняк, который выкармливали в Польше⁴⁶. В городе Львове был большой спрос на мясо вследствие скопления торгово-ремесленного люда, кроме того большую часть скота, закупленного в Молдавии, львовские купцы гнали для продажи дальше на Люблин и Краков, а затем и в Силезию⁴⁷. Подольская шляхта закупала в Молдавии также коней⁴⁸. Так, в документе от 1558 г. отмечается, что через Кременецкий замок производился прогон турецких и волошских коней⁴⁹.

В документах XV в. не упоминается о столь внушительных цифрах экспорта молдавского скота во Львов. Это дает нам основание утверж-

⁴⁰ ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 11, л. 803.

⁴¹ Там же, стр. 803.

⁴² T. Codrescu. Uricarul, vol. XVIII, Iași, 1892, p. 220.

⁴³ N. Iorga. Istoria comerțului românesc, vol. I, Valenii de Munte, 1915, p. 204.

⁴⁴ Там же, стр. 188—189.

⁴⁵ ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 4, д. 21, л. 5, 5-об, 6, 6-об.

⁴⁶ R. Rybarski. Handel i polityka handlowo Polski w XVI stuleciu. T. 1, Poznań, 1928, стр. 69, 71. О большом количестве скота, который поступал из Молдавии на западно-украинские рынки говорит и то, что только через одну Молдавскую таможенную по направлению к Снятинну в 1592 г. последовало 13 000 голов скота, обложенного таможенными сборами. См. по этому вопросу ЦГИА г. Львова, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, кн. 22, л. 1382—1385, 1402—1403.

⁴⁷ L. Charewiczowa, ук. произв., стр. 78; А. В. Верзилов. Очерки торговли Южной Руси с 1480—1569 гг. «Земский сборник Черниговской губернии», 1898, № 1, стр. 64—65.

⁴⁸ М. Грушевский, ук. произв., т. 6, стр. 67.

⁴⁹ В. Б. Антонович, Акты о городах, ч. V, т. 1, № 93 (Акты Западной и Южной России).

дать, что в XVI в. молдавский скот поступал на западно-украинские рынки в гораздо большем количестве. Поскольку западно-украинские города являлись наиболее значительным потребителем товаров внешней торговли Молдавии в это время, то можно утверждать, что скот являлся одним из главных предметов ее экспорта в этом направлении.

Кроме скота из Молдавии вывозятся также кожи. В документах XVI века встречаются упоминания о вывозе сафьяновой кожи, главным образом, из Сучавы⁵⁰. Из происшедшего в 1587 г. судебного процесса явствует, что некий купец из Львова предъявил иск волоху из Сучавы Теодору Симоновичу по поводу сафьяновых кож, которые якобы не отвечали требованиям, отмеченным в акте о купле. Теодор Симонович отверг обвинение, указывая, что львовский купец сам по собственному усмотрению выбрал себе из нескольких кип одну, причем не просматривал каждую кожу в отдельности⁵¹. Из документа видно, что речь идет о продаже крупной партии сафьяновой кожи. Крупными партиями закупали в Молдавии сафьян Ян Теофил⁵², Давид Серепкович⁵³ и другие львовские купцы. О том, что Сучава славилась производством сафьяновых кож и являлась одним из ее поставщиков на львовский рынок, можно судить и по документам XVII века, содержащим сведения о вывозе сафьяна из этого города. Так, в утвержденном на сейме в 1633 г. таможенном списке товаров, ввозимых из Молдавии во Львов, упоминаются воловьей кожи и желтый волошский сафьян из Сучавы⁵⁴. Отмеченный вывоз сафьяна является свидетельством специализации кожевенного производства в Молдавии. Как следует из документов, Сучава становится центром выработки сафьяна в Молдавии, который по своему качеству отвечает требованиям иностранных рынков. Это новое явление в экономической жизни Молдавии того времени.

В таких западно-украинских городах, как Каменец, Львов и Снятин, широким спросом пользовалось также молдавское вино. О масштабах поставок волошского вина в Каменец можно судить по городскому акту от 1590 г., согласно которому некий Томас Алберти берет на откуп складской сбор и побор от продажи на розлив в Каменце и Снятинне волошских вин, мальвазии и муската. За откуп он должен ежегодно уплачивать 5000 злотых. Однако в договоре сделана оговорка, что если в случае войны турки, волошане и татары не смогут приезжать с вином, то сумма арендного взноса должна быть значительно снижена, ибо без получения доходов от продажи этих вин, при сохранении прежней арендной платы, Томас Алберти мог бы разориться⁵⁵. Согласно королевскому универсалу от 15 мая 1600 г., складской сбор и побор за продажу вина на розлив, составлял в Польше от вина волошского дрилинга 24 гроша, а от простого волошского вина 16 грошей от барели⁵⁶.

Большие погребки импортных вин находились также и во Львове⁵⁷,

⁵⁰ ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, д. 19, л. 58—59.

⁵¹ Там же, л. 58—59.

⁵² ЦГИА УССР, г. Львов, Акты армянского суда, ф. 52, оп. 3, кн. 515, л. 747—749.

⁵³ Там же, ф. 52, оп. 3, кн. 515, л. 823—831.

⁵⁴ Wilhelm Rolny. Dwa taksy towarow cudzoziemskich z roku 1633. Krakow, 1897, s. 26—27.

⁵⁵ ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 20, л. 1264—1273.

⁵⁶ Akta grodzkie i ziemskie, t. XXIV, Lwow, 1931, s. 16—17.

Дрилинг (дрелник) — мера емкости, равная 30 ведром вина. См. Słownik języka polskiego przez M. Samiola Bogumila Linde. Lwow, 1854, s. 531.

⁵⁷ W. Lozinski, ук. произв., стр. 31.

куда поступали молдавские вина и греческая мальвазия⁵⁸. Здесь были также склады, в которых производилась оптовая торговля волошскими винами⁵⁹. В 1557 г. на Львовскую ярмарку кроме быков, кож, сукна, молдавские купцы везут и вино⁶⁰. Некий купец Петрашку из Ясс, постоянно поставлявший вино во Львов, в 1586 г. отправил львовскому купцу Паламидису, с которым поддерживал постоянные связи, 9 куфф молдавского вина. Присланное вино оценивалось в 30 флоринов куффа⁶¹.

Молдавские купцы занимались продажей не только местных, но и привозных греческих и других вин. В 1544 г. итальянские купцы Альбори, отец и сын, договариваются с купцом из Галаца о продаже для них 130 куфф мускатели, предназначенной для Молдавии⁶².

Видным виноторговцем Молдавии, был упомянутый нами Константин Корнякт. В 1569 г. он добился у польского короля разрешения продавать беспошлинно вино по всей Польше⁶³. Крупное купечество Молдавии продавало вино большими партиями. Так, 14 октября 1586 г. Сима Варси, таможенник Молдавии, занимавшийся торговлей, заключает контракт с молдавским купцом о поставке во Львов 200 куфф, то есть 147200 литров вина. Янаки уплатил ему сразу часть денег в сумме 8000 талеров⁶⁴.

Вином торговали и крупные феодалы. В одном из своих писем, отправленном в 1591 г. райцу города Львова, молдавский господарь Петр просит защитить интересы молдавского логофета Луки Стронча, пошедшего львовскому купцу Павлу Антекару 22 куффы вина, за которые последний до сих пор с логофетом Стрончем не рассчитался. Характерно, что Петр просит защищать интересы Луки Стронча как его собственные, ибо подобный случай мог бы произойти и с ним, господарем⁶⁵. В письме самого Луки Стронча тому же львовскому райцу сказано, что купец Антекар брал пробу со всего вина, в своих письмах не отрицал его качества, следовательно, товар был принят и подлежит оплате⁶⁶.

Из реестра Гашпара Пжездецкого, который осуществлял контроль над винными погребами Львова, видно, что в 1605 г. в них поступило 56½ куфф, то есть 113 бочек волошского вина, 23 куффы, то есть 46 бочек мальвазии и 3 куффы, то есть 6 бочек вина турецкого⁶⁷. Это говорит о значительном спросе на волошское вино во Львове.

В письме А. Барбариго из Константинополя дожу Венеции указывается, что воевода Молдавии был посредником в торговле греческим вином. Ежегодно из Кандии в Константинополь отправлялось от 1000 до 1500 куфф вина, из коих 2/3 шли в Килию, где разгружались и затем

⁵⁸ D. Zubrzycki. Kronika m. Lwowa. Lwow, 1884, s. 175.

⁵⁹ W. Lozinski, стр. 31.

⁶⁰ N. Iorga. Studii și doc., vol. XXIII, p. 341—342, doc. CLV.

⁶¹ N. Iorga. Studii și doc., vol. XXIII, p. 386, doc. CCLVII. Куффа равна 2 бочкам. Вместимость бочки по одним данным составляла 368 литров, по другим — 460,8 литра.

См. St. Hozzowski. Ceny we Lwowie w XVI—XVII wieku, Lwow, 1928, Giorgy Komoroczy. Wywóz win węgierskich do Polski. „Rocznik Lubelski“, III, Lublin, 1960, s. 97.

⁶² ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 11, л. 1276—1277.

⁶³ Там же, ф. 9, кн. 41, л. 507—508.

⁶⁴ N. Iorga. Studii și doc., vol. XXIII, p. 398—399, doc. CCC.

⁶⁵ ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, л. 21, л. 65—67.

⁶⁶ Там же, л. 67.

⁶⁷ ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, кн. 27, л. 868—869.

на подводах отправлялись через Молдавию в Польшу. Господарь Молдавии, будучи посредником в этой торговле вином, брал пошлину за куффу вина 4 цехина, что означало в год 3000 цехинов. Если учесть, пишет Барбариго, все то, что зарабатывали его подчиненные за перевозку, то это составляло 6—7 тысяч цехинов ежегодно. Дальше в том же письме указывается, что 3½ цехина равны 6 талерам. Следовательно, если сумму доходов молдавского господаря перевести на талеры, то она почти удвоится⁶⁸.

Данные об экспорте волошского вина и транзите через Молдавию греческих вин с очевидностью свидетельствуют о том, что этот предмет занимал по своему значению второе место в молдавском экспорте в Западную Украину.

В таможенных реестрах Каменца, Подольска, Галича⁶⁹, в документах Львовского магистрата⁷⁰ отмечен также экспорт воска из Молдавии. Так, молдаванин из Ясс продал каменецкому гражданину 229 камней воска⁷¹. Отмечен также случай доставки большой партии воска сразу на 18 подводах⁷².

Во 2-й половине XVI века из Молдавии продолжается вывоз рыбы⁷³. За рыбой в Молдавию львовские купцы направляют десятки подвод⁷⁴. В 1560 г. из Молдавии во Львов идет караван с осетриной⁷⁵. В 1564 г. во Львов направляется транспорт рыбы и воска⁷⁶. Часть молдавской рыбы львовские купцы в свою очередь экспортируют⁷⁷.

Богатые львовские купцы по-прежнему закупали в Молдавии леса для производства поташа. Известные во Львове купеческие семейства, такие как Кирилловичи, Костовичи и другие, закупали во II-й половине XVI века у волошских господарей буковинские леса, жгли здесь поташ, который затем большими партиями отправляли в Гданьск⁷⁸.

В описях товаров, сделанных в 1579 г. после смерти одного львовского купца, числятся и волошские. Так, например, в списке товаров отмечено 172 больших мешка домотканного волошского грубого сукна, на которое в Западной Украине, очевидно, был большой спрос, ибо оно часто встречается среди товаров, вывозимых из Молдавии⁷⁹. Кроме того, в документе того времени также упоминается ворсистая голубая шерстяная ткань, которая так и называется волошской⁸⁰.

В 1557 году купцы из Сучавы, Ясс, Серета кроме скота, вина и оленьих кож, везут на львовскую ярмарку домотканное раскroенное сукно⁸¹.

Таким образом, продукция молдавских ткачей находит себе сбыт не только на внутреннем, но и на внешнем рынке. Конечно, потребителем этой продукции выступают социальные низы. Что же касается господствующих классов, то их запросы удовлетворялись за счет дорогостоя-

⁶⁸ A. Veress. Documente, vol. II, p. 159—160, doc. 433.

⁶⁹ Fr. Papee. Historia miasta Lwowa w zarysie, 1924, s. 46.

⁷⁰ ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 13, л. 725.

⁷¹ Там же, стр. 725. Камень чаще всего равнялся 32 фунтам, см. «Научно-информационный бюллетень архивного управления», № 2, Киев, 1961, стр. 12.

⁷² Fr. Papee, ук. произв., стр. 46.

⁷³ L. Charewiczowa, ук. произв., стр. 25—72.

⁷⁴ P. P. Panaitescu. Documente privitoare la istoria lui Mihai Viteazu. Buc., 1936, p. 119.

⁷⁵ Грушевский. История Украины-Руси, Киев—Львов, 1907, т. VI, стр. 78.

⁷⁶ R. Rybarski, ук. произв., т. I, стр. 317.

⁷⁷ Там же, т. I, стр. 84.

⁷⁸ W. Lozinski, ук. произв., стр. 230—231.

⁷⁹ ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, л. 18, л. 269.

⁸⁰ Там же, л. 956.

⁸¹ N. Iorga. Studii și doc., vol. XXIII, p. 341—342, doc. CLV.

щих, в том числе восточных тканей, прибывавших в торговые центры Западной Украины транзитом через Молдавию.

Доставка товаров из Молдавии в Западную Украину и обратно производилась гужевым транспортом. В документах того времени сохранилось множество свидетельств о молдавских извозчиках, среди которых особенно славилась ясские, нанимаемые западно-украинскими купцами⁸².

Частое документальное упоминание об извозе — еще одно косвенное доказательство оживленности торгового обмена между Молдавией и Западной Украиной в XVI веке.

Оживленная торговля Молдавии с Западной Украиной вызывала необходимость широкого валютного обмена, которым занимались многочисленные менялы, главным образом в Яссах. Об их операциях свидетельствуют документальные данные, хранящиеся во Львовском архиве⁸³.

Из Львова в Молдавию поступали главным образом товары ремесленного производства. Согласно таможенному списку 1580 г., молдавские купцы доставляли из Львова в Молдавию ножи, жезлы, гвозди, кадки, шапки, песочные часы, сукно, кружева, полотно⁸⁴, серпы, косы, железные лемехи⁸⁵.

В 1580 г. львовский купец Гануш Алембек заключает договор с крупным молдавским купцом и менялой⁸⁶ Николаем Доместником о поставке ему в счет долга 80 поставов сукна⁸⁷ и других материалов⁸⁸.

Значительным предметом львовского вывоза в Молдавию являлись металлы. В 1557 г. для строительства Слатинского монастыря было разрешено закупить во Львове или в других местах и беспошлинно вывезти 25 тысяч листов железа⁸⁹. В 1556 г., то есть годом раньше, для того же монастыря молдавский господарь заказывает во Львове 6 колоколов⁹⁰.

В 1558 г. молдавский господарь просит у короля разрешение на беспошлинный вывоз бронзы для отливки 2 крестов и 2 колоколов, которую он покупает при помощи Львовского ставропигиального братства⁹¹. В других документах упоминаются армяне из Сучавы, вывозящие железо из Львова в Молдавию⁹². В 1554 г. молдавскому господарю было разрешено без уплаты пошлины вывезти 10, а если нужно и больше центнеров меди и свинца для сооружаемого им дворца. В связи с этим король дает приказ всем таможенникам и сборщикам податей, охранникам мостов и другим лицам, имеющим какое-либо отношение к сбору пошлин, не чинить никаких препятствий свободному провозу товаров⁹³.

Крупные молдавские феодалы приобретают во Львове ювелирные изделия. Как явствует из документа 1582 г. львовский ювелир Роттен-

⁸² ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, д. 18, л. 393.

⁸³ См. по этому вопросу ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, д. 20, л. 986, Акты армянского суда, ф. 52, оп. 3, кн. 516, л. 442—444, 529—532.

⁸⁴ R. Rybarski, ук. произв., т. 2, стр. 257—259.

⁸⁵ V. Costăchel, P. P. Panaitescu, A. Cazacu, ук. произв., стр. 64.

⁸⁶ О финансовых операциях этого ясского купца по обмену денег сохранились достоверные документальные данные, см. ЦГИА, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, д. 20, л. 986.

⁸⁷ R. Rybarski, ук. произв., т. 2, стр. 332.

⁸⁸ ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, д. 2, л. 1271.

⁸⁹ Там же, ф. 52, д. 9, ед. хр. 12, л. 520.

⁹⁰ Biblioteca Lwowska, t. XXXI—XXXII, Studja Lwowskie, Lwow, 1932, s. 6.

⁹¹ Акты Западной и Южной России, т. 1, 133.

⁹² R. Rybarski, ук. произв., т. 1, стр. 137.

⁹³ ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, д. 14, л. 860—861.

дорф обязывался изготовить молдавскому господарю серебряный сервиз весом в 480 гривен, состоящий из 12 блюд, 12 тарелок, 12 ложек, столько же ножей и вилок, 4 подсвечников, 2 солонок, 2 перочниц, 2 нагарных щипцов, 6 бутылок, 2 сундуков или шкафа кованого серебра для хранения указанных предметов⁹⁴. Это не единичное упоминание о львовских ювелирных изделиях, изготовлявшихся по заказу молдавских покупателей. В других документах упоминаются кубки, заказанные каким-то волошанином⁹⁵.

Широкий контингент привозимых из Львова промышленных изделий говорит о том, что они были рассчитаны на удовлетворение различных потребностей не только феодалов, но и социальных низов. Если на первых были рассчитаны дорогие сукна, ювелирные изделия и другие предметы роскоши, то для удовлетворения потребностей производителей материальных благ из Львова поступали различные ремесленные товары первой необходимости. В настоящий момент трудно установить, какие предметы преобладали во львовском экспорте, но есть все основания полагать, что товары широкого потребления, предназначенные более широкому кругу покупателей, должны были занимать ведущее место.

Львовские купцы были связаны с молдавскими господарями разного рода финансовыми операциями. Так, долговое обязательство львовского купца Симы Варсы от 1582 г. свидетельствует о том, что последний вместе со своими сыновьями был должен молдавскому воеводе Янку Сасулу 15 тысяч талеров, которые обязывался внести по требованию господаря⁹⁶. В пользу того же господаря в 1583 г. львовский суд взыскал сумму 240 флоринов с купца Леони⁹⁷.

До наших дней сохранилось много документов, свидетельствующих о том, что торговые связи между отдельными купеческими семьями Львова и Молдавии поддерживались из поколения в поколение. Об этом красноречиво говорят разного рода финансовые и торговые договоры, долговые обязательства и др.⁹⁸

В XVI в. в Польше существовали торговые товарищества, создававшиеся с целью увеличения капитала и уменьшения риска при проведении торговых операций. Такого рода товарищества создавались главным образом при проведении торговых операций с Фландрией и Молдавией. Однако они не были постоянными и создавались лишь в целях проведения данной конкретной операции⁹⁹. Создание таких товариществ является косвенным доказательством больших масштабов операций, для проведения которых они и создавались.

При все возрастающем объеме непосредственного товарообмена между Молдавией и Львовом, в XVI веке продолжалась и транзитная торговля, связывавшая львовское купечество с турецким рынком и осуществлявшаяся путем провоза соответствующих товаров через территорию Молдавского княжества. Через Молдавию следовали большие торговые караваны, насчитывавшие по нескольку десятков повозок¹⁰⁰. Безусловно, что часть этих товаров реализовывалась на рынках самой Молдавии. Это в основном были дорогие меха соболей, различного рода сукна, кожи и т. д. Молдавские господа зачастую являлись посредниками между львовскими и турецкими купцами. Так, например,

⁹⁴ ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 21, л. 1272—1273.

⁹⁵ W. Lozinski. Złotnictwo Lwowskie. Lwow, 1889, 57.

⁹⁶ ЦГИА УССР, г. Львов, Акты городского управления, ф. 52, д. 20, л. 986.

⁹⁷ Там же, ед. хр. 18, л. 1172.

⁹⁸ Там же, д. 9, л. 357—358.

⁹⁹ Я. Рутковский. Экономическая история Польши. М., 1953, стр. 94.

¹⁰⁰ N. Iorga. Istoria comerțului rominesc epoca veche. Buc., 1925, p. 273.

при посредничестве А. Лапушняну в 1560 г. турки¹⁰¹ закупали во Львове меха. Из Турции транзитом через Молдавию в Западную Украину поступали шелка, восточные ковры, кожи, конская сбруя, краски, лак, клей, различные пряности (шафран, гвоздика, мускатный орех, тмин) и другие товары¹⁰².

Приведенные нами документальные данные свидетельствуют о том, что в XVI в. между Молдавией и западно-украинскими городами устанавливаются тесные торговые связи, весьма выгодные для обеих сторон.

Характерной чертой этих торговых связей в данное время является все возрастающая роль торгового обмена товарами, непосредственно произведенными в Молдавии и в Западной Украине, и снижение доли транзитной торговли.

Указанное оживление торговых связей между Молдавией — производительницей сельскохозяйственных товаров и западно-украинскими товарами с их весьма развитым ремесленным производством, является закономерным результатом дальнейшего разделения общественного труда и порожденного им развития товарно-денежных отношений. Спрос на сельскохозяйственные продукты, вызванный ростом торговом-ремесленного населения Западной Украины, тем более возрастает в XVI в., когда многие из этих продуктов, закупленных в Молдавии польскими и западно-украинскими купцами, реализуются ими также и на рынках Западной Европы¹⁰³.

Возросший спрос на сельскохозяйственные продукты — в первую очередь на молдавский скот, составлявший главный предмет экспорта Молдавии в этом направлении, явился стимулом для молдавских феодалов в повышении товарности их хозяйства. Следовательно, Молдавия, аграрная по преимуществу страна, выступает в это время в первую очередь как поставщик товаров сельскохозяйственного производства.

С другой стороны, Молдавия являлась потребителем предметов ремесленного производства. Молдавский рынок и использовали западно-украинские купцы, которые систематически поставляли сюда предметы ремесленного производства.

Приведенные нами данные в известной мере подтверждают высказывавшееся ранее предположение о том, что экспорт Молдавии превышал ее импорт¹⁰⁴. Тесные экономические связи Молдавии с Западной Украиной являлись положительным фактором ее социально-экономического развития, происходившего в далеко не благоприятных условиях турецкого господства. Помимо того, что связи эти в известной мере стимулировали развитие производительных сил страны, они способствовали дальнейшему укреплению дружбы между молдавским и украинским народами.

¹⁰¹ А. Veress. Documente, vol. I, p. 173.

¹⁰² М. Грушевский, ук. произв., т. VI, стр. 16.

¹⁰³ История Польши, т. I, М., 1954, стр. 143—150. А. В. Верзилов, ук. произв., стр. 63—64.

¹⁰⁴ История Молдавии, т. I, стр. 191.

Е. М. ПОДГРАДСКАЯ

ЛЕГЭТУРИЛЕ КОМЕРЧИАЛЕ АЛЕ МОЛДОВЕИ КУ РЕЖИУНИЛЕ ДЕ ВЕСТ АЛЕ УКРАИНЕИ ЫН ЖУМЭТАТЯ А ДОУА А СЕКОЛУЛУИ ХVI

Резумат

Пе база унуй васт материал документар ауторул аратэ фелул, ын каре Молдова стабиля стрынсе легэтурь комерчиале ку режиуниле де вест але Украиной, ку тоате кэ депенденца ей де Поарта Отоманэ креш кондиций нефаворабиле дезволтэрий сочиал-экономиче ши политиче а принципатулуй.

Ын скимбул де мэрфурь, че авя лок ынтре Молдова ши Украина де вест ын ачел рэстимп, креште греутатя спечификэ а мэрфурилор продусе пе лок, яр греутатя спечификэ а комерцулуй де транзит скаде.

Череря крескынды, де каре се букурау продуселе агриколе ши май алес вителе — принципалул объект де экспорт ал Молдовой ын Украина де вест, поате фи експликатэ прин фаптул кэ, пе де о парте, споря популация, че се окупа ку комерцул ши месерниле ын Украина де вест, яр пе де алтэ парте, ачастэ марфэ ера кэутатэ ши пе пецеле дин апусул Еуропей, финнд ливратэ аколо де прекупеций полонежь ши вест украинень.

Экспортул продуселор агриколе ый фэчя пе феудалий молдовень сэ мэряскэ продукция де мэрфурь пе мошилиле лор.

Финнд ун фурнизор де продусе агриколе, Молдова, ын ачелаш тимп, ера ун консуматор де продусе мештешугэрешть, каре ерау ливрате пе пецеле Молдовой де комерчианций дин Украина де вест.

Легэтуриле экономиче але Молдовой ку Украина де вест ау фост ун фактор позитив, каре стимула дезволтаря форцелор де продучере ши а релациилор сочиал-экономиче, контрибуя ла ынтэриря приетенией динтре попареле молдовенеск ши украиняи.

И. В. СЕМЕНОВА

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О РУССКО-МОЛДАВСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX вв.

Вторая половина XVIII века характеризуется для России общим подъемом науки и образования в стране. В связи с усилением народной борьбы против крепостничества в 60-е годы XVIII в. в России распространяются просветительские идеи. Именно в этот период, в результате укрепления политических и экономических связей между Россией и Молдавией, русско-молдавские культурные связи получили дальнейшее развитие и углубление.

Характерным для русских и румынских буржуазных историков является то, что в своих работах они останавливались главным образом на церковных связях, которые, как известно, сыграли определенную, но отнюдь не решающую роль в культурном развитии Молдавии. Ими не вскрывались причины развития русско-молдавских культурных связей, они не показывали роль и влияние русской культуры на развитие культуры Молдавии¹.

В советской и румынской современной историографии русско-молдавским культурным взаимоотношениям уделено значительное место. Они освещаются не только в общих работах, но и стали предметом специальных исследований. Среди последних, особенного внимания заслуживают монографии Н. А. Мохова и П. КонстантINESКУ-ЯШЬ², в которых дается научный анализ зарождения и развития русско-молдавских связей, раскрывается благотворное влияние прогрессивной русской культуры на культуру Молдавии. Однако в исторической литературе, в том числе и в указанных работах, не все аспекты этой большой и сложной проблемы в равной мере исследованы. Это, в частности, относится к развитию русско-молдавских культурных связей во второй половине XVIII — начале XIX вв. и к появлению в этот период новых, более глубоких форм связи.

В данной небольшой статье на основе архивных материалов и опубликованных данных мы попытаемся рассмотреть некоторые формы и содержание культурных связей между Россией и Молдавией во второй половине XVIII — начале XIX вв. в области просвещения, организации типографий, взаимного интереса к культуре представителей Рос-

¹ N. Iorga. Istoria literaturii române în sec. XVIII, vol. I—II; A. D. Xenopol, Istoria Românilor... A. Hakko.

² Н. А. Мохов. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей. Кишинев, 1961; P. Constantinescu-Iași. Relațiile culturale româno-ruse din trecut. Ed. Acad. RPR. 1954.

сии и Молдавии, проникновения идей русского просветительства и рассмотреть вопрос о первых научных экспедициях Академии наук России, которые также способствовали укреплению культурных связей.

В рассматриваемый период дальнейшее развитие культурных связей проходило в условиях зарождения капиталистических отношений. В новых условиях, естественно, менялись до некоторой степени формы и содержание культурных связей. В отличие от предыдущего периода, когда культурные связи (кроме церковных) были эпизодическими, теперь они становятся постоянными, поскольку Россия установила фактический протекторат над Дунайскими княжествами. Изменяются формы и содержание культурных связей. Это проявляется в том, что Россия не только защищает представителей культуры, но и принимает меры по организации школ, все чаще представители Молдавии выезжают на учебу в Россию. Укрепление экономических и политических связей между Россией и Молдавией несколько ослабило греко-фанариотский гнет в крае, но позиции фанариотов в области культуры были еще сильны. По существу вся система образования по-прежнему находилась в руках греков-фанариотов. Греческие учителя оставались в лучшем положении по сравнению с русскими и молдавскими. Так, греческие даскалы (учителя) получали жалование до 360 лей, а русские и молдавские 100—130 лей³. Поддерживая материально греческих учителей, греки-фанариоты и часть реакционного боярства, связанная с ними, пытались помешать росту и развитию молдавской национальной культуры.

Однако лучшие представители молдавского народа из среды господствующего класса выступали против греков-фанариотов и их политики в области культуры. Молдавский митрополит Гавриил, будучи патриотом своей страны и другом России, обратился за помощью к русской администрации с просьбой защитить интересы молдавских школ и, в частности, предложил сократить жалованье греческим учителям. Предложение Гавриила было поддержано русской администрацией во главе с Румянцевым⁴ и этим было несколько ограничено греческое влияние в системе образования.

В период русско-турецких войн русская администрация в Молдавии предпринимает меры по организации школ. В конце XVIII века были открыты школы при монастырях Нямц, Путна, а также в Яссах и Хотине. Молдавский митрополит Вениамин сделал попытку превратить Ясскую школу, в которой обучалось до 50 человек, в семинарию по русскому образцу⁵. Эти школы были созданы в противовес греческим. Преподавание в них велось на молдавском языке⁶.

В архивах имеется немало свидетельств о направлении из России учителей в Молдавию и Валахию. Так, из писем митрополита Гавриила Красно-Милашевичу, председателю Молдавского Дивана, видно, что речь шла о присылке учителя Гербановского⁷, изъявившего согласие работать в школах Молдавии, и Нестеровича — в школах Валахии. Оба они должны были преподавать русский язык⁸. Академия в Киеве, как явствует из ответа Красно-Милашевича⁹, охотно удовлетворила просьбу и послала «двух учителей для обучения русскому языку». По-

³ Memoriu asupra perioadei din istoria Românilor. Buc., 1893, p. 827.

⁴ Там же.

⁵ Basarabia din secolul XIX de Zamfir Arbore. Buc., 1890, p. 795.

⁶ История Молдавии, т. I, Кишинев, 1951, стр. 326.

⁷ Гербановский, по-видимому, впоследствии молдавский писатель XIX в., писавший на русском языке.

⁸ ЦГА МССР, ф. 1, ед. хр. 1786, л. 3.

⁹ Там же, л. 4.

мимо указанных, в Молдавию из Киева прибыло еще несколько учителей для молдавских школ. В 1808 году в Яссах в качестве учителей работали воспитанники Киевской духовной академии Петр Куницкий, Исидор Грабовский, Иван Нестерович и др.¹⁰

В конце XVIII и начале XIX вв. стремление молдаван получить образование в России становится все заметнее. Во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. русская администрация в Молдавии способствовала посылке молдаван на учебу, в частности, в Киев. Киевская академия в то время была одним из центров просвещения в России. В ней читались не только богословские дисциплины, но естественные и гуманитарные науки. Здесь обучались многие представители народов Балканского полуострова и Дунайских княжеств — сербы, черногорцы, болгары, молдаване и валахи.

В период русско-турецкой войны 1787—1791 гг. князь Безбородко содействовал поступлению в одно из С.-Петербургских училищ сына молдавского боярина, сулжера Матея Нецела Шербана¹¹. В 1808 г. по просьбе департамента иностранных дел Молдавии русская администрация в княжестве выдала паспорт с правом возвращения на родину «молдавскому подданному Георгию сыну Алексея Георгиева, который следует через Могилев в Москву для обучения там российской грамоте»¹².

Таким образом, приведенные факты свидетельствуют о том, что Россия оказывала помощь Молдавии как посылкой учителей, так и обучением молдаван в своих учебных заведениях. Многие из представителей молдавской феодальной культуры — Евстратиевич, Енчану и другие получили образование в России. Они работали на поприще просвещения, некоторые из них стали видными деятелями культуры Молдавии. Так, например, Евстратиевич занимался литературной деятельностью и переводами. Кроме того, он составил молдавскую грамматику, которая была издана в Яссах под названием «Лекционе адика кувинтаре, скоасе дела ынтия парте а граматичий»¹³.

Помимо присылки учителей, подготовки кадров для молдавских учебных заведений Россия помогала Молдавии и учебной литературой. Для нужд школ были переведены с русского языка на молдавский несколько учебников по арифметике, географии и истории¹⁴. Интерес к русской культуре обусловил появление грамматик и словарей, которые были необходимы как для перевода русских книг, так и для изучения русского языка. В это время известный автор грамматики Макарий составил славяно-румынский словарь «Racurariu»¹⁵. В 1789 году в Яссах был издан новый словарь, предназначенный для изучения молдавского и русского языков под названием «In scurtu adunare a numelor dupu capetele a s'au așezat cu doua limbii în folosul celor ce se vor vrea a învăța limba rusască și moldovenească»¹⁶. В 1812 году был составлен русско-румынский словарь «Țilcuirea s'au aratarea gramaticii slavenești»¹⁷.

¹⁰ А. Стадницкий. Гавриил Банулеску-Бодони экзарх молдо-влахийский (1808—1812), митрополит Кишиневский (1813—1821). Кишинев, 1894, стр. 138.

¹¹ ЦГВИА, ф. ВУЛ, ед. хр. 109, л. 7.

¹² ЦГА МССР, ф. 1, ед. хр. 63, л. 362.

¹³ P. Constantinescu-Iași. Relațiile culturale romino-ruse din trecut. Buc., 1954.

¹⁴ История Молдавии, т. I, Кишинев, 1951, стр. 334.

¹⁵ N. Iorga. Istoria literaturii romine în secolul XVIII, vol. II, Buc., p. 279.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Как видим, за сравнительно короткий период были составлены грамматика и два словаря. Все это свидетельствует об интересе просвещенных людей Молдавии к русской культуре и о той помощи, которую оказывала Россия молдавскому народу.

Посылка книг из России в Молдавию уже освещалась в советской и румынской литературе¹⁸. Однако эта форма развития культурных связей до середины XVIII в. носила в основном церковный характер и осуществлялась высшей духовной властью России. Эта форма сохранилась и в конце XVIII и начале XIX вв. В архивах есть достаточно документов, освещающих этот вопрос¹⁹.

В конце XVIII и начале XIX вв. вопросом распространения книг занималась и русская администрация, так как считала, что это будет способствовать укреплению русского влияния в Дунайских княжествах. Эта политика России способствовала развитию просвещения и не шла в противоречие с интересами Молдавии. В торговом обмене России с Молдавией в то время наблюдается рост книжной торговли. В 1786 г. приказчик московского купца привез в Яссы 300 русских книг²⁰. В 1795 г. другой русский купец привез в Яссы 775 русских книг²¹. В 1810 г. с киевским купцом Сиваевым было отправлено в Молдавию для Ясской школы 200 книг. Когда же купец был задержан на Могилевской таможне, то Красно-Милашевич немедленно потребовал объяснения. Характерен ответ таможни Красно-Милашевичу, в котором подчеркивалось, что книги никогда не были задержаны, а был временно задержан купец для получения паспорта²².

Начало книгопечатания в Молдавии, как известно, непосредственно связано с деятельностью представителей украинской и молдавской культуры Петра Могилы, а также Михаила Стрельбицкого²³.

В литературе принято считать, что в период русско-турецкой войны 1787—1791 гг. в Молдавии, в Яссах, существовала одна типография Стрельбицкого, которая впоследствии продолжала свою деятельность в г. Дубоссарах. Дубоссарская типография обслуживала не только Молдавию, как это отмечается в нашей литературе. Она является первой типографией во вновь присоединенном по Ясскому миру крае.

В начале XIX века в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. в Молдавии, кроме Дубоссарской, были еще две типографии, как об этом сообщает Бендерский епископ Дмитрий, — в Яссах и Нямце²⁴. Имеются данные, что в 1790 г. в Яссах была основана вторая типография архиепископа Амбросия Серебрянникова²⁵. Мы пока не располагаем прямыми сведениями о ее деятельности, но можем сказать, что Амбросий Серебрянников, с именем которого связывается в литературе возникновение этой типографии, еще до присоединения Левобережья

¹⁸ Н. А. Мохов. Очерки истории. Молдавско-русско-украинские связи. Кишинев, изд-во «Штиинца», 1961.

¹⁹ На имя Румянцева с прошениями о выдаче паспортов для поездки за книгами обращались представители церковной власти Молдавии. Так, в 1788 г. игумен Нифон едет в Киев для «покупки церковных книг и иных для той надобностей» (ЦГВИА, ф. ВУЛ, д. 2395, л. 5). В 1789 г. настоятель Цыбуканского монастыря в Молдавии Даниил едет в Полтаву для покупки церковных книг...» (ЦГВИА, ф. 253, л. 16). В том же году игумен монастыря Успения просит паспорт для поездки в Киев для покупки богослужебных книг (ЦГВИА, ф. 45, д. 109, св. 60, л. 83).

²⁰ АВПР, ф. 89, д. 1223, л. 16—26.

²¹ Там же, д. 1276, л. 101.

²² ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 2044, л. 1, 2.

²³ Н. А. Мохов, указ. соч., стр. 176, 180.

²⁴ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 3372, л. 1—7.

²⁵ Печать в Новороссийском крае, журнал «Юг», 1882 г.

Днестра к России, жил в Полтаве, а после смерти митрополита Леона был назначен митрополитом Молдавии.

Таким образом, в изучаемый нами период в Молдавии существовали три типографии и, возможно, действовала и четвертая, которые печатали книги на молдавском и русском языках. Их деятельность также способствовала развитию культуры Молдавии и укреплению русско-молдавских культурных связей.

Во второй половине XVIII — начале XIX вв. возрастает интерес к России и русской культуре у молдавских деятелей, а также интерес русских деятелей к культуре и истории Молдавии. Это послужило базой для дальнейшего развития культурных связей и возникновения новых форм, более богатых по содержанию. Все чаще представители Молдавии посещают культурные центры России и Украины — Петербург, Москву, Киев, Львов. В конце XVIII в. отдельные представители Молдавии совершают путешествия в города России. В 70-х годах Петербург посетили Вартоломей и Венедикт. Они интересовались жизнью столицы. Впоследствии писали, что «путь наш из Молдавии в Петербург был богат и ценен историческими и географическими сведениями»²⁶. Они восхищались сокровищами русской культуры, высоко оценивали скульптурный памятник Петру I, картины Полтавского боя и т. д.²⁷

Свидетельства Вартоломея и Венедикта расширяли представление жителей Молдавии о культурном развитии России, повышали их интерес к русской культуре.

Усиление интереса к русской культуре у представителей молдавского общества отметил румынский историк В. А. Уреке, который писал, что возникновение исторической, этнографической литературы связано с изучением истории России и отношений с румынскими княжествами²⁸. В XVIII в. появляются переводы русских летописей, как например, хроника «Де ынчепере ням словенеск ши де нумиря луй». Появляется ряд молдавских хроник, в которых отражаются взаимоотношения России и Молдавии и в первую очередь борьба против турецких поработителей. Особый интерес молдавского летописания XVIII в. связан с Прутским походом Петра I²⁹.

Эти переводы знакомили молдавское общество с историей России, способствовали развитию молдавской литературы и языка, усилению борьбы с греко-фанариотским засильем в культуре Молдавии. В свою очередь и русское общество интересовалось Молдавией. Не случайным, а закономерным является тот факт, что в конце XVIII в. с молдавского и латинского на русский язык переводится ряд книг. В это время была переведена крупная работа Дм. Кантемира «Описание Молдавии», ознакомившая русского читателя с историей молдавского народа. Некоторые интересные материалы о происхождении молдавского народа были опубликованы в русской периодической печати³⁰.

Представители передовых кругов России сыграли большую роль в распространении революционных идей в Молдавии. Известно, что

²⁶ Архива Ромынякэ, суб ред. Когылничану, ед. хр. 11, т. 1, Яшь, 1860, паж. 249.

²⁷ Там же.

²⁸ V. A. Urechia. Istoria evenimentelor din orientu cu referința la principatele Moldova și Valahia din anul 1769—1774. Buc., 1889, p. 2—3.

²⁹ Были переведены «Виштиничаре пентру моарта Марелуй Петру ымператулуй а тоате Русия», «Вяца Марелуй ымператулуй Москулуй», написанная в 1799 г., «Вяца Марелуй Петру Самодержец а тоате Русия», «Витымплэриле вицецей Маршалулуй Потемкина» и другие (см. V. Urechia, указ. соч.).

³⁰ А. Н. Неустрова. Исторические разыскания о русских поврежденных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. СПб., 1875 г.

уже в то время среди офицеров и солдат русской армии было много людей с передовыми взглядами. Длительное пребывание русской армии на территории Дунайских княжеств способствовало проникновению в Молдавию из России прогрессивных идей, в частности, идей французской революции.

В период русско-турецкой войны 1787—1791 гг. в Яссах при штабе Потемкина печаталась первая газета в Молдавии «Curier de Moldavie» на французском языке. В ней давался обзор международного положения и, что особенно важно, в газете печатались материалы о французской революции.

Благодаря пребыванию русских офицеров в Молдавии сюда проникли идеи революционного просветительства. Они завезли в Молдавию знаменитое произведение А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». В. В. Пассек, служивший в штабе Потемкина, а впоследствии привлеченный по делу А. Н. Радищева, на процессе показал, что большую часть рукописей, среди которых находилась и книга Радищева, он купил «у носящего на рынке в Яссах»³¹.

Замечательным также является тот факт, что в Молдавии некоторое время жил и работал русский политический публицист В. Ф. Малиновский, которого советские исследователи Э. А. Араб-Оглы и Б. Мейлах³² характеризуют как последователя Новикова, младшего современника Радищева, «как убежденного врага крепостничества и горячего сторонника политических перемен в государственном строе»³³.

В. Ф. Малиновский был человеком высокой культуры и широкого политического кругозора. После окончания философского факультета Московского университета он поступил в архив коллегии иностранных дел, в 1789—1791 гг. служил в русской миссии в Лондоне, присутствовал в качестве переводчика на Яском конгрессе, а в 1800—1802 гг. был русским консулом в Яссах. В конце XVIII и начале XIX вв. В. Ф. Малиновский развил активную политическую деятельность. В 1790 г. он написал «Рассуждение о войне и мире», где выступает за прекращение войн и предлагает создать международный орган с представителями всех стран, который бы стоял на страже мира. В 1803 году Малиновский пишет «Записку об освобождении рабов» и другие произведения³⁴.

Письма В. Ф. Малиновского к молдавскому митрополиту Веннанину проникнуты горячим сочувствием к тяжелому положению молдавского народа. «Народ угнетается, — пишет он, — жалобы обывателей твердятся в моих ушах»³⁵.

Знакомый с русской политикой на Балканах, с положением в Дунайских княжествах, В. Ф. Малиновский не одобрял Яского мира, по которому Дунайские княжества оставались под властью Турции. В неопубликованном письме от 2 октября 1803 года он писал: «При мне совершилось последнее постановление, которое решило участь Молдавии и Валахии. Свидетелем я был оскорбления и сожалений добрых патриотов о возвращении их отечества прежним врагам: короткие знакомые в приязни своей открывали свое негодование и упрекали в несдержанности данного слова об освобождении... не по чинам и степеням службы оживает сердце благородное — я принял сии выговоры, сии

³¹ Л. Светлов. А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII в. См.: Из истории русской философии XVIII—XIX вв. М., 1952, стр. 39.

³² Б. Мейлах. Пушкин и его эпоха. М., 1958; Э. А. Араб-Оглы. Выдающийся просветитель-демократ. К 150-летию выхода в свет «Рассуждения о мире и войне», «Вопросы философии», 1954, № 2.

³³ Б. Мейлах, указ. соч., стр. 31.

³⁴ Там же.

³⁵ С. Eribiceanu. Istoria Mitropoliei Moldovei și Sucevei... Buc., 1888, p. 70.

упреки как мне лично сделанные. И помню сии земли всегда, на сердце их носил»³⁶.

Узнав, что место генерального консула не занято, В. Ф. Малиновский выразил желание поехать в Молдавию, чтобы «...способствовать благоденствию сих земель...»³⁷.

Просветитель-демократ В. Ф. Малиновский, видя тяжелое положение молдавского крестьянства, представил царю доклад, в котором писал, что жители Молдавии «доведены до такого отчаяния, что не хотят более обрабатывать землю и силой принуждают их сеять хлеб. В доказательство привел многих беглых русских, которые от утеснения и налогов пожелали возвратиться в отечество...»³⁸. Его предложения об облегчении положения крестьян Молдавии не были приняты, но в качестве русского консула В. Ф. Малиновский сумел добиться уменьшения различных поборов и налогов и некоторого ограничения произвола молдавского господаря и бояр³⁹.

В цитированном выше письме В. Ф. Малиновский дает меткую характеристику грекам-фанариотам; называя их «гарпиями, которые прилетают и улетают, похищая пищу бедных жителей»⁴⁰.

Несомненно, что деятельность замечательного русского просветителя-демократа В. Ф. Малиновского в Молдавии и его общение с людьми оказали определенное влияние на развитие умов в княжествах.

Важную роль в развитии русско-молдавских культурных связей сыграли первые научные экспедиции Академии наук России, проводимые в Молдавии. Со второй половины XVIII в., до присоединения Бессарабии к России на территории Молдавии были осуществлены три научные экспедиции: в 1771 г. Э. Лаксмана, в 1768—1773 гг. капитана Исленьева и в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. экспедиция Ейхфельда. Кроме того, ряд руководителей научных экспедиций России — Ф. Ф. Зуев в 80-х гг. и Ф. К. Маршал фон Гиберштейн в 90-х гг. побывали в Молдавии с научными целями. Эти экспедиции имели задачу исследовать природу и естественные богатства Молдавии.

Из перечисленных экспедиций более подробные сведения имеются пока только в отношении экспедиции Ейхфельда по разведке местных руд и минералогического обозрения Молдавии. Эта экспедиция была проведена по просьбе Дивана Молдавии и митрополита Гавриила.

В период войны из Молдавии было прислано в Петербург несколько ящиков найденных в Молдавии и Валахии руд⁴¹. В письме указывалось, что в недрах Молдавии имеются руды, которые «сокрыты тамошним правительством от Порты во избежание претензий и наложения налогов»⁴².

Экспедиция Ейхфельда была организована в 1809 г. В ее состав вошли три мастера от Грузинского горного производства и до 20 мастеров от Сибирских и Луганских заводов. В 1810 г. экспедиция прибыла в г. Яссы. Из переписки видно, что она успешно работала. Ее отчет был представлен в Горный департамент. После присоединения Бессарабии к России экспедиция продолжала работу в Бессарабии по исследованию соляных озер Аккерманского уезда.

³⁶ ГБЛ, Отд. рукописей, ф. Музейный, шифр. Авт. п. 4, ед. хр. 6.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, А. Vianu. L'illuministe russe Vassile Feodorovitch Malinovski dans les Principautés Roumaines. См. Nouvelles études d'histoire. Buc., 1960.

⁴⁰ ГБЛ, Отд. рукописей, ф. Музейный, шифр. Авт. п. 4, ед. хр. 6.

⁴¹ ЦГА МССР, ф. 2, ед. хр. 65, л. 12 и об.

⁴² Там же.

Таким образом, в заключение можно сказать, что в результате усиления влияния России в Дунайских княжествах во второй половине XVIII — начале XIX вв. укрепляются русско-молдавские культурные связи. Формы этих связей становятся более разнообразными и по содержанию более глубокими. Растет взаимный интерес к культуре обоих государств.

Развитие русско-молдавских культурных связей в конце XVIII — начале XIX вв. еще более укрепило дружбу между обоими народами.

И. В. СЕМЕНОВА

ДАТЕ НОИ ДЕСПРЕ РЕЛАЦИИЛЕ КУЛТУРАЛЕ
РУСО-МОЛДОВЕНЕШТЬ ЫН ЖУМЭТАТЯ А ДОУА
А ВЯКУЛУЙ ХVIII ШИ ЫНЧЕПУТУЛ ВЯКУЛУЙ ХІХ

Пе база унор материале де архивэ инедите ши публикате ын артикол есте арэтатэ дезволтаря де май департе а релациилор културале русо-молдовенешть ын жумэтатя а доуа а вякулуй ХVIII ши ынчепутул вякулуй ХІХ ын домениул ынвэцэмынтулуй, ын организаря типографиилор ш. а. м. д., апарияция унор ной форме де релаций, май богате дупэ концинут. Ын Молдова пэтрунд иденле лумиништилор рушь, яу наштере примеле релаций ын домениул черчетэрилор штиницифиче.

А. К. МОШАНУ

СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РУМЫНИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1910—1914 гг.)

В марксистской историографии большое внимание уделяется изучению истории международного рабочего движения.

Пролетариат, с тех пор как стал классом, сознающим свою передовую роль, является главной движущей силой революционного преобразования мира¹. В Программе КПСС подчеркивается, что изучение мирового коммунистического и рабочего движения имеет важное значение². Исследовать историю рабочего класса той или иной страны — значит проследить путь его развития, путь его к социализму.

В этом смысле представляет интерес и история румынского пролетариата, который, прежде чем стать хозяином своей судьбы, прошел трудную школу борьбы. В настоящей статье мы попытаемся осветить одну из страниц этой борьбы — забастовочное движение накануне первой мировой войны.

В марксистской исторической литературе данный вопрос недостаточно освещен. На эту тему опубликовано несколько статей, которые посвящены отдельным забастовкам³. Стачечное движение рассматриваемого периода освещается также в неизданной кандидатской диссертации румынского историка Н. Копю «Рабочее движение в Румынии накануне первой мировой войны (1910—1914 гг.)».

Источниковедческой базой при написании статьи послужила автору рабочая печать, которая наиболее полно отражала забастовочную борьбу в Румынии. Основным материалом был почерпнут из газет «România Muncitoare» («Рабочая Румыния»), органа социал-демократической партии Румынии (СДПР) и Генеральной комиссии профсоюзов (ГКП) и «Tribuna Transporturilor» («Трибуна транспорта»), органа объединенного профсоюза рабочих водного транспорта. Было использовано также рабочее издание «Calendarul muncii» («Календарь труда») и сборник «Documente din mișcarea muncitorească 1872—1916», под редакцией академика Михаила Роллера (2-е издание).

В качестве дополнительного источника критически были использо-

¹ См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза, Госполитиздат, 1961, стр. 9.

² Там же, стр. 128.

³ Munteanu N. G. și Breazu-Tudoran G. Luptele muncitorilor din Brăila în anul 1910, în culegerea „Din istoria luptelor greviste din România”, 1957, p. 99—120; Eșanu L. Greva docherilor din portul Galați din 21 iunie—14 iulie 1911, în „Analele Institutului de istorie a partidului de pe lângă C. C. al R.P.R.”, 1959, nr. 5, p. 62—69; Eșanu L. Lupta muncitorilor de la societatea de tramvaie din Iași în luna iulie 1911, în „Studii și cercetări științifice”. Istorie (Iași), 1960, fascicula 1, p. 139—144; Iacoș Ion. Greva generală a lucrătorilor tipografi din București (iulie—august 1910), în culegerea „Din istoria luptelor greviste ale proletariatului din România”, vol. II, Buc., 1962, p. 42—64.

ваны отдельные донесения агентов полиции и сигуранцы. Небольшое количество данных было почерпнуто из дипломатической переписки между русскими представителями в Румынии и Министерством иностранных дел Российской империи⁴.

* * *

В начале XX века в Румынии происходит процесс перерастания капитализма в его последнюю стадию — империализм, черты которого накануне первой мировой войны все четче вырисовывались⁵. В погоне за максимальной прибылью капиталисты усиливали эксплуатацию рабочих и расширяли производство. Более быстрыми темпами росло количество заводов и фабрик. Так, число наиболее крупных промышленных предприятий⁶, покровительствуемых государством, составляло в 1904 г. — 346, в 1910 г. — 472, а в 1915 г. — 847⁷. Возросло и количество рабочих в них — с 46 280 в 1911 году⁸ до 53 470 в 1915 году⁹.

Однако в целом Румыния продолжала оставаться экономически отсталой страной. Например, промышленный переворот накануне первой мировой войны находился только в первоначальной стадии своего развития¹⁰. В индустрии преобладали мелкие и средние предприятия. Об этом можно судить по соотношению между числом рабочих, занятых в мелкой и крупной промышленности. Из 263 629 рабочих, занятых в 1915 г. в различных отраслях промышленности и на транспорте (исключая сельскохозяйственных рабочих и рабочих деревообрабатывающей промышленности)¹¹, только около 70 тысяч (или 26,5% общего количества) были заняты на крупных предприятиях¹².

Экономическим отставанием Румынии пользовались иностранные предприниматели, занявшие ключевые позиции во многих отраслях промышленности. В 1914 г. зарубежным воротилам принадлежало 82,2% всех капиталов, вложенных в промышленность буржуазно-помещичьей Румынии¹³.

Переплетение черт империалистической стадии капитализма с экономической отсталостью страны, засилье иностранного капитала делали положение рабочего класса Румынии особенно тяжелым. Об этом можно судить по тому факту, что норма прибавочной стоимости, выколачиваемой капиталистами, была среди самых высоких в Европе и непрерывно росла. Так, с начала XX века до 1915 г. она поднялась¹⁴ с 192% до 206%.

⁴ Недостаток источников не позволяет раскрыть в полной мере такие вопросы, как роль профсоюзов и СДПР, особенно левых элементов в руководстве стачечной борьбой и др.

⁵ См. монографии: Din istoricul formării și dezvoltării clasei muncitoare din România. Până la primul război mondial. Sub red. Conf. univ. N. N. Constantinescu, Edit. politică, Buc., 1959, pp. 267—329; Olga Constantinescu, N. N. Constantinescu. Cu privire la problema revoluției industriale în România, Edit. științifică, Buc., 1957, pp. 126—130.

⁶ Крупными в условиях Румынии принято считать предприятия, на которых работало не менее 25 рабочих, или же обладающие капиталом не ниже 50 000 лей (по закону 1887 г.), или использующие минимум рабочих и мощности не менее 5 л. с. (по закону 1912 г.).

⁷ Lecții în ajutorul celor care studiază istoria R.P.R., Edit. politică, Buc. 1961, p. 69.

⁸ Anuarul statistic al României, 1912, p. 385.

⁹ Anuarul statistic al României pe 1915—1916, p. 195.

¹⁰ Olga și N. N. Constantinescu, op. cit., p. 193.

¹¹ Din istoricul formării și dezvoltării clasei muncitoare din România, p. 365.

¹² Там же, p. 342.

¹³ Aspecte ale dezvoltării capitalismului monopolist în România. Sub red. conf. univ. Munteanu I. și conf. univ. Matei Gh., Buc., 1957, p. 74.

¹⁴ Din istoricul formării și dezvoltării clasei muncitoare din România, p. 411.

По данным официальной статистики, освещающей состояние по двенадцати отраслям промышленности, продолжительность рабочего дня в 10 из них колебалась между 10 и 12, а в двух — между 9—11 и 9—12 часами¹⁵. Для многих категорий рабочих продолжительность рабочего дня выходила далеко за указанные в статистике рамки. В «Календаре труда» за 1909 г. указывалось, что рабочие большинства предприятий работали по 12—14 часов в день¹⁶.

Уровень заработной платы румынского рабочего был низок. Согласно официальным данным, 66% рабочих и учеников в крупной, покровительствуемой государством промышленности получали в 1911 году до 3 лей в день: из них 7% получали до 1 лея в день, 26% — от 1 до 2 лей, 33% — от 2 до 3 лей и остальные 33% получали свыше 3 лей в день¹⁷. По подсчетам же рабочей печати только для скромного пропитания одного рабочего необходимо было расходовать в месяц около 27 лей¹⁸, не считая расходов на одежду, на плату за жилье, на уплату налогов. Кроме того, почти каждый рабочий должен был содержать, как правило, большую семью. Вот почему в «Календаре труда» справедливо отмечается, что 90% рабочего населения Румынии было обречено на медленное голодание¹⁹.

Положение рабочего класса Румынии усугублялось не только низким уровнем зарплаты, но и систематическим повышением цен на продовольственные и промышленные товары. Так, по заниженным данным официальной статистики в 1908—1915 гг. в сравнении с 1900—1907 гг. в Бухаресте рыночные цены на мясо говяжье повысились на 49%, брынзу — на 50, фасоль — на 37, рыбу 2-го сорта — на 36, картофель — на 18% и т. д.²⁰ В рабочей же печати указывалось, что за несколько лет многие товары широкого потребления подорожали на 50% и даже на 100% и больше, а имевшее место некоторое повышение номинальной заработной платы не компенсировало убытки, вызванные подорожанием жизни²¹. Особенно возросла квартирная плата. В 1912 г. в городах, особенно в Бухаресте, она почти утроилась по сравнению с первым десятилетием XX века²². О «неимоверном вздорожании жизни» в Румынии сообщал в 1911 г. в одной из своих депеш русский посланник М. Гирс²³.

Жизненный уровень рабочих снижался и в результате безработицы. К сожалению, пока отсутствуют данные, показывающие размеры этого социального бедствия в Румынии. Из рабочей печати мы можем почерпнуть лишь очень отрывочные сведения на этот счет, а чаще всего — одни только общие упоминания.

Так, в одном из докладов, представленном в январе 1914 г. профсоюзному съезду в Плоештах, указывалось, что во время итало-турецкой войны (сентябрь 1911 — октябрь 1912 г.) в румынских портах осталось без работы 40% портовиков. Далее в докладе говорится, что после начала балканских войн, особенно после того, как Румыния начала военные действия против Болгарии, безработица в стране усилилась²⁴.

Таким образом, даже эти далеко не исчерпывающие данные говорят

¹⁵ Din istoricul formării și dezvoltării clasei muncitoare din România, p. 411.

¹⁶ „Calendarul muncii pe anul 1909”, p. 44.

¹⁷ Подсчитано нами по „Anuarul statistic al României”, Buc., 1912, p. 385.

¹⁸ Подсчитано нами по „Calendarul muncii pe anul 1910”, p. 80.

¹⁹ Там же.

²⁰ Подсчитано нами на основе данных „Anuarul statistic al orașului București pe anii 1915—1923”, Buc., 1923, p. 160—161.

²¹ „Calendarul muncii pe anul 1912”, p. 79.

²² АВПР, Политархив, д. 695, 1912 г., л. 51.

²³ ЦГИАМ, ф. 577, оп. 1, д. 31, л. 7—об.

²⁴ „România Muncitoare” от 5 января 1914 г., № 1.

о том, что накануне первой мировой войны в Румынии имело место снижение жизненного уровня рабочего класса.

Невыносимыми были условия работы на предприятиях. Помещения, в которых рабочие трудились, были очень часто обыкновенными сараями без окон и дверей. Иногда работа выполнялась под открытым небом²⁵.

Врач К. Попеску, касаясь условий жизни рабочих нефтяной промышленности, отметил, что часть из них, особенно те, которые еще были связаны с деревней, спали в ужасных казармах; питались мамалыгой, луком, дешевыми овощами с уксусом и очень редко на их столе можно было видеть брынзу или рыбу²⁶. Говоря об условиях работы на стекольной фабрике в Чобэнуше (Бакэу), он писал: «Подозреваю, что Данте, когда описал преисподнюю, не видел стекольной фабрики, подобной той, которая существует в Чобэнуше. Люди работали там при температуре +36°C, а стеклянная масса с железной трубой, которой они должны управлять, весила 20 кг. Условия, в которых эти люди трудятся, отражаются на их физическом состоянии. Все они бледны, вид у них усталый, с печатью преждевременной старости»²⁷.

Рост промышленности и рабочего класса, ухудшение положения последнего, воссоздание в 1910 году СДПР — все это способствовало усилению рабочего движения накануне первой мировой войны. В то же время следует отметить, что на развитии революционной борьбы отрицательно сказывались такие факторы, как малочисленность кадрового, фабрично-заводского пролетариата, наличие большого числа рабочих, распыленных по мелким ремесленным предприятиям и не порвавших еще с мелкобуржуазными иллюзиями. Это создавало благоприятную возможность для распространения среди рабочего класса Румынии анархо-синдикалистских и оппортунистических взглядов. Сколь широко им суждено было распространяться во многом зависело от того, насколько решительно и с какой позиции будет бороться с ними СДПР. Однако ее собственная платформа оказалась построенной на шаткой оппортунистической основе. Таковой была ее программа, принятая в 1910 году.

Для лучшего понимания стачечной борьбы необходимо коротко остановиться на вопросе отношения СДПР к экономической и политической борьбе. В резолюции учредительного съезда СДПР по вопросу о профсоюзной борьбе подчеркивалось, что «профсоюзная борьба и впредь будет ставиться на первое место, и она не должна затмеваться политической борьбой»²⁸.

На II съезде СДПР, состоявшемся летом 1912 г., эта неправильная точка зрения была подтверждена в несколько ином виде. Там решили, что экономическая и политическая борьба должны развиваться параллельно²⁹. Это разделение и противопоставление экономической борьбы политической наложило свой отрицательный отпечаток на развертывание забастовочного движения в Румынии.

* * *

Стачечное движение в 1910—1914 гг. развивалось неравномерно. В конце 1909 г. и особенно начиная с 1910 г., после ослабления рабочего движения, связанного с жестокими репрессиями и гонениями, об-

²⁵ „România Muncitoare” от 16 ноября 1908 г., № 53.

²⁶ Dr. Popescu C., Starea igienică și sanitară a industriei noastre, 1909, p. 12.

²⁷ Dr. Popescu C., op. cit., p. 78.

²⁸ „Documente din mișcarea muncitorească, 1872—1916”. Culese și adnotate de Mihail Roller, Ed. II, 1947, p. 471.

²⁹ Там же, стр. 517.

рушившимися на рабочих в связи с крестьянскими восстаниями 1907 г., начинается новый подъем, который длился (с некоторым отступлением в 1911 г.) до балканских войн (конец 1912 г.). Стаечной борьбе, развернувшейся в эти годы, благоприятствовала сравнительно высокая экономическая конъюнктура³⁰.

В 1910 г. самые крупные стачки произошли в портовом городе Браиле. Первая забастовка была объявлена здесь 13 февраля. В ней участвовало 2500 грузчиков и возчиков³¹. Они выступали за удаление ненавистных слуг хозяев-ватафов, которые всячески издевались над ними, а также и против попыток эксплуататоров навязывать им «книжки», содержащие положения о «регламентации» труда и поведении рабочих. Фактически же речь шла об ухудшении условий труда рабочих. Сплоченность стачечников принесла им победу. Книжки были ликвидированы, а ватафы отстранены от выдачи зарплат³².

Однако эта победа была кратковременной. Через месяц ватафы опять были восстановлены в своих «правах». В связи с этим 27 мая вновь была объявлена забастовка. Первыми выступили возчики. К ним присоединились грузчики. Главное их требование было: долой ватафов.

Уличные демонстрации и собрания бастующих способствовали пробуждению всего пролетариата города Браилы. Отдельные действия солидарности с бастующими переросли во всеобщую стачку солидарности «огромного большинства фабричных и ремесленных рабочих»³³. Армия забастовщиков насчитывала более 10 000 человек³⁴. Следует отметить, что включение в борьбу рабочих городских предприятий происходило стихийно³⁵, более того, вопреки указанию оппортунистов из стачечного комитета³⁶.

Всеобщая забастовка в Браиле имела широкий резонанс во всей стране. Самый горячий отклик нашла она у портовиков Галаца. Несмотря на старания властей не допустить контакта с иногородними, в Браилу буквально прорвалась большая группа галацких рабочих численностью в тысячу человек. Они демонстрировали на улицах Браилы свою солидарность с бастующими³⁷.

Однако вскоре дали о себе знать слабые стороны забастовки. Большинство забастовавших рабочих городских предприятий, выступив в поддержку портовиков, не выдвинули своих собственных требований, которые, в условиях отсутствия организованности среди пролетариев Браилы, придали бы движению большую устойчивость. В результате через несколько дней стачка солидарности была прекращена³⁸. Портовики остались одни в борьбе. В последовавших переговорах с коммер-

³⁰ Так, в 1911 г. в промышленности и банках было вложено на 11% больше денежных средств, чем в предыдущем году. Национальный банк Румынии «заработал» 50% чистой прибыли от своего капитала, а генеральная ассоциация сахарозаводчиков — свыше 122% чистой прибыли (подсчитано на основе данных, приведенных в «România Muncitoare», № 8 от 29 января 1912 г.). Об «экономическом благосостоянии Румынии» (то есть ее господствующих классов), наблюдавшемся «во всех проявлениях экономической жизни страны», сообщал в 1912 г. в МИД России и русский дипломатический представитель в Румынии (АВПР, Политархив, д. 695, 1912, л. 61).

³¹ Munteanu N. G. și Breazu-Tudoran G., op. cit., p. 107.

³² Там же.

³³ «România Muncitoare» от 3 июня 1910 г., № 25.

³⁴ Там же, от 6 июня 1910 г., № 26.

³⁵ Там же.

³⁶ Cocea N. D. Pamflete și articole. ESPLA, 1960, p. 25.

³⁷ Mihădescu Victor, Istoricul mișcărilor muncitorești din portul Brăila, 1930, pp. 23—24.

³⁸ «România Muncitoare» от 10 июня 1910 г., № 27.

сантами и представителями Министерства торговли руководители забастовки проявили слишком большую уступчивость, приняв в качестве основы для прекращения забастовки туманные обещания эксплуататоров.

Как только 13 июня 1910 г. портовики приступили к работе, предприниматели и начальник порта «забыли» о своих обещаниях. Они оставили за ватафами прежнюю силу над рабочими³⁹. Следовательно, главное требование портовиков не было выполнено. Рабочие были обмануты. Так окончилась эта крупная экономическая забастовка.

Стачка в Браиле показала, что пролетариат этого города был проникнут сознанием классовой солидарности, боевым духом. Но из-за слабой организованности рабочих, их неопытности и колебаний руководителей забастовка окончилась поражением.

Галацкие портовые рабочие, которые в первой половине июня проявили солидарность со своими брайловскими товарищами, в конце того же месяца провели короткую забастовку, которая через полтора дня окончилась успешно. Они добились увеличения зарплаты при выполнении отдельных работ, заставили коммерсантов соблюдать ранее заключенный договор и установили свой контроль за его соблюдением⁴⁰.

К сравнительно крупным выступлениям 1910 г. относится забастовка типографов Бухареста. Забастовочное движение в этой отрасли вспыхнуло в результате отказа хозяев удовлетворить требования типографов крупных предприятий о сокращении рабочего дня с 9 до 8,5 часов, установлении предельного минимума заработной платы в 32 лея и соблюдении ранее принятых законов относительно числа выходных дней по праздникам⁴¹. Из-за отсутствия организационного единства⁴² и препятствий, чинимых оппортунистами и прямыми ставленниками капиталистов, стачка типографов Бухареста началась как частичная и лишь постепенно в движение было втянуто абсолютное большинство рабочих типографских предприятий столицы.

Первыми вступили в борьбу рабочие ателье «Индепенденца», «Епока» и «Еминеску». Затем забастовку объявили типографы предприятия «Сочек»⁴³. На стороне бастующих были все типографские рабочие столицы. Они требовали объявления всеобщей забастовки, но это требование не было осуществлено вследствие сопротивления оппортунистов из руководства «Ассоциации Гутенберг»⁴⁴.

Чувствуя на первых порах слабость в организации и руководстве типографских рабочих, хозяева решили расправиться с недовольными рабочими путем объявления в конце июня локаута. На улицу было

³⁹ «România Muncitoare» от 27 июня 1910 г., № 32.

⁴⁰ Там же, от 27 июня 1910 г., № 32.

⁴¹ Там же, от 4 июня 1910 г., № 34.

⁴² Часть типографских рабочих была организована в профсоюз, базировавшийся свою деятельность на принципе классовой борьбы пролетариата. С 1858 г. существовала Всеобщая ассоциация взаимопомощи типографских рабочих Румынии, называвшаяся еще «Ассоциация Гутенберг». Это была самая многочисленная организация типографов, но в нее наряду с рабочими входили и хозяева, которые часто захватывали руководство и подчиняли ее своим интересам. Но еще до всеобщей забастовки типографы выбрали новый руководящий комитет во главе с известным социалистом Д. Маринеску (См. «România Muncitoare», № 34, 4 июня 1910 г.). Существовали еще реакционные организации: «Корпорация графических искусств», «Типографская федерация Румынии». Они постепенно теряли свое влияние на массы, а последняя была совсем ликвидирована в ходе забастовок 1910 г. (См. Iacoș Ion, op. cit., p. 44).

⁴³ Iacoș Ion, op. cit., p. 47, 49.

⁴⁴ Там же, стр. 48.

выброшено свыше 2000 типографских рабочих⁴⁵. Локаут, объявленный с целью подавить движение рабочих в зачатке, оказался на самом деле искрой, воспламенившей недовольство типографов. 5 июля 1910 года стачка стала всеобщей⁴⁶. Забастовщики устраивали митинги и уличные демонстрации. Им оказывали материальную поддержку различные отряды рабочего класса Румынии⁴⁷. Со словами поддержки к бастующим обратились и болгарские типографы⁴⁸. Бастующим была оказана материальная помощь также Международным секретариатом типографских рабочих⁴⁹.

Забастовка длилась 7 недель и закончилась завоеванием недельного минимума зарплаты в 32 лея⁵⁰, сокращением по субботам рабочего дня на полчаса и др.⁵¹.

Подводя итоги забастовки типографов Бухареста, на специально созванном для этого собрании Д. Маринеску указывал, что «стачка увенчалась бы полным успехом, если все рабочие были бы заблаговременно организованы». Исходя из этих уроков, ставилась задача разрушить узкоцеховые рамки «Ассоциации Гутенберг» и принять в нее всех рабочих независимо от состояния здоровья и возраста. В тех условиях, когда большинство типографских рабочих не доросли до сознания необходимости организоваться в профсоюз, это решение было правильным, и оно было одобрено всем собранием⁵².

Хотя с точки зрения удовлетворения экономических требований бастующих стачка окончилась компромиссом, она в то же время способствовала заметному классовому пробуждению типографских рабочих. В ходе борьбы усилилось влияние социалистов на типографских рабочих. Последние постепенно шли на сближение с профсоюзами.

Кроме типографов в 1910 г. в Бухаресте забастовали рабочие ряда мелких предприятий: фабрики Кохена по производству пуговиц⁵³, мебельной фабрики «Сильва»⁵⁴, ткацкой и канатной фабрики Бирмана⁵⁵ и других предприятий. По своему характеру все они были экономическими забастовками.

Забастовки имели место в 1910 г. и в Праховском уезде. Весной вспыхнула стачка в Азуге⁵⁶, в июне в г. Плоешты бастовали ученики фабрики «Метеор», потом забастовки охватили фабрики «Орион», «Прогресул», «Доробанцул», «Ромыно-Американэ»⁵⁷. На остальных фабриках обстановка была также напряженной. По свидетельству Штефана Георгиу фабрики «Ромыно-Американэ» и «Орион» были похожи на осажденные крепости: вокруг них и днем и ночью патрулировали роты жандармов. Для ознакомления с обстановкой из Бухареста прибыл генеральный прокурор⁵⁸. В результате дружных действий рабочих часть бастующих пресекла попытки хозяев ухудшить их положение, а другая часть добилась лучших условий труда⁵⁹.

⁴⁵ „România Muncitoare“ от 4 июля 1910 г., № 34.

⁴⁶ Там же, от 8 июля 1910 г.

⁴⁷ Там же, от 8 июля 1910 г., № 35 и от 16 июля 1910 г., № 37.

⁴⁸ Там же, от 15 августа 1910 г., № 46.

⁴⁹ ЦГА МССР, ф. 885, оп. 1, д. 4468, л. 198.

⁵⁰ „România Muncitoare“ от 11 июля 1910 г., № 36, от 9 сентября 1910 г., № 53.

⁵¹ Iacoș Ion, op. cit., p. 64.

⁵² „România Muncitoare“ от 9 сентября 1910 г., № 53.

⁵³ Там же, от 29 апреля 1910 г., № 15.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, от 30 мая 1910 г., № 24.

⁵⁶ Там же, от 11 апреля 1910 г., № 12.

⁵⁷ Там же, от 22 августа 1910 г., № 48.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ „România Muncitoare“ от 11 апреля 1910 г., № 12, от 22 августа 1910 г., № 48.

Как и в 1910 году, забастовки, происходившие в 1911 г., носили также экономический характер. По нашим подсчетам, сделанным на основе имеющихся в нашем распоряжении материалов, в 1911 г. произошло около 43 стачек. В большинстве своем это были кратковременные забастовки. Свыше половины из них происходили на предприятиях с небольшим количеством рабочих. Среди бастующих преобладали кожевники, сапожники, портные, столяры, портовые рабочие, торговые служащие. География забастовок представляется следующим образом. Из 43 фиксированных нами забастовок 12 происходили в Бухаресте, 8 — в Галаце, 5 — в Плоештах, по 3 в Браиле и Яссах, а в городах Ботошаны, Питешты, Роман, Тыргул-Окна, Калараш, Хушь, Джурджу, Азуга — по 1—2 стачки.

Из известных забастовок этого года наиболее значительными были стачки докеров Галаца и кожевников Плоешт. Галацкие докеры, работающие на погрузке лесоматериалов, потребовали от хозяев улучшения условий, предусмотренных прежним коллективным договором, срок которого уже истек. Рабочие требовали сокращения рабочего дня с 10 до 9 часов в день, увеличения дневного заработка на 1 лей⁶⁰, установления минимума заработной платы, оплаты труда по выходным дням в двойном размере и др.⁶¹ Спустя два дня, 23 июня, объявили забастовку и рабочие лесопильного завода, ранее называвшегося «Гоец»⁶². Так что в конце июня в Галаце бастовало в общей сложности 1600 рабочих⁶³. С целью подавить забастовку для работы и поддержания «порядка» в доках и на завод были вызваны подразделения солдат и моряков⁶⁴.

В связи с этими забастовками ГКПР обратилась к рабочему классу страны с призывом оказать бастующим всякую помощь⁶⁵. На этот призыв откликнулись профсоюзы Бухареста, рабочие организации Браилы. Средства для бастующих собирала международная организация рабочих деревообрабатывающей промышленности⁶⁶. Братскую солидарность с бастующими проявили и венгерские пролетарии, работающие на фабрике «Гоец». Через своего представителя они заявили: «Чтобы не думали, что мы изменили своим братьям по труду: мы солидарны (с ними. — А. М.), ни один из нас не пойдет на работу, пока забастовка не закончится, мы пойдем рядом с румынами»⁶⁷.

Благодаря упорной борьбе бастующих, сопротивление капиталистов было сломлено. Первыми уступили экспортеры лесных материалов. 14 июля они согласились увеличить рабочим зарплату, сократить рабочий день, ликвидировать аккордную работу⁶⁸, уменьшить вес мешков, предназначенных для погрузки. Рабочие добились также того, что они сами должны были следить за выполнением завоеванных уступок⁶⁹.

Позже, 30 июля, возобновили работу и рабочие лесопильного завода «Гоец». Из 13 пунктов требования бастующих 12 были удовлетворены полностью. Заработная плата была повышена не на 10%, как требовали рабочие, а только на 5%⁷⁰. Таким образом, путем экономии

⁶⁰ Eșanu L. Greva docherilor din portul Galați, „Analele...“, 1959, nr. 5, p. 63.

⁶¹ „România Muncitoare“ от 27 июня 1911 г., № 32.

⁶² Там же, от 29 июня 1911 г., № 33.

⁶³ Там же, от 29 июня 1911 г., № 33.

⁶⁴ Там же, от 27 июня 1911 г., № 32, ЦГА МССР, ф. 885, оп. 2, д. 366, л. 82.

⁶⁵ Там же, от 3 июля 1911 г., № 34.

⁶⁶ Eșanu L., op. cit., p. 68.

⁶⁷ „România Muncitoare“ от 16 июля 1911 г., № 38.

⁶⁸ Eșanu L., op. cit., p. 67.

⁶⁹ „România Muncitoare“ от 9 июля 1911 г., № 36.

⁷⁰ Там же, от 30 июля, № 42 и от 4 августа 1911 г., № 43.

ческой борьбы часть рабочих Галаца добилась на время более сносных условий жизни и труда.

Летом же 1911 года в Плоештах под руководством профсоюзов и СДПР⁷¹ развернулась борьба кожевников. В первые дни июня забастовали кожевники фабрики «Сами и Фабиан Эйнгорн», требующие увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня⁷². Эта стачка кончилась быстро и успешно для рабочих и одновременно послужила толчком для борьбы остальных бастующих этой отрасли производства. День ее окончания стал началом забастовки всех остальных кожевников Плоешт⁷³. ГКПР известила об этом кожевников страны, а также рабочих кожевников Болгарии и Турции. С целью поддержки плоештских стачечников в Бухаресте профсоюзом кожевников было созвано собрание, на котором присутствовала и делегация бастующих. Бухарестские рабочие обещали оказать «своим бастующим братьям из Плоешт всяческую материальную и моральную поддержку»⁷⁴. Забастовка длилась почти 4 недели и окончилась полным успехом для рабочих, был заключен новый трудовой договор, который включал следующие основные пункты: в зависимости от квалификации увеличивалась зарплата от 25 до 50 бань в день; устанавливался твердый размер оплаты для учеников — 6 лей в неделю; сверхурочная работа должна была платиться дороже на 25%; точное соблюдение закона о полном выходном воскресном дне; ликвидация аккордной работы; в случае недогрузки предприятий никого не увольнять, а соответственно сократить рабочий день. Для наблюдения за выполнением трудового договора учреждались по предприятиям третейские комиссии, составленные из 2 рабочих и 2 предпринимателей⁷⁵.

В целом 1911 год не отличался крупными стачечными выступлениями. Немаловажное значение в ослаблении забастовочной борьбы сыграла демагогическая политика правительства консерваторов. Придя к власти в конце 1910 года, оно стало выдавать себя сторонником реформ и либерального отношения к рабочему движению. На короткий срок правительству удалось ввести в заблуждение часть рабочих. Опортунистические же руководители усиливали эти заблуждения. В рабочей печати, например, проскальзывали слова о «хороших делах», о борьбе консерваторов, возглавляемых П. П. Карпом, с беззакониями либералов.

Но вскоре истинное лицо нового правительства раскрылось. В конце 1911 года был издан «закон Неницеску», который в первой своей части содержал реакционные положения, предусматривающие по существу ликвидацию классовых организаций пролетариата, и этим самым показал заблуждавшимся рабочим истинные намерения консерваторов. По всей стране развернулось широкое движение против реакционной части «закона Неницеску»⁷⁶, которое, среди прочих факторов, способствовало подъему стачечной борьбы в 1912 году.

В январе—феврале происходили забастовки в Кымпине (на пред-

⁷¹ „România Muncitoare“ от 29 июня 1911 г., № 33.

⁷² Там же, от 12 июня 1911 г., № 28.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, от 23 июня 1911 г., № 31.

⁷⁵ Там же, от 29 июня 1911 г., № 33.

⁷⁶ См.: А. К. Мошану. Борьба рабочего класса Румынии за социальное страхование и демократическое законодательство о труде в 1911—1914 гг. «Известия Молдавского филиала АН СССР», № 5, (83), 1961 г., стр. 41—56.

приятни «Нефтяной кредит»⁷⁷, Плоештах⁷⁸, Ботошанах⁷⁹, Браиле⁸⁰, Ватра Луминоасэ⁸¹, Тульче⁸² и других городах страны.

Главной же ареной развертывания забастовочной борьбы в 1912 г. стал Бухарест. Среди первых выступили металлисты завода «Вулкан», на котором работало около 400—500 рабочих⁸³. 20 февраля в ответ на призыв администрации, выразившийся в увольнении одного металлиста и грубом отношении к рабочей делегации, требующей восстановления его на работу⁸⁴, 50 рабочих объявили забастовку⁸⁵. Они требовали: никого из бастующих не увольнять; при увольнении предупредить об этом рабочего за 15 дней вперед; предоставить разрешение конфликтов между рабочими и предпринимателем специальной комиссии, избранной рабочими, уважения человеческого достоинства⁸⁶. По ходу забастовки эти требования были дополнены другими, которые предусматривали сокращение рабочего дня, увеличение зарплаты.

Начавшись как частичная, забастовка охватила постепенно всех рабочих завода «Вулкан»⁸⁷. Живейший интерес к забастовке проявляли металлисты остальных предприятий Бухареста⁸⁸, которые страдали от тех же притеснений и работали в таких же условиях, что и их товарищи с завода «Вулкан». Забастовщиков поддерживали профсоюзы металлообрабатывающих предприятий. Бухарестские металлисты пожертвовали в пользу бастующих однодневную зарплату⁸⁹.

Однако из-за отсутствия достаточных фондов бастующие согласились в начале марта прекратить забастовку на компромиссных условиях. Хозяин удовлетворил все их требования, кроме восстановления на работу уволенного металлиста⁹⁰. Касаясь роли этой забастовки, газета «Рабочая Румыния» справедливо указывала, что стачка на «Вулкане» взбудоражила рабочих всех остальных фабрик столицы, способствовала росту профсоюзного движения среди металлистов⁹¹.

Волна забастовок прокатилась и в других местах. Среди них самая крупная произошла в апреле 1912 г. в Плоештах. Поводом к ней послужило навязывание рабочим «книжек прислуги», предусмотренных реакционной частью «закона Неницеску». 12 апреля забастовали рабочие нескольких фабрик, а 14 апреля стачка охватила все 38 промышленных предприятий города. Рабочие требовали отмены статей первой части закона⁹². Боясь дальнейшего обострения положения, префект Праховского уезда с одобрения бухарестских властей сообщил бастующим о своем решении временно прекратить ввод в действие «закона Неницеску». Плоештские рабочие отпраздновали свой успех шеститысячным митингом⁹³. На примере этой забастовки, как и на примере

⁷⁷ „România Muncitoare“ от 2 января 1912 г., № 7.

⁷⁸ Там же, от 15 января 1912 г., № 4.

⁷⁹ Там же, от 12 февраля 1912 г., № 12.

⁸⁰ Там же, от 16 февраля 1912 г., № 13.

⁸¹ Там же, от 1 марта 1912 г., № 17.

⁸² Там же.

⁸³ ЦГА МССР, ф. 885, оп. 1, д. 4470, л. 42 и л. 2580, л. 28.

⁸⁴ „România Muncitoare“ от 26 февраля 1912 г., № 16.

⁸⁵ ЦГА МССР, ф. 885, оп. 1, д. 4470, л. 42.

⁸⁶ „România Muncitoare“ от 26 февраля 1912 г., № 16.

⁸⁷ ЦГА МССР, ф. 885, оп. 1, д. 2580, л. 28—31; „România Muncitoare“ от 1 марта 1912 г., № 17.

⁸⁸ ЦГА МССР, ф. 885, оп. 1, д. 2580, л. 37, 39.

⁸⁹ Там же, л. 43—44.

⁹⁰ „România Muncitoare“ от 11 марта 1912 г., № 20 и ЦГА МССР, ф. 885, оп. 1, д. 2580, л. 50.

⁹¹ „România Muncitoare“ от 3 июня 1912 г., № 43.

⁹² Там же, 22 апреля 1912 г., № 31.

⁹³ Там же.

стачки, происшедшей в Бранле летом 1910 г., видно, что массовые выступления в форме всеобщих стачек пробивали себе дорогу в румынском рабочем движении. Это говорило о повышении революционной активности масс.

Стремление румынского пролетариата к массовым революционным действиям еще ярче проявилось в стачечных боях в столице летом 1912 г. Начиная с февральско-мартовской забастовки на заводе «Вулкан» цепь стачек в Бухаресте почти не прерывается. За период с апреля по 30 мая нам удалось фиксировать стачки на 8 предприятиях столицы⁹⁴. Под впечатлением забастовок, происшедших как в Бухаресте, так и в других городах страны, русский дипломатический представитель в Румынии писал 5 июня 1912 г. министру иностранных дел С. Д. Сазонову, что «за последнее время случаи забастовок участились»⁹⁵. В конце мая и начале июня в Бухаресте отдельные забастовки по предприятиям стали перерастать в стачки, охватывающие целые отрасли производства — прежде всего металлообрабатывающие и кожевенные предприятия. Следует указать, что большинство рабочих, охваченных стачками, не были организованы и забастовки вспыхивали стихийно. Кроме того, бастующим приходилось преодолевать противодействие различных оппортунистов, которые «советовали» рабочим «не предаваться агитации» и не объявлять непродуманные забастовки, «не предъявлять слишком больших претензий»⁹⁶.

Массовое движение среди металлистов и кожевников Бухареста началось в конце мая—начале июня. Оно явилось следствием длительного рабочего дня, который превышал 10 часов и достигал на отдельных предприятиях 13—14 часов в сутки⁹⁷, низкой заработной платы, самых трудных и несправедливых условий жизни и труда. В такой обстановке при наличии других благоприятных факторов, о которых мы упомянули, самой незначительной искры было достаточно, чтобы воспламенить имевшийся в достатке горючий материал. Самым распространенным поводом к забастовкам служили увольнения с работы неугодных хозяевам людей.

Выступления металлистов начались 30 мая забастовками рабочих заводов Л. Абрамовича и Хауга. Первый хозяин уступил бастующим через день — уволенный рабочий был восстановлен на работу⁹⁸. Хауг же рассчитывал поставить рабочих на колени. Он обратился к префекту с просьбой прислать на завод 50 жандармов, которые должны были воспрепятствовать бастующим собираться вместе⁹⁹. Однако старания Хауга оказались тщетными. Бастующие не только не поколебались в своем решении продолжить борьбу, но втянули в свои ряды и тех, которые вначале не последовали их примеру¹⁰⁰. Стачечники предъявили хозяину следующие требования: восстановить на работу уволенных металлистов, сократить рабочий день до 10 часов, повысить зарплату на 5 бань в час, учредить конфликтную комиссию с участием в ней представителя профсоюза и другие¹⁰¹. Хауг отклонил все требования кроме первого, и металлисты продолжили забастовку.

⁹⁴ „Romînia Muncitoare“ от 6 мая 1912 г., № 35; от 13 мая 1912 г., № 37; от 24 мая 1912 г., № 40; от 31 мая 1912 г., № 42.

⁹⁵ АВПР, Политархив, д. 695, 1912 г., л. 83.

⁹⁶ „Romînia Muncitoare“ от 17 мая 1912 г., № 38.

⁹⁷ Там же, от 7 июня 1912 г., № 44.

⁹⁸ Там же, от 31 мая 1912 г., № 42.

⁹⁹ ЦГА МССР, ф. 885, оп. 1, д. 2578, л. 23.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же, л. 32; д. 4893, л. 12; д. 4720, л. 25, 27; АВПР, Политархив, д. 695, 1912, л. 83, 84.

В конце мая вспыхнули забастовки в кожевенной промышленности столицы. Сначала выступили рабочие фабрики Чамиса и Т. Ионеску. Последний вынужден был отступить и согласиться на сокращение рабочего дня с 10 до 9 час., на увеличение зарплаты на 50 бань в день¹⁰². Победа рабочих фабрики Т. Ионеску послужила как бы сигналом для остальных кожевников Бухареста. 31 мая вся кожевенная промышленность столицы была охвачена забастовкой, в которой участвовало около 1600 человек¹⁰³. Руководил стачкой специально избранный комитет¹⁰⁴. К самым важным требованиям бастующих относились: сокращение рабочего дня с 10 до 9 часов, повышение зарплаты на 1 лей в день «в связи с дороговизной жизни и повышением квартирной платы», ликвидация сдельной работы, восстановление на работу уволенных товарищей и другие¹⁰⁵.

Первые стачки металлистов и всеобщая стачка кожевников подняли боевое настроение и активность рабочего класса столицы и других городов. В знак солидарности со стачечниками в Бухаресте и провинции был организован ряд выступлений. В столице на собрании в поддержку бастующих, организовано 3 июня, отмечалось, что рабочие всех металлообрабатывающих предприятий города находятся в боевой готовности и что они объявят забастовку, если Хауг не удовлетворит требования бастующих или же разместит заказы на других заводах. Так как на первых порах капиталисты отказались прислушиваться к требованиям бастующих, движение принимало все больший размах. В первых числах июня забастовали 400 рабочих завода Каца¹⁰⁶, 500 рабочих завода «Леметр»¹⁰⁷. Забастовкой были также охвачены металлообрабатывающие предприятия Абрамовича, «Вулкан», Хорнштейна, Чирнак¹⁰⁸, Вольфа¹⁰⁹. Кроме металлистов и кожевников в борьбу вступали рабочие других отраслей промышленности столицы. 1 июня с требованиями улучшения условий жизни и труда выступили 250 человек фабрики «Лак, Блау и Ко». Через два дня они вырвали у хозяина требуемые уступки¹¹⁰. Бастовали также трикотажники¹¹¹, столяры ассоциации «Рахова», рабочие, занимающиеся мощением трамвайных путей, щеточники предприятия Энджельберга, портные 18 ателье, рабочие трамвайных депо¹¹² и др. 12 июня бастующие и им сочувствующие организовали 4000-тысячную демонстрацию¹¹³. Волна забастовочного движения захлестнула и другие города страны. В начале июня в Плоештах объявили стачку рабочие «Металлургических заводов», сапожники и пекари¹¹⁴. В Галаце бастовали рабочие 4 предприятий¹¹⁵. Забастовки происходили в Констанце¹¹⁶. Как сообщалось в рабочей печати,

¹⁰² „Romînia Muncitoare“ от 7 июня 1912 г., № 44.

¹⁰³ Там же, от 3 июня 1912 г., № 43.

¹⁰⁴ ЦГА МССР, ф. 885, оп. 1, д. 2604, л. 101.

¹⁰⁵ „Romînia Muncitoare“ от 3 июня 1912 г., № 43; ЦГА МССР, ф. 885, оп. 1, д. 2604, л. 99, 12.

¹⁰⁶ ЦГА МССР, ф. 885, оп. 1, д. 3490, л. 14.

¹⁰⁷ Там же, д. 2604, л. 114.

¹⁰⁸ „Romînia Muncitoare“ от 7 июня 1912 г., № 44.

¹⁰⁹ ЦГА МССР, ф. 885, оп. 1, д. 4720, л. 27. Основные требования металлистов указанных предприятий были те же, что и у рабочих Хауга.

¹¹⁰ ЦГА МССР, ф. 691, оп. 2, д. 254, л. 9; ф. 885, оп. 1, д. 2269, л. 13.

¹¹¹ Там же, ф. 691, оп. 2, д. 254, л. 9.

¹¹² „Romînia Muncitoare“ от 21 июня 1912 г., № 48.

¹¹³ Там же, от 17 июня 1912 г., № 47.

¹¹⁴ Там же, от 10 июня 1912 г., № 45.

¹¹⁵ Там же, от 17 июня 1912 г., № 47.

¹¹⁶ Там же, от 7 июня 1912 г., № 44.

«забастовки образовали непрерывную цепь... стачки одна за другой охватывали все отрасли во всех уголках страны»¹¹⁷.

Видя рост боевого духа стачечников, решимость их продолжать борьбу до победы и оказавшись перед фактом растущей пролетарской солидарности, владельцы металлургических предприятий прибегли к совместным действиям, решив использовать в этих целях всеобщий союз промышленников Румынии. 12 июня было опубликовано сообщение комитета указанного Союза, в котором они угрожали, что «если через 15 дней, начиная с 12 июня, рабочие-стаечники металлургических заводов не приступят безоговорочно к работе, то металлургические заводы, группирующиеся вокруг союза, с 17 июня будут закрыты на неопределенное время»¹¹⁸. С другой стороны, хозяева лицемерно уверяли, что они готовы «самым доброжелательным образом» рассмотреть требования рабочих относительно зарплаты, если бастующие приступят к работе в указанный срок и если рабочие каждой фабрики представят свои требования отдельно. Последнее условие со всей очевидностью выявляет стремление предпринимателей во что бы то ни стало разобщить металлистов, выступающих единым фронтом.

На сообщение фабрикантов откликнулись СДПР и ГКПР. Они выпустили специальное воззвание, в котором раскрывали действительные причины забастовок и опровергали утверждение хозяев, будто бы причины стачек коренятся в «подстрекательской» деятельности социал-демократов. СДПР и ГКПР разоблачали цели, преследуемые союзом промышленников, и обращали внимание на то, что сообщение хозяев является вызовом, брошенным не только металлистам, но и рабочему классу всей Румынии¹¹⁹. Отказ капиталистов признать законность профессиональных союзов был оценен, как желание «...удалить естественных защитников рабочих с тем, чтобы легче обмануть их»¹²⁰. Авторы воззвания предупреждали бастующих, что если они проявят слабость, то их ожидает расправа¹²¹. В заключение воззвание приглашало рабочих придти на собрание, назначенное на 14 июня 1912 г.

Вместе с тем указанный документ содержал и оппортунистические положения. Рабочим рекомендовалось, например, пользоваться таким «правом», как «...требование вмешательства органов власти». В манифесте содержались и другие ошибочные утверждения и рекомендации. Однако, несмотря на ошибочность отдельных положений, воззвание СДПР и ГКПР сыграло в целом положительную роль в дальнейшем развертывании стачечного движения, ориентируя бастующих на сплочение и призывая бухарестских рабочих «энергично продемонстрировать полную солидарность с борющимися»¹²².

В ответ на призыв СДПР и ГКПР 14 июня в столичном зале «Дачия» собрались кожевники и металлисты, всего около 1500—2000 человек¹²³. На собрании отмечалась солидарность, проявленная рабочими в ходе забастовок металлистов и кожевников, и разоблачалась политика угроз и провокаций, проводимая хозяевами по отношению к бастующим.

Забастовки, уличные демонстрации, собрания и другие выступления металлистов, кожевников и солидарных с ними рабочих послужили толчком для активизации широких слоев рабочего класса Бухареста.

20 июня оставило работу большинство пролетариата столицы. К всеобщей забастовке металлистов и кожевников присоединились ткачи, трикотажники, гладильщики, столяры, рабочие иглочных фабрик, все рабочие Филаретской стороны. В этот день в Бухаресте состоялась крупнейшая демонстрация рабочего класса Румынии. На улицы города вышло 15—20 тысяч человек¹²⁴. Мощь этого выступления встревожила не только господствующий класс, но озаботила и оппортунистов. Чтобы манифестация не приняла больших размеров, последние призывали рабочих, проявивших солидарность с бастующими, возвращаться на фабрики и заводы¹²⁵. Этим объясняется, что на второй день движение пошло на убыль: к зданию социал-демократического клуба собралось только около 4000 рабочих различных предприятий города. Последовавшая демонстрация была слабо организована руководителями профсоюзов и СДПР и поэтому не носила боевого характера¹²⁶.

Упорство бастующих, массовые выступления, активная поддержка их рабочими различных отраслей промышленности Бухареста заставили капиталистов пойти на уступки. 21 и 22 июня между бастующими и предпринимателями были подписаны соответствующие соглашения. Результаты, достигнутые металлистами, были таковы: сокращение рабочего дня до 10 часов; увеличение почасовой оплаты на 2,5 бань; тем, которые работали сдельно, гарантировалась зарплата 10-часового рабочего дня; впредь зарплата должна была выдаваться через более короткие промежутки времени (через две и одну неделю); восстанавливались на работу все уволенные; металлисты некоторых предприятий (Каца, «Леметр») добились возвращения им денег, уплаченных ранее в заводские кассы взаимопомощи; капиталисты обещали также уважать человеческое достоинство рабочих¹²⁷. Кожевники добились следующего: сокращения рабочего дня до 9½ часов независимо от специальности и занятия, увеличения зарплаты на 50 бань в день всем рабочим, кроме тех, которым была повышена зарплата в последние три месяца до забастовки, ликвидации сдельной работы, более высокой оплаты сверхурочной работы (на 25%). Фабриканты были вынуждены согласиться и с тем, чтобы в мертвый сезон распределять поровну имеющуюся работу между всеми рабочими предприятия. Все уволенные кожевники были восстановлены на работу¹²⁸.

Таким образом, бастующие металлисты и кожевники достигли важных успехов, хотя в отношении повышения зарплаты они добились только половины требуемых улучшений. Требования кожевников по поводу были удовлетворены и в отношении сокращения рабочего дня. Видимо, стачечники добились бы полного удовлетворения своих требований, если бы всеобщая стачка не была прервана оппортунистами прежде, чем было достигнуто соглашение с предпринимателями.

Забастовки бухарестских металлистов и кожевников и движение солидарности с ними относятся к самым крупным выступлениям румынского пролетариата в начале XX века. Их значение заключается не только в практических выгодах, которые они дали бастующим, но главным образом в том, что они способствовали подъему классового сознания широких пролетарских масс столицы и страны в целом. Движение бухарестских металлистов и кожевников имело большое значение не только, и не главным образом, в смысле практических выгод для рабо-

¹¹⁷ „România Muncitoare“ от 10 июня 1912 г., № 45.

¹¹⁸ ЦГА МССР, ф. 885, оп. 1, д. 2578, л. 58.

¹¹⁹ Там же, д. 4720, л. 28.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

¹²³ Там же, л. 25.

¹²⁴ „România Muncitoare“ от 24 июня 1912 г., № 49.

¹²⁵ Там же, стр. 1 и 3.

¹²⁶ ЦГА МССР, ф. 885, оп. 1, д. 4720, л. 16.

¹²⁷ „România Muncitoare“ от 28 июня 1912 г., № 50.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Documente din mișcarea muncitorească, p. 514.

чих, а с точки зрения их революционизирующего влияния на сознание пролетарских масс столицы и страны в целом. Не случайно, что после майско-июньских забастовок профсоюз металлистов столицы стал самым многочисленным в стране, насчитывая в своих рядах 2100 человек. Укрепился и профсоюз кожевников Бухареста, число членов которого достигло трехсот¹²⁹. Летом 1912 г. быстро росли профсоюзы во всей стране. Так, если в конце июня 1912 г. в Румынии было 6775 членов профсоюзов, то уже в конце следующего месяца численность профсоюзов возросла до 9708 человек¹³⁰.

Интенсивность стачечного движения продолжала оставаться сравнительно высокой и во второй половине 1912 г. С июля по декабрь 1912 г. имели место 42 забастовки¹³¹. Среди них выделяется всеобщая стачка в Браиле. Забастовка была объявлена в знак протеста против увольнений рабочих и локаута, объявленного некоторыми предпринимателями. Стачки, вспыхивавшие на отдельных предприятиях, слились 12 июля 1912 г. во всеобщую стачку докеров, грузчиков, возчиков, рабочих целлюлозной, канатной и других фабрик¹³². В митинге и демонстрации в этот день, участвовало 6000 рабочих¹³³. Предприниматели удовлетворили основные требования бастующих¹³⁴. Об этой стачке упоминала и большевистская «Правда»¹³⁵.

В целом за 1910—1912 гг. в Румынии произошло 168 забастовок. Из них 126 имели место с января 1910 г. по июнь 1912 г. О последних имеются более подробные данные: в них участвовало 353 336 рабочих и было потеряно 530 245 рабочих дней. Успешных стачек зарегистрировано девять¹³⁶. Характерно то, что большинство бастующих не были организованы в профсоюзы. Более ста забастовок были объявлены на предприятиях, где не существовало профсоюзов¹³⁷. Тот факт, что стачечное движение столь успешно развивалось несмотря на слабость профсоюзов и социал-демократической партии, говорит об огромных революционных возможностях румынского рабочего класса.

С началом балканских войн обстановка в Румынии стала изменяться не в пользу рабочего класса. Усиление безработицы, вызванной войной, укрепляло позиции предпринимателей в борьбе со стачечниками. Положение особенно усугубилось в связи с вступлением Румынии во вторую Балканскую войну. Часть рабочих была мобилизована, среди них профсоюзные и социал-демократические активисты. В то же время власти усилили репрессивные меры против всякого движения рабочих. Все это повлекло за собой ослабление стачечного движения. Так, в 1913 году имели место только 45 стачек, в то время как в 1912 г. лишь за полгода были объявлены 42 забастовки. Более того, за указанные полгода 1912 г. число потерянных в результате забастовок рабочих дней (51 155) вдвое превышало соответствующий показатель за весь 1913 год (25 611)¹³⁸. Но в 1913 г. произошло больше всеобщих стачек, охвативших отдельные города, чем за предыдущие три года: таких выступлений было четыре. Мы остановимся подробнее на тех забастовках 1913 г., которые происходили в Праховской долине и в портах на

¹³⁰ „România Muncitoare“ от 5 января 1914 г., № 1.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же, от 22 июля 1912 г., № 56.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же, от 19 июля 1912 г., № 55.

¹³⁵ «Правда» от 15 (28) июля 1912 г., № 66.

¹³⁶ Documente din mișcarea muncitorească, 1872—1916, p. 504.

¹³⁷ Н. Копю. Рабочее движение в Румынии накануне 1-й мировой войны, стр. 213.

¹³⁸ Там же, стр. 288.

юге страны. Они выделяются на фоне остальных своим размахом, численностью участников.

В Праховской долине забастовка была начата нефтяниками Бана-Морень. Она была объявлена в знак протеста против хозяев и администрации, которые с преступной пренебрежительностью относились к жизни рабочих. В результате того, что не принимались должные меры по обеспечению безопасности, на нефтяных предприятиях часто гибли рабочие. Например, в начале марта 1913 года сгорели 10 нефтяников¹³⁹. Возмущенные этим происшествием 3900 рабочих Бана-Морень объявили 8 марта забастовку¹⁴⁰. К ним присоединились и рабочие нефтяных вышек в районе Ставрополе и Гура Окницей. Общее число бастующих достигло 5000 рабочих¹⁴¹. Бастующие выдвинули требования об изменении «закона Неницеску» в свою пользу, о замене электромоторов на вышках паровыми двигателями и др.¹⁴².

Делегация стачечников отправилась в Бухарест, чтобы изложить свои требования министру промышленности и торговли. Однако иллюзии рабочих быстро рассеялись — министр отклонил их требования.

Стачка в Бана-Морень послужила поводом к забастовочным выступлениям в Плоештах, которые 12 марта превратились во всеобщую стачку, охватившую около 6000 человек¹⁴³. Плоештские стачечники требовали удовлетворения претензий нефтяников Бана-Морень, а также ликвидации первой части и улучшения второй части «закона Неницеску». Забастовка в Плоештах была прекращена по настоянию делегации, возглавляемой оппортунистом М. Бэлиняну, которая, будучи принятой тем же министром промышленности и торговли, поверила в пустые обещания последнего о будущем «облегчении положения рабочих»¹⁴⁴.

Стачка в Бана-Морень также закончилась безуспешно. Рабочие здесь не имели опыта борьбы с предпринимателями. Это происходило потому, что руководители профдвижения уделяли мало внимания Праховской долине — одному из крупнейших промышленных районов страны. За это они были подвергнуты резкой критике на профсоюзном съезде в Плоештах в январе 1914 г. Представители ГКПР сами признались, например, что они впервые установили связь с рабочими Бана-Морени только в ходе самой забастовки.

Крупнейшие забастовки в 1913 г. вспыхнули в Браиле и других портах.

Как уже было отмечено, ухудшению положения портовиков в 1912—1913 гг. способствовало усиление безработицы. К этому добавилось введение правительством элеваторов, которые лишали работы многих рабочих. В марте 1913 г., например, в Браиле был установлен элеватор для разгрузки угля, заменивший труд 100 грузчиков¹⁴⁵. Это заставило рабочих вступить в борьбу за регулирование применения элеватора. В марте в знак протеста против применения элеватора докеры Браилы стали применять метод бойкота¹⁴⁶. Но в конце апреля эта борьба перешла в мощное забастовочное движение, охватившее в первую очередь Браилу, а потом Сулину и Галац. Об этих стачках русский

¹³⁹ «Правда» от 7 (20) марта 1913 г., № 55.

¹⁴⁰ „România Muncitoare“ от 9 января 1914 г., № 2.

¹⁴¹ «Правда» от 10 (23) марта 1913.; „Adevărul“ от 9 марта № 8437 и от 10 марта 1913 г., № 8438.

¹⁴² „România Muncitoare“ от 14 марта 1913 г., № 20.

¹⁴³ Там же, от 17 марта 1913 г., № 21.

¹⁴⁴ „Adevărul“ от 15 марта 1913 г., № 8443.

¹⁴⁵ Mihaescu Victor, op. cit., p. 35.

¹⁴⁶ „România Muncitoare“ от 31 марта 1913 г., № 25.

посол в Бухаресте ставил в известность министра иностранных дел Российской империи. Он писал 8 мая 1913 г., что «в конце минувшего месяца в городе Браиле объявлена была общая забастовка портовых рабочих, распространившаяся затем на Сулину и ныне почти совершенно приостановившая торговую жизнь этих двух крупных румынских портов»¹⁴⁷.

Забастовка докеров Браилы была объявлена вечером 20 апреля¹⁴⁸ и охватила 1000 человек. Первоначально бастующие выдвинули только одно требование — не вводить в действие элеватор по разгрузке угля до тех пор, пока есть достаточно рабочих рук¹⁴⁹. На попытки администратора доков и предпринимателей заменить труд докеров солдатами, бастующие ответили предупреждением: если на их место придут солдаты, то забастовка будет объявлена и другими рабочими доков.

Всеобщее внимание привлекали к себе митинги, уличные манифестации стачечников, организованные местными профсоюзами и Всеобщим союзом транспортников, в которых принимало участие до 10 000 человек, включая и нестачечников¹⁵⁰. Это способствовало подготовке пролетариев Браилы ко всеобщей забастовке. В решении одного из митингов, прошедших 2 мая, говорилось: «Бранловские рабочие... берут на себя обязательство поддержать до конца борьбу докеров. Рабочие Браилы обязуются также прекратить 6 мая работу на 24 часа. Это решение принимается для того, чтобы доказать свою солидарность с бастующими»¹⁵¹. Свою солидарность с забастовщиками проявляли портовики Галаца и Сулины, и рабочие Плоешт, которые посылали своих представителей для участия в манифестациях в Браиле или бойкотировали суда, прибывшие из этого порта. Все это поддерживало у бастующих высокий боевой дух, что было замечено и русским послом. Он писал, что «настроение рабочих (бастующих. — А. М.) весьма решительное и непокладистое»¹⁵².

Так как переговоры между рабочими и местными властями шли безуспешно, то бастующие послали 5 мая свою делегацию к министру внутренних дел, чтобы добиться удовлетворения следующих требований: элеватором разгружать только $\frac{1}{12}$ часть парохода, груженного углем; создать биржу труда для распределения работы; запретить использование надводного элеватора в марте, апреле и мае, когда в порту не хватает работы; соблюдать воскресный отдых; запретить ночную работу; постепенный ввод в действие новых элеваторов и подъемных кранов всех систем: по одному через каждые 3 года; регламентировать зарплату и продолжительность рабочего дня для всех рабочих; регламентировать продолжительность рабочего дня и численность рабочих, работающих при машинах¹⁵³. Следует обратить внимание на второе требование, которое не совсем ясно изложено. Если бастующие требовали у властей, чтобы они создали биржу труда, то эта биржа могла бы служить не столько интересам рабочих, сколько послушным инструментом в руках эксплуататоров. Но тогда непонятно, почему 2-е требование не было удовлетворено.

Тогдашний министр внутренних дел Таке Ионеску заявил рабочей делегации, что эти требования «сейчас» не могут быть удовлетворены.

¹⁴⁷ АВПР, Политархив, л. 697, 1913 г., л. 65.

¹⁴⁸ „Tribuna Transporturilor“ от 1 июня 1913 г., № 4.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² АВПР, Политархив, л. 697, 1913 г., л. 67.

¹⁵³ „România Muncitoare“ от 9 мая 1913 г., № 35.

В тот же день на митинге бастующих было подтверждено ранее принятое решение, что, ввиду отказа властей удовлетворить их требования, «всеобщая забастовка становится неизбежной»¹⁵⁴. В этом рабочие Браилы находили поддержку у рабочих других городов. В полученных 5 мая телеграммах говорилось: «Мы находимся рядом с Вами в борьбе за правду. Организованные плоештские рабочие»; «Рабочие металлисты Румынии посылают Вам свой братский привет вдохновения в борьбе и заверяют вас, что окажут вам всякое содействие. Долой угнетателей! Да здравствует всеобщая забастовка»¹⁵⁵. В поддержку 24-часовой забастовки бранловских рабочих высказались на своих собраниях рабочие Галаца, Тульчи, Фокшан, Плоешт и Калараша¹⁵⁶.

Рабочий класс Браилы сдержал свое слово: 6 мая он объявил 24-часовую всеобщую стачку солидарности, которая охватила свыше 12 000 рабочих и ремесленников¹⁵⁷. Забастовка была подготовлена «Союзом рабочих транспорта», секретарем которого был Штефан Георгиу. Под влиянием этого же отраслевого профсоюза в Галаце на массовом митинге было принято решение прекратить 7 мая работу на 24 часа «в видах выражения симпатии браилловским товарищам»¹⁵⁸. В день всеобщей забастовки 1000 галацких рабочих отправилась пешком в Браилу, чтобы участвовать в совместной демонстрации со своими товарищами из соседнего порта¹⁵⁹. Навстречу им вышли подводы браилловских возчиков, чтобы помочь им добраться до города.

В связи со стачкой в Браиле 30 апреля забастовали и портовики Сулины. Эта стачка длилась 6 дней. Из-за того, что известие об объявлении 6 мая всеобщей стачки в Браиле было получено с опозданием, в Сулине в этот день всеобщая забастовка не удалась¹⁶⁰.

После всех этих выступлений власти проявили большую стоворчивость и уступчивость. В Бухаресте между генеральным секретарем ГКПР Д. Попом и министром общественных работ была достигнута договоренность об условиях прекращения забастовки докеров в Браиле. Условия эти были таковы: элеватором разгружать $\frac{1}{8}$ часть пароходов, груженных углем, вместо первоначально требуемой $\frac{1}{12}$ части; создать смешанную комиссию из рабочих и представителей властей, которая после прекращения забастовки должна была заниматься «изучением» остальных пунктов требований докеров. Кроме того, предусматривалось учреждение постоянной делегации для определения тоннажа пароходов, в которую должен был войти один рабочий и один представитель от администрации доков¹⁶¹. Переговоры потом были продолжены в Браиле с участием на сей раз и делегации бастующих. Но так как генеральный секретарь профсоюзов уже сделал под нажимом правительства уступку, рабочим было трудно продолжить борьбу и им пришлось согласиться с навязанными условиями¹⁶². 13 мая забастовка была прекращена¹⁶³ на компромиссных условиях.

¹⁵⁴ „România Muncitoare“ от 9 мая 1913 г., № 35.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ „Adevărul“ от 7 мая 1913 г., № 8493.

¹⁵⁷ „Tribuna Transporturilor“ от 1 июня 1913 г., № 4; «Правда» от 10 мая 1913 г., № 106 (310).

¹⁵⁸ АВПР, Политархив, л. 697, 1913 г., л. 66.

¹⁵⁹ „Tribuna Transporturilor“, 1 июня 1913 г., № 4.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ „România Muncitoare“ от 12 мая 1913 г., № 36 и от 16 мая, № 37.

¹⁶² Что же касается остальных требований, то никакие широковещательные комиссии не могли привести к успеху. То, что не было завоевано непосредственно в ходе борьбы, не могло быть достигнуто мирным путем.

¹⁶³ „Tribuna Transporturilor“ от 1 июня 1913 г., № 4.

Ряд забастовок в 1913 г. происходит на нефтеочистительном заводе «Вега» в Плоештах, на деревообрабатывающем предприятии «Тишица», в Констанце на «Стяуа Ромыне» и «Астра Ромыне», на предприятиях «Летя» (Бакэу) и «Гоец» (Галац); многие забастовки вспыхнули в Бухаресте, Турну Мэгуреле, Сулине, Галаце, Турну Северине, Бранле, Ботошанах, Хуши, Пятра Нямце и других местах. Характерно то, что в требованиях большинства бастующих, кроме обычных пунктов о заработной плате, продолжительности рабочего дня и других фигурировало и требование о признании полномочий представителей профсоюзов в переговорах с предпринимателями и властями. Под давлением пролетарских выступлений и в силу возрастания роли и авторитета профсоюзов в рабочем движении Румынии предпринимателям все чаще приходилось считаться с этим требованием рабочих. Несмотря на непризнание профсоюзов в качестве юридических лиц, капиталисты и власти вели переговоры с ними, признавая их таким образом фактически. Обращает на себя внимание и тот факт, что, вопреки антипрофсоюзному «закону Орляну»¹⁶⁴, в конце 1913 г. наблюдаются стачечные волнения среди государственных служащих-почтальонов¹⁶⁵. Открытое недовольство своим положением выражали и рабочие бухарестского Арсенала¹⁶⁶.

После окончания Балканских войн, которые привели к ухудшению положения трудящихся масс Румынии, по всей стране прокатилась волна выступлений против дороговизны, за землю, за демократические реформы. Из разных концов страны приходили вести о недовольствах крестьян, на которых участие в составе буржуазно-помещичьей армии в войне против Болгарии оказало революционизирующее влияние. Бурю негодования вызвали в пролетариате злодеяния и жестокости в армии, в результате которых во время военной кампании в Болгарии солдаты гибли не от неприятельских пуль, а от штыков и пуль «своих» офицеров и от холеры. Острая политическая борьба завязалась вокруг вопроса ожидаемых реформ. Еще в сентябре 1913 г., до своего прихода к власти, либералы в демагогических целях, для разрядки накаленной атмосферы, затрубили о готовящихся ими реформе избирательного права и аграрной реформе. По всей стране проходили митинги и собрания, на которых рабочие требовали проведения настоящих, демократических реформ. В январе—феврале 1914 г. социал-демократическая партия включилась в кампанию по выборам в парламент.

Таким образом, в рабочем движении Румынии пробивали себе путь новые веяния. Румынский пролетариат активно включился в политическую борьбу. Вновь усилилось забастовочное движение. Рабочие массы видели настоятельную необходимость сочетания политической и экономической борьбы и требовали осуществить это на практике. Так, на профсоюзном съезде в январе 1914 года «большинство конгресси-стов высказалось за слияние профессиональной (то есть экономической.— А. М.) пропаганды с политической пропагандой партии»¹⁶⁷. Однако оппортунисты продолжали настаивать на своем. Они боялись мощных забастовочных выступлений, озаренных политическими идеями. Например, генеральный секретарь ГКПР осудил действия проф-

¹⁶⁴ 18 декабря 1909 г. был издан антипрофсоюзный закон Орляну, по которому рабочие и служащие государственных предприятий, в том числе табачники и другие лишались права организоваться в профсоюзы и бастовать.

¹⁶⁵ „România Muncitoare“ от 5 октября и 8 декабря 1913 г., № 75 и № 102.

¹⁶⁶ „Lecții în ajutorul celor care studiază Istoria RPR, E. P., Buc., 1961, p. 118.

¹⁶⁷ „Tribuna Transporturilor“ от 22 января 1914 г., № 10.

союза из Сэвен, который одно свое собрание посвятил антимилиитаристским вопросам и требовал, чтобы профсоюзная организация занималась только экономическими проблемами¹⁶⁸. Позицией оппортунистов отчасти и объясняется, что характер стачечного движения в 1914 г. по-прежнему продолжал оставаться экономическим.

По нашим подсчетам, сделанным на основе газеты «Рабочая Румыния» и донесений агентов сигуранцы, в 1914 г. до начала первой мировой войны в Румынии было проведено 55 забастовок. Это говорит о том, что по числу забастовок уровень стачечного движения за первые семь месяцев 1914 г. почти одинаков с тем, который замечался во второй половине 1912 г., и намного превышает этот показатель по всем остальным годам, рассмотренным нами. К сожалению, нет никакой возможности подсчитать количество рабочих дней, потерянных во время этих стачек, без чего трудно представить истинный размах движения. Можно лишь приблизительно сказать, что более половины стачек происходило на мелких предприятиях и в мастерских.

Из стачек 1914 г. наибольшую известность в стране получили забастовки на деревообрабатывающей фабрике «Гоец» в Галаце и булочников, типографов «Гобла» и трамвайщиков Бухареста.

На фабрике «Гоец» в Галаце работало более 1200 человек, часть рабочих — непосредственно в помещении фабрики, а другая — на погрузке и разгрузке материалов. Забастовка вспыхнула 25 февраля. Главное, что требовали бастующие, это повысить им зарплату на 30% в связи с подорожанием жизни. Помимо того, рабочие требовали удаления подрядчиков с погрузочных работ, сокращения рабочего дня с 10 до 9 часов¹⁶⁹. Хозяин и власти применили все средства нажима на бастующих. Продолжали работать и члены желтого профсоюза. В распоряжение предпринимателя были даны две роты пехоты, так как по заявлению префекта «полицейских сил, которыми располагали, было недостаточно»¹⁷⁰. И когда грузчики попытались воспрепятствовать штрейкбрехерам приступить к работе, солдаты пустили в ход штыки. 13 рабочих-стачечников было ранено¹⁷¹. Опираясь на винтовки солдат, предприниматель и подрядчики не желали делать никаких уступок. А их представитель в парламенте потребовал ограничения прав рабочих для объявления забастовок.

Несмотря на все это, бастующие стойко держались целый месяц. Однако добиться основных требований они не смогли. 24 марта большая часть бастующих, фабричные рабочие, возобновили работу по существу на старых условиях. Хозяин обязывался лишь соблюдать старый коллективный договор, уважать человеческое достоинство, не допускать увольнений без серьезных причин, установить величину заработной платы в зависимости от стажа работы и заслуг¹⁷². Грузчики прекратили забастовку несколько дней спустя. Им пришлось довольствоваться лишь тем, что был удален подрядчик с одного из трех портовых складов, принадлежащих фабрике¹⁷³.

В Бухаресте в марте 1914 г. объявили забастовку рабочие крупной типографии К. Гобла, а в апреле — все булочники столицы. В первой из них участвовало около 150, а во второй 200 рабочих¹⁷⁴. Булочники

¹⁶⁸ Областной Государственный Архив в Черновицах УССР, ф. 32, оп. 3, д. 399, л. 6.

¹⁶⁹ „România Muncitoare“ от 18 марта 1914 г., № 30.

¹⁷⁰ ЦГА МССР, ф. 691, оп. 2, д. 1658, л. 304.

¹⁷¹ „România Muncitoare“ от 18 марта 1914 г., № 30.

¹⁷² Там же, от 27 марта 1914 г., № 34.

¹⁷³ ЦГА МССР, ф. 691, оп. 2, д. 1658, л. 304.

¹⁷⁴ „România Muncitoare“ от 20 апреля 1914 г., № 43.

требовали увеличения зарплаты, а типографы еще и сокращения рабочего дня с 9 до 8 часов в сутки¹⁷⁵. Социал-демократический клуб и местная комиссия профсоюзов Бухареста организовывали совместные действия бастующих: собрания протеста против применения властями силы в отношении рабочих, уличные манифестации и митинги¹⁷⁶, помогали им материально, благодаря чему они могли долгое время бороться¹⁷⁷. На седьмой неделе забастовки булочники добились увеличения недельной заработной платы на 2,5 лея и прекратили стачку¹⁷⁸. Типографы же не выдержали до конца, и их борьба окончилась поражением¹⁷⁹. Здесь сказалось низкое классовое сознание у значительной части типографских рабочих. Несмотря на то, что существовал профсоюз типографов, продолжала действовать ассоциация «Гутенберг», которая в это время оказалась под руководством одного типографского хозяина. Во время стачки часть типографов стояла за организацию в профсоюз, а другая — за вступление в ассоциацию «Гутенберг». Руководитель последней сеял недоверие среди бастующих, указывая, что стачечникам никогда не удавалось добиться полного успеха, а мелких и средних хозяев он рисовал как союзников рабочих¹⁸⁰. Несомненно, что эти «проповеди» ослабляли волю к победе у части бастующих и способствовали неуспеху стачки.

Как уже было отмечено, еще с 1913 г. начали открыто проявлять свое недовольство рабочие государственных предприятий. В 1914 г., перед началом первой мировой войны это движение усилилось, особенно в Бухаресте. 2 января 1914 г. около 2000 рабочих центральных железнодорожных мастерских столицы оставили работу на один день¹⁸¹. Затем состоялся ряд собраний, а в феврале — съезд железнодорожников. Правительству были предъявлены требования об улучшении положения рабочих железных дорог¹⁸². Стачки железнодорожников повторились в марте¹⁸³ и июне¹⁸⁴. Молчание рабочих государственных предприятий было нарушено и в бухарестском арсенале, и на пиротехническом заводе¹⁸⁵. Однако перечисленные факты проявления недовольства рабочими государственных предприятий были лишь их первыми робкими шагами на пути возобновления борьбы после принятия антипрофсоюзного «закона Орляну». Из всех этих стачек успешно окончилась лишь мартовская забастовка железнодорожников столицы¹⁸⁶.

Более решительными были действия рабочих и служащих муниципальной трамвайной ассоциации Бухареста. Первая стачка вагонновожатых и кондукторов трамвая вспыхнула 1 июня. Она длилась всего один день, и бастующие добились удовлетворения ряда важных требований, касающихся страхования в случае болезни и несчастных случаев, предоставления платных отпусков, урегулирования зарплаты и других улучшений условий жизни и труда¹⁸⁷. Однако в результате

¹⁷⁵ ЦГА МССР, ф. 885, оп. 2, л. 517, л. 319; „Romînia Muncitoare” от 20 апреля 1914 г., № 43.

¹⁷⁶ Там же, д. 517, л. 369—373; оп. 1, д. 4720, л. 253—254.

¹⁷⁷ „Romînia Muncitoare” от 11 мая 1914 г., № 52, ЦГА МССР, ф. 885, оп. 1, д. 4720, л. 233, 255.

¹⁷⁸ „Romînia Muncitoare” от 20 мая 1914 г., № 56.

¹⁷⁹ Там же, от 27 мая 1914 г., № 59.

¹⁸⁰ ЦГА МССР, ф. 885, оп. 1, д. 4720, л. 253—254.

¹⁸¹ „Romînia Muncitoare” от 5 января 1914 г., № 1.

¹⁸² ЦГА МССР, ф. 885, оп. 2, л. 517, л. 123, 129, 188.

¹⁸³ „Romînia Muncitoare” от 25 марта 1914 г., № 33.

¹⁸⁴ ЦГА МССР, ф. 885, оп. 1, д. 4470, л. 48.

¹⁸⁵ ЦГА МССР, ф. 885, оп. 2, д. 517, л. 189.

¹⁸⁶ Lecții în ajutorul celor care studiază istoria RPR, p. 118.

¹⁸⁷ „Romînia Muncitoare” от 3 июня 1914 г., № 62.

действий администрации трамвайной ассоциации эти достижения сводились на нет. Так, в начале июня расписание движения трамваев было составлено так, что увеличивалась продолжительность рабочего дня. В связи с этим вагонновожатые и кондукторы 1 июля вновь объявили забастовку¹⁸⁸. Прошлые стычки с администрацией показали трамвайщикам необходимость иметь свою организацию. В июле часть рабочих уже была организована в профсоюз, который и возглавил борьбу. Стачечники находились в постоянном контакте с остальными профсоюзами и социал-демократической партией. Трамвайщики нашли у бухарестских рабочих поддержку и помощь, ГКПР стала инициатором сбора денежных средств для бастующих. Замечательно то, что в ходе этой стачки проявилось стремление рабочего класса Румынии объединить движение за осуществление разных требований в один общий революционный поток. Так, например, борьба бухарестского пролетариата за демократическое законодательство о труде и социальное страхование слилась воедино со стачкой трамвайщиков, а в связи с началом первой мировой войны к этому потоку присоединилось и антимилитаристское движение. На многочисленных собраниях и демонстрациях, устроенных профсоюзами и социал-демократической партией в связи с борьбой против рабочих книжек, навязанных по «закону Неницеску», звучали голоса в поддержку забастовщиков, против применения военной и полицейской силы по отношению к ним¹⁸⁹. Число участников отдельных уличных демонстраций доходило до 5000—8000 человек¹⁹⁰ при количестве стачечников, не превышающем 400 рабочих¹⁹¹. В резолюции, принятой на одном из митингов, говорилось, например: «Рабочие столицы, узнав о стачке трамвайщиков трамвайного общества Бухареста, находят ее высоко справедливой и заявляют, что берут на себя обязательство поддержать бастующих товарищей морально и материально до тех пор, пока они не добьются победы. Да здравствует забастовка! Да здравствует организованность!»¹⁹²

Стойкости стачечников и солидарности с ними бухарестского пролетариата столичные власти противопоставили штыки солдат и дубинки жандармов. Особенно усилилась охота за стачечниками и им сочувствующими после начала мировой войны. По сообщению «Рабочей Румынии» перед трамвайным депо были даже поставлены два орудия, которые затем были оттянуты во двор¹⁹³. Вот один из примеров. 17 июля профсоюзные и социал-демократические организации Бухареста устроили собрание протеста против поддержки войсками штрейкбрехеров. На собрании присутствовала 1000 человек¹⁹⁴. Здание, где происходило собрание, было окружено четырьмя ротами пехоты¹⁹⁵. После окончания собрания, вопреки предупреждению полиции, по центральным улицам города прошла трехтысячная демонстрация рабочих, в том числе и бастующих. Демонстрация солидарности с бастующими переросла в антимилитаристское выступление. Манифестанты кричали

¹⁸⁸ ЦГА МССР, ф. 885, „Diverse”, VI—XII-1914, л. 102. Стачка в столице послужила толчком для трамвайщиков Бранлы и Галаца, которые в июле также забастовали. („Romînia Muncitoare” от 13 июля 1914 г., № 79; от 15 июля, № 80; от 22 июля 1914 г., № 83).

¹⁸⁹ ЦГА МССР, ф. 885, „Diverse”, VI—XII, 1914, лл. 101, 102, 149.

¹⁹⁰ „Romînia Muncitoare” от 8 июля 1914 г., № 77; от 15 июля 1914 г., № 80.

¹⁹¹ А. К. Мошану, ук. соч., стр. 55.

¹⁹² „Romînia Muncitoare” от 8 июля 1914 г., № 77.

¹⁹³ „Romînia Muncitoare” от 15 июля 1914 г., № 80.

¹⁹⁴ ЦГА МССР, ф. 885, „Diverse”, VI—XII, 1914, л. 150.

¹⁹⁵ „Romînia Muncitoare” от 20 июля 1914 г., № 82.

«долой войну!»¹⁹⁶. Это говорит о том, что пролетарские массы преодолевали не только полицейские кордоны, но постепенно стали преодолевать и препятствия, поставленные оппортунистами на пути соединения экономической борьбы с политической.

Будучи не в силах справиться со всеми демонстрантами, жандармы и войска, после того как рабочие стали расходиться, окружили часть из них и устроили над ними кровавую расправу. В ход были пущены приклады, нагайки. В результате было ранено свыше 50 рабочих¹⁹⁷. 238 демонстрантов было загнано во двор префектуры полиции и на них были составлены обвинительные акты для подачи в суд в связи с неподчинением указаниям полиции о запрещении ночных манифестаций¹⁹⁸.

Но ничто не могло сломить трамвайщиков. Благодаря организованности, стойкости и солидарности, бастующие выдержали все испытания и после трех недель забастовки добились успеха. Администрация трамвайного общества Бухареста согласилась с предложенным рабочими расписанием, согласно которому рабочие получили 1,5—2 часа свободного обеденного времени¹⁹⁹. Но в условиях военного времени, благоприятствующего усилению эксплуатации пролетариата, было трудно рассчитывать на долгую продолжительность достигнутого успеха. Трамвайщикам пришлось сразу же начинать борьбу за практическое осуществление завоеванных уступок.

Начавшаяся первая мировая война резко обострила все противоречия буржуазно-помещичьего строя Румынии. В пролетарском движении наступил период более интенсивного революционирования масс. Его изучение составляет предмет особой темы.

Анализ стачечного движения в 1910—1914 гг. позволяет сделать следующие выводы.

Для стачечной борьбы кануна первой мировой войны характерно все более частое повторение массовых выступлений, охвативших рабочих разных отраслей промышленности целых городов. Так, в 1910 г. имеет место одна всеобщая забастовка (Браила), в 1912 г. — две (Бухарест, Плоешти), в 1913 г. — четыре (Бана-Морень с прилегающими районами, Плоешти, Браила, Галац). Как правило, массовость в этих стачках достигалась за счет движения солидарности, которое охватывало большинство рабочих указанных городов. С другой стороны, составным элементом массовых стачек было их сочетание с мощными уличными демонстрациями. Все это, наряду с другими чертами, говорило об усилении революционной тенденции в рабочем движении Румынии.

В ходе забастовок наметилось также стремление к сочетанию борьбы за удовлетворение разных требований: улучшения условий труда, повышения жизненного уровня, социального страхования и демократического законодательства о труде, отказа от империалистической войны.

Для рассмотренных нами стачек характерно и то, что среди самых активных бастующих оказались рабочие металлообрабатывающей и металлургической промышленности. Например, в 1912—1913 гг. по числу забастовок рабочие металлообрабатывающей и металлургической промышленности стояли на первом месте (27 стачек), за ними шли кожевники (13 стачек) и транспортники (9 стачек). Это означает, что

¹⁹⁶ „România Muncitoare“ от 20 июля 1914 г., № 82.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ ЦГА МССР, ф. 885, „Diverse“, VI—XII, 1914, 151.

¹⁹⁹ „România Muncitoare“ от 27 июля 1912 г., № 85.

в первые ряды рабочего движения выдвигались индустриальные рабочие, которые больше других способны на революционные действия.

Как вытекает из приведенных в статье материалов, большинство стачек кончалось компромиссом, хотя, с точки зрения объективных возможностей, рабочие часто могли бы добиться лучших результатов. Этому, однако, мешали оппортунистические элементы в рабочем движении. В этой связи необходимо остановиться на роли профсоюзов и СДПР в стачечном движении.

Большинство забастовок, в первую очередь самые значительные из них, происходили под руководством или при содействии местных профсоюзов. На ход стачек, особенно крупных, влияли и члены ГКПР и Исполкома СДПР, которые часто возглавляли переговоры с предпринимателями и властями. Своими выступлениями и советами они содействовали сплочению бастующих, организовывали для них сбор средств, с помощью рабочей прессы информировали пролетариат о ходе стачек, держали необходимую связь с рабочими других стран и международными пролетарскими организациями. Это было положительным в деятельности руководителей профсоюзов и СДПР. Но, с другой стороны, большинство руководителей деятелей румынского рабочего класса старалось держать выступление масс в узких рамках, соответствующих их оппортунистическим взглядам и тактике. Так, они старательно не допускали выхода забастовок за рамки экономических выступлений. Этим искусственно сужалась политико-воспитательная роль стачек. Особенно ярко обнаруживалась тормозящая роль оппортунистов в ходе самых крупных выступлений, когда становилось невозможным скрываться за словесной ширмой. При перерастании отдельных стачек во всеобщие забастовки, например, в Браиле в 1910 г. и в Бухаресте летом 1912 г., руководители профсоюзов и СДПР, боясь потерять контроль над рабочими, открыто показывали себя противниками развития массовых выступлений. Оппортунистов, рабелепствующих перед буржуазно-помещичьей «законностью», больше устраивали безопасные переговоры с предпринимателями и властями и посылка телеграмм протеста министрам, чем активные боевые уличные демонстрации.

Происходившее же в стране обострение классовых противоречий и накопление опыта ведения классовой борьбы способствовали тому, что рабочие не давали осуществиться желаниям оппортунистов в той мере, в какой они (оппортунисты) хотели бы.

Общее значение рассмотренных нами забастовок (их было всего около 268) заключается в следующем. Так как большинство стачек носило экономический характер, то они служили прежде всего одним из главных препятствий непрерывного ухудшения экономического положения рабочего класса. Но их важность этим не исчерпывается. Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали политическую сторону экономической борьбы пролетариата. К. Маркс писал, например, что «если бы рабочие малодушно уступали в своих повседневных столкновениях с капиталом, они несомненно утратили бы способность начать какое-либо более широкое движение»²⁰⁰. Высоко оценивал эту форму классовой борьбы и В. И. Ленин. Он подчеркивал: «Добиваясь улучшения условий жизни, рабочий класс поднимается вместе с тем и морально, и умственно, и политически, становится более способным осуществить свои великие освободительные цели»²⁰¹.

Что это именно так, то есть, что экономическая стачечная борьба

²⁰⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, 1955, т. 1, стр. 406.

²⁰¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 68.

пробуждает в эксплуатируемых политический ум, видно и по тем массовым действиям румынских рабочих, которые происходили вопреки желанию оппортунистов. Выступление против воли последних было ничем иным, как проявлением политического прозрения пролетариата.

Опыт, приобретенный в ходе забастовок, в повседневных столкновениях с капиталистами, служил опорой для политических размышлений румынских рабочих, открывал им глаза на негодность тактики и стратегии, выработанных оппортунистическими руководителями. В условиях отсутствия настоящих революционных наставников передовым рабочим было очень трудно нащупать тропинки, ведущие к большой дороге настоящих сражений за социализм, но классовая борьба, развернувшаяся в Румынии накануне первой мировой войны, готовила почву для последующего вступления румынских пролетариев на истинно революционный путь.

А. К. МОШАНУ

МИШКАРЯ ГРЕВИСТЭ ДИН РОМЫНИЯ ЫН АЖУНУЛ ПРИМУЛУЙ РЭЗБОЙ МОНДИАЛ (1910—1914)

Резумат

Пе база пресей мунчиторешть ши а материалелор де архивэ инедите, ауторул фаче ынчеркаря де а презента мишкаря гревистэ дин 1910—1914 ын ансамбул ей. Реешинд дин анализа фаптелор, ауторул констатэ, кэ ын ажунул примулуй рэзбой мондиал луптеле гревисте се десфэшурау неуниформ. Аша, аний 1910—1912 се карактеризязэ принтр'ун авынт ал мишкэрий гревисте, детерминат де конъюнктура економикэ фаворабилэ ши де ынтерия организационалэ а класей мунчитоаре. Ачест авынт а кулминат ку гревеле металуржиштилор ши але тэбэкарилор дин Букурешть дин май—июне 1912. Ын тимпул рэзбоаелор балканиче, датэ финнд ситуация политикэ ши економикэ нефаворабилэ пролетариатулуй, урмязэ о скэдере а нумэрулуй де гревешть, пентру ка апой сэ се ынрежистрезе ун ноу авынт ал луптелор гревисте.

Ауторул сублинязэ унеле трэсэтурь карактеристиче але мишкэрий гревисте дин 1910—1914. Ын мажоритатя абсолютэ а казурилор ревендикэриле мунчиторилор ынаинтате ку оказия гревелор пуртау ун характер економик. Тот май дес се репетау гревеле, сусцинуте де ларжь акциунь де солидаритате але пролетариатулуй ромын; ын фронтя мишкэрий гревисте мержяу мунчиторий металуржишь, урмаць де тэбэкарь ши мунчиторий дин портурь.

Ауторул аратэ де асеменя, кэ де фиенкаре датэ, кынд мишкаря гревистэ луа пропорций май марь, опортунистий дин кондучеря синдикателор ши а партидулуй социал-демократ се стэруяу с'о фрынезе. Ей тотушь н'ау реушит сэ ымпедиче крештеря комбативитэций пролетариатулуй, каре се обсерва ын ажунул примулуй рэзбой мондиал.

Гревеле дин 1910—1914 ау ымбогэцит класа мунчитоаре дин Ромыния ку о прециозэ експериенцэ де луптэ, каре й-а фост де фолос ын аний луптелор де класэ де май тырзну.

С. А. МАДИЕВСКИЙ

СОВЕТСКО-РУМЫНСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОСВЕЩЕНИИ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РНР (1945—1961 гг.)

В июне 1962 г. в Москве состоялось Совещание представителей коммунистических и рабочих партий стран — участниц СЭВ, принявшее решения о дальнейшем развитии и совершенствовании экономического сотрудничества этих стран. Характеризуя сущность этих решений, Н. С. Хрущев писал: «Мировая социалистическая система подошла к такому рубежу, когда уже невозможно правильно определять перспективы ее развития на основе простого механического сложения национальных хозяйств. Перед нами стоит задача, всемерно укрепляя национальную экономику каждой из стран и развивая связи между ними, постепенно содействовать созданию в рамках всей системы в целом того единого хозяйственного организма, о котором с таким гениальным предвидением говорил Владимир Ильич Ленин»¹.

Экономические отношения социалистических стран по своему содержанию неизмеримо шире и глубже, чем их отношения с капиталистическими странами или отношения последних друг с другом. Будучи отношениями принципиально нового типа, они, естественно, не могли возникнуть сразу в готовом виде: их выработка, совершенствование и проведение в жизнь требовали и требуют от коммунистических и рабочих партий социалистических стран революционного марксистского творчества, упорной повседневной работы, накопления исторического опыта. Ведь речь идет, помимо прочего, о налаживании на социалистических основах отношений между странами и народами, еще недавно находившимися на совершенно разных уровнях экономического, социального и политического развития.

Указанные обстоятельства придают исследованию характера и содержания этих отношений, истории их возникновения и развития большой научный и практический интерес. Особое значение имеет анализ экономических взаимоотношений высокоразвитых и ранее отсталых государств социалистической системы, подвергающихся, как известно, наиболее острым нападкам со стороны буржуазных идеологов^{1а} и ревизионистов.

¹ Н. С. Хрущева. Насущные вопросы развития мировой социалистической системы. «Проблемы мира и социализма», 1962, № 9.

^{1а} См., в частности, М. Dewar. Soviet trade with Eastern Europe, 1945—1949. L.—N. Y., 1951; E. Lemberg. Osteuropa und die Sowjetunion. Geschichte und Probleme. Salzburg, 1956 и др. Даже авторы, в целом стоящие на позициях мирного сосуществования, высказывающие здравые мысли по многим международным проблемам, в этом вопросе нередко отдают дань стандартным антисоветским измышлениям. См., напр., А. Nove and D. Donnelly. Trade with Communist Countries. L., 1960.

Методологической основой научной разработки этих проблем являются документы международного коммунистического движения, особенно Декларация и Заявление Московских Сессий представителей коммунистических и рабочих партий 1957 и 1960 гг. Важные теоретические положения, раскрывающие закономерности развития мировой социалистической системы хозяйства, содержат доклады Н. С. Хрущева на XX, XXI и XXII съездах партии, новая Программа КПСС. Значительный вклад в марксистско-ленинскую теорию вопроса представляют статьи и выступления руководителей братских коммунистических и рабочих партий, в том числе Г. Георгиу-Деж²; работы Г. Георгиу-Деж и других руководителей РРП и правительства РНР в той или иной форме затрагивают и большинство конкретных проблем советско-румынского экономического сотрудничества.

Известные достижения в этой области имеет историко-экономическая наука РНР. Проблемам развития румыно-советских экономических отношений посвящено несколько брошюр³; эти проблемы широко освещались на страницах теоретического и политического органа ЦК РРП «Lupta de clasă»⁴, журнала «Probleme economice»⁵. Ряд статей в других изданиях («Studii»⁶, «Бюллетень научной информации» Румыно-Советского Института⁷), доклады румынских ученых на совместных сессиях историков СССР и РНР⁸, наконец, специальные главы

² Г. Георгиу-Деж. Статьи и речи. Т. I—II. М., Госполитиздат, 1956; Gh. Gheorghiu-Dej. Articole și cuvîntări. Dec. 1955—iulie 1959. Buc., Ed. politică, 1959; Articole și cuvîntări. 1959—1961. Buc., Ed. politică, 1961.

³ Ion Mihail și Valeriu Șova. U.R.S.S. ajută România democrată. Unele cifre și documente. Ed. P.C.R., 1946; Mițuța Constantinescu. Relațiile economice între România și U.R.S.S. Ed. Cartea rusă. 1945; V. Borcea. Relațiile economice romîno-sovietice. Buc., 1946.

⁴ См., напр., N. Teșu. Ajutorul frățesc și multilateral al Uniunii Sovietice—factor hotărîtor în opera de construire a socialismului în R.P.R. 1954, nr. 8; Manea Mănescu. Marea forță a relațiilor economice între țările socialiste, 1958, nr. 9; M. Florescu. Dezvoltarea relațiilor economice dintre țările sistemului mondial socialist. 1959, nr. 5 ș. a.

⁵ N. Djamo și P. Corcoveanu. U.R.S.S. în ajutorul Romîniei. 1948, nr. 1; Alex. Olteanu. Acordurile comerciale în vigoare, 1948, nr. 2; Ion Gheorghe Maurer. Acordurile economice romîno-sovietice și refacerea țării noastre, 1948, nr. 3; Aurel Vijoli. Relațiile financiare ale României cu țările apusene și cu U.R.S.S., 1948, nr. 3; S. Zeigher. Colaborarea economică romîno-sovietică, 1948, nr. 3; Const. C. Georgescu și C. Emanoil. Industria forestieră și deșeușul sovietic, 1948, nr. 3; Marin Ciancu. Repercusiunile acordului comercial 1948 dintre R.P.R. și U. R. S. S. asupra agriculturii romînești, 1948, nr. 3; D. Nicolescu, N. Popescu. Importanța ajutorului U.R.S.S. pentru dezvoltarea industriei petrolifere, 1954, nr. 12; S. Petrescu. Ajutorul U.R.S.S. în industrializarea socialistă a țării noastre, 1955, nr. 8; M. Florescu. Colaborarea dintre țările socialiste în domeniul dezvoltării industriei chimice, 1957, nr. 6; Gh. Gaston Marin. Ajutorul economic al U.R.S.S. în construirea socialismului în țara noastră, 1957, nr. 10; G. Rădulescu. Dezvoltarea comerțului exterior al R.P.R., 1957, nr. 12; G. Popa. Colaborarea R.P.R. cu țările socialiste în domeniul dezvoltării industriei noastre constructoare de mașini și a bazei sale de materii prime, 1957, nr. 12; G. Rădulescu, J. Burstein. Importanța ajutorului Uniunii Sovietice în cadrul relațiilor economice dintre țările socialiste, 1958, nr. 12; Manea Mănescu și Mauriciu Novac. Ajutorul frățesc al Uniunii Sovietice — factor important pentru dezvoltarea economiei noastre naționale, 1959, nr. 8; El. Duca, T. Coșcodan. Relațiile economice dintre țările socialiste — expresie a intereselor lor naționale și internaționale, 1961, nr. 2.

⁶ M. Horovitz. Lupta R.M.R. pentru dezvoltarea relațiilor economice romîno-sovietice. 1961, nr. 2.

⁷ И. Мэрджиану. Значение экономической помощи СССР и экономического сотрудничества с социалистическими странами для построения социализма в Румынской Народной Республике. 1961, № 1.

⁸ Б. Бэлтяну. Из истории румыно-советских отношений (23 августа 1944 г.—июль 1946 г.). В сб.: О румыно-русских и румыно-советских связях. Совместная сессия румынских и советских историков. Июнь 1958. Изд-во иностранной литературы, М., 1960; Маня Мэнеску. Румыно-советское экономическое и культурное сотрудничество. Там же; П. КонстантINESCU-Яшв. Релацииле ромъно-советиче ши ажуторул советик де ла

в монографиях⁹ и сводных трудах¹⁰ по развитию экономики Румынии за годы народной власти — таков основной круг литературы по данной теме.

Источниковедчески названные работы опираются на партийные и государственные документы, статьи и выступления руководителей марксистско-ленинских партий и правительства наших стран, статистические публикации, ведомственные издания, советскую и румынскую прессу. В некоторых работах использованы также материалы правительственных и ведомственных архивов РНР.

* * *

Специальная литература по рассматриваемой проблеме стала появляться почти одновременно с установлением широких и регулярных экономических связей между нашими странами¹¹. В 1945 г., вскоре после утверждения в Румынии народно-демократического строя и заключения правительством П. Гроза первого экономического соглашения с СССР (5—8 мая 1945 г.), Румынское Общество дружественных связей с СССР (АРЛУС) издало брошюру Мицицы КонстантINESCU «Экономические отношения между Румынией и СССР». Излагая содержание подписанных в Москве документов и подчеркивая их значение для экономического восстановления Румынии, автор высказывался за всемерное расширение связей между нашими странами (диктуемое, по его словам, «экономгеографической логикой»), за использование опыта СССР в хозяйственном и культурном строительстве¹². Несмотря на немарксистскую методологию и известные пробелы в анализе, работа М. КонстантINESCU сыграла положительную роль, содействуя разоблачению антисоветских вымыслов реакционной пропаганды, распространению идей дружбы и сотрудничества с СССР.

В 1946 г. появились еще две брошюры на данную тему — Иона Михайла и Валеру Шова «СССР помогает демократической Румынии» и В. Борча «Румыно-советские экономические отношения».

В 1948 г. журнал «Probleme economice» поместил обстоятельную статью Н. Джамо и П. Корковяну, анализирующую содержание второго торгового соглашения с СССР (от 20 февраля 1947 г.)¹³, а месяцем позже в связи с подписанием третьего соглашения (от 18 февраля 1948 г.) — серию статей, освещающих основные итоги советско-румынского сотрудничества в 1945—1948 гг. и его роль в деле восстановления экономики Румынии.

23 август ши пынэ азь. В сб.: Вековая дружба. Материалы научной сессии Института истории Молдавского филиала АН СССР, состоявшейся 27—29 ноября 1958 г. Изд-во «Штиинца», Кишинев, 1961.

⁹ G. Vrfeli. Industrializarea socialistă în R.P.R. Ed. științifică. Buc. 1959.

¹⁰ Dezvoltarea economiei R.P.R. pe drumul socialismului 1948—1957. Ed. Academiei R.P.R., 1958. (Русский перевод: Развитие экономики Румынской Народной Республики по пути социализма 1948—1957 гг. Изд-во иностранной литературы, М., Изд-во литературы на иностранных языках, Бухарест, 1958); Dezvoltarea industriei socialiste în R.P.R. Ed. științifică. Buc., 1959; Economia Romîniei între anii 1944—1959. Ed. Academiei R.P.R., 1959.

¹¹ В период 1918—1941 гг. реакционные правящие круги Румынии всячески препятствовали установлению таких связей. Первое торговое соглашение с Советским Союзом Румыния заключила лишь в 1936 г.; однако взаимный товарооборот не превышал 0,1% всего объема ее внешней торговли. Подписанный в Москве 26 февраля 1941 г. Договор о торговле и мореплавании не был приведен в действие из-за начавшейся войны.

¹² Mițuța Constantinescu, op. cit., pp. 61—75.

¹³ N. Djamo și P. Corcoveanu, op. cit., pp. 74—76. Итоги выполнения его освещались в обзоре Алекс. Олтяну «Торговые соглашения в действии». См.: „Probleme economice“, 1948, nr. 2, pp. 86—87.

Среди них прежде всего следует назвать статью Иона Георге Маурера. Вводя в научный оборот значительный фактический, в том числе обобщенный цифровой материал (особую ценность представляют данные об импорте из СССР важнейших видов сырья и материалов в 1946 и 1947 гг.), автор прослеживал пути использования советского сырья, полуфабрикатов и материалов в основных отраслях румынской промышленности (металлургии, металлообработке, химии, текстильной и пищевой промышленности), показывал их роль в увеличении выпуска продукции и обеспечении загрузки производственных мощностей¹⁴.

Роль советских поставок семян, удобрений, племенного материала, инсектицидов и пр. (по соглашению от 18 февраля 1948 года) в восстановлении и развитии сельского хозяйства Румынии освещалась М. Станку¹⁵.

Работа проф. Конст. К. Джеорджеску и К. Еманоиля касалась одного из важных аспектов истории советско-румынской торговли — экспорта румынского леса и лесоматериалов в СССР. Авторы рассматривали техническую и финансовую сторону дела, приводили данные о плановых и фактических поставках за 1945—1948 гг. В статье отмечается, что импорт румынского леса Советским Союзом, крупнейшей лесной державой мира и одним из основных поставщиков леса на мировой рынок, являлся одной из форм экономической помощи Румынии, которая в результате войны и засухи 1945—46 гг. располагала крайне ограниченными ресурсами для оплаты ввозимого сырья и оборудования¹⁶.

Финансовым отношениям народно-демократической Румынии с СССР посвятил статью Аурел Виждоли. Анализируя развитие этих отношений с 1945 по 1948 гг., он указывает на характерные черты и особенности советских кредитов: их товарную форму и производственное назначение; низкие проценты — 2—3% годовых, отсутствие комиссионных и других расходов; осуществление всех расчетов по клирингу в свободно конвертируемой валюте, с использованием того же механизма и для расчетов по некоммерческим платежам; установление цен товаров на основе среднемировых; установление взаимовыгодного порядка расчетов, фактически означающего дополнительное краткосрочное беспроцентное взаимокредитование сторон; оплату ряда поставок из СССР «контрпоставками труда» (ремонт железнодорожных вагонов, переработкой хлопка и т. д.)¹⁷.

На многочисленных фактах из истории международных финансовых связей Румынии в статье показано принципиальное отличие советских кредитов от займов, которые буржуазно-помещичьи правительства Румынии заключали на Западе, способствуя экономическому и политическому закабалению страны¹⁸.

Большую роль в деле послевоенного восстановления и развития народного хозяйства Румынии сыграли смешанные советско-румынские общества (так называемые «Совромы») ¹⁹. Способ образования акцио-

¹⁴ I. Gh. Maurer, op. cit., p. 13.

¹⁵ Marin Stancu, op. cit., pp. 119—120.

¹⁶ Const. C. Georgescu și C. Emanoil, op. cit., pp. 34—37.

¹⁷ Aurel Vişoi, op. cit., pp. 20—21.

¹⁸ Там же, стр. 18—20.

¹⁹ Указанные общества возникли в конкретно-исторических условиях, сложившихся в итоге второй мировой войны. По советско-румынскому соглашению от 8 мая 1945 г. было создано пять обществ: «Совромпетроль», «Совромлес», «Совромтранс-порт», «Тарс» и «Совромбанк». В последующие годы к ним добавились еще 10: «Совромметалл», «Совромуголь», «Совромгаз», «Совромхим», «Совромтрактор», «Совромнефтемаш», «Совромсудострой», «Совромхлопок», «Совромстрахование» и «Совромфильм».

нерного капитала обществ, их юридический статус, порядок управления, производственная деятельность анализируются в работе С. Цайгера²⁰. Автор приводит данные (за 1946 и 1947 гг.) об увеличении удельного веса общества «Совромпетроль» в добыче и переработке нефти, особенно в эксплуатационном бурении; интенсификации авиационных перевозок, достигнутой благодаря деятельности общества «Тарс»; росте акционерного капитала, оборотов и инвестиций общества и группы «Совромбанк»²¹. Подчеркивая диаметрально противоположность целей, характера и результатов деятельности советско-румынских обществ и обществ с иностранным капиталом, господствовавших ранее в ключевых отраслях промышленности страны, С. Цайгер характеризует «Совромы» как важнейшие опорные пункты экономической политики правительства П. Гроза, в частности, в его борьбе с вредительством, саботажем и спекуляцией капиталистов.

Статья затрагивает и вопросы научно-технического сотрудничества с СССР. Осуществлявшееся еще в сравнительно скромных масштабах, оно, однако, уже тогда доказало свою плодотворность (особенно это относится к участию советских специалистов в работе комплексной научной комиссии по проблеме румынской нефти, рекомендации которой легли в основу всей последующей работы по восстановлению нефтяной промышленности Румынии)²².

* * *

В связи с осуществлением в странах народной демократии, в том числе и в РНР, коренных социально-экономических и политических преобразований, установлением и упрочением социалистической собственности на основные средства производства, как основы планового ведения хозяйства, и постепенной выработкой организационных форм планирования, экономическое сотрудничество этих стран с СССР и друг с другом поднялось на новую, более высокую ступень. Если в период 1944—1948 гг. внешне-экономические связи стран народной демократии в основном отражали сложившееся до отпадения их от системы капитализма международное разделение труда²³, то на следующем этапе (1949—1955 гг.) начинает уже складываться новый, социалистический тип такого разделения.

Названные процессы вызвали к жизни новые формы экономического сотрудничества социалистических стран, как двустороннего, так и многостороннего (через созданный в 1949 г. Совет Экономической Взаимопомощи). Основной формой экономических связей оставалась по-прежнему внешняя торговля, но она осуществлялась уже на основе долгосрочных соглашений, посредством которых косвенно координировались народнохозяйственные планы этих стран. Значительно укрепились и расширились такие формы экономического сотрудничества, как предоставление долгосрочных кредитов, совместное строительство предприятий и использование природных богатств, научно-техническое сотрудничество, взаимопомощь в подготовке кадров.

²⁰ S. Zeigher, op. cit., p. 24.

²¹ Там же, стр. 25—26. В указанную группу, помимо общества «Совромбанк», входили также «Сочетатя банкарэ Ромыне», «Банка Комерциалэ Ромыне» и «Банка Агриколэ», капитал которых в большей своей части принадлежал первому.

²² S. Zeigher, op. cit., pp. 26—27.

²³ Поскольку внутренняя экономическая структура их не изменилась еще сколько-нибудь существенно. Резко изменилось географическое направление, социальная сущность внешнеэкономических связей; материальное же, вещественное содержание разделения труда оставалось пока почти прежним.

Все эти новые явления в той или иной мере нашли свое отражение в историко-экономической литературе РНР. В работах Н. Теша, Д. Николеску и Н. Попеску, С. Петреску рассматривались различные аспекты сотрудничества с СССР в период построения в РНР экономических основ социализма (1951—1955 гг.)²⁴.

В отличие от нашей страны, которая осуществляла индустриализацию без всякой помощи извне, РНР и другие страны народной демократии опирались как на собственные ресурсы, так и на помощь СССР, международное социалистическое разделение труда и экономическое сотрудничество друг с другом. В статье С. Петреску прослеживается роль советских поставок машин и оборудования, особенно комплектного (предприятий, цехов, установок) в создании в РНР ряда новых отраслей промышленности, технической реконструкции и развитии существующих²⁵, (хотя в рамках статьи на столь широкую тему невозможно было полностью раскрыть специфику комплектных поставок как наиболее характерного материального выражения социалистических отношений в сфере внешней торговли). Важнейшим результатом советской помощи в этом направлении автор справедливо считает создание в Румынии собственного высоко развитого машиностроения.

С. Петреску касается и вопросов научно-технической помощи Советского Союза, выделяя в ней три основных направления: передачу РНР советской технической документации, помощь на месте в разрешении отдельных технических проблем, специализацию и повышение квалификации румынских инженеров, техников и рабочих в СССР. Он приводит интересные данные об использовании в промышленности РНР передовых советских методов труда — скоростного резания, графика цикличности, бурения с водяной промывкой и т. д.²⁶

Истории внедрения передовых советских методов в нефтяную промышленность РНР почти целиком посвящена работа Д. Николеску и Н. Попеску. Наряду с анализом технико-экономической эффективности этих методов, авторы освещают и деятельность пионеров их применения — передовиков и новаторов производства²⁷.

Ценные материалы о значении советского опыта и примера в деле социалистического преобразования и подъема сельского хозяйства РНР (посещения советских колхозов крестьянскими делегациями из РНР, использование достижений советской агрономии и зоотехнии, советских методов механизации сельского хозяйства и т. д.) находим в статье Н. Теша²⁸.

Все названные авторы подчеркивают, что экономическое сотрудничество с СССР и другими социалистическими странами, содействуя ускоренному развитию народного хозяйства Румынии, обеспечило прочную основу для повышения материального благосостояния и культурного уровня ее трудящихся.

Рассматривая в целом, работы 1945—1955 гг. следует оценить как серьезный вклад в научное освещение истории экономического сотрудничества наших стран в послевоенный период. За 10 лет значительно расширился круг введенных в научный оборот фактов, были сделаны первые попытки теоретического их обобщения. Однако литературе этих лет присущи и определенные слабости и пробелы. Большая многогранная де-

²⁴ Анализу их предпосылалось обычно краткое изложение итогов сотрудничества в предшествующий, восстановительный период.

²⁵ S. Petrescu, op. cit., pp. 16—18.

²⁶ Там же, стр. 18—20.

²⁷ D. Nicolescu și N. Popescu, op. cit., pp. 70—80.

²⁸ N. Teșă, op. cit., pp. 69—71.

ятельность марксистско-ленинских авангардов трудящихся наших стран — КПСС и РРП — по развитию и укреплению советско-румынских экономических отношений отражена в ней недостаточно; в отдельных работах ощущается влияние культа личности, иллюстраторский подход; анализ некоторых сторон сотрудничества существенно обеднен отсутствием или недостаточностью обобщающих данных.

* * *

Решающий сдвиг в разработке рассматриваемой проблемы намечился в следующий период — 1956—1961 гг. Значительное увеличение числа работ, расширение проблематики, повышение теоретического уровня были обусловлены как развитием самого объекта исследований — экономических отношений РНР с СССР, — так и внутренней логикой развития науки. Исследовательская мысль шла за исторической действительностью, анализируя и обобщая новые явления, непрерывно рождаемые жизнью.

Бурный подъем производительных сил в социалистических странах, усиление общественного характера процесса производства в масштабах всей социалистической системы и связанное с этим расширение сферы действия экономических законов социализма (в частности, закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства) требовали соответственной перестройки и совершенствования экономических отношений между социалистическими странами.

Новый, третий этап в истории их экономического сотрудничества, исходным рубежом которого можно считать 1956 г., знаменуется постепенным переходом к прямой координации народнохозяйственных планов социалистических стран Европы. Рыночные связи между этими странами, растущие еще более быстрыми темпами, формируются теперь под определяющим влиянием производственных связей. Международное социалистическое разделение труда (особенно его высшие формы — межгосударственная специализация и кооперирование производства), координация планов научно-исследовательских работ, капиталовложений и производства становятся одним из важнейших факторов обеспечения высоких темпов и выравнивания уровней экономического развития социалистических стран.

Новый этап характеризуется и другим существенным обстоятельством — устранением последствий культа личности из взаимоотношений СССР со странами народной демократии. Известно, что под влиянием культа личности в предшествующий период иногда осуществлялись действия, задевавшие национальные чувства народов братских социалистических стран, что было чревато самыми отрицательными последствиями для дальнейшего развития мировой социалистической системы. XX съезд КПСС решительно осудил отдельные нездоровые явления в этой области, открыв тем самым дорогу для последовательного и полного воплощения в жизнь принципов равноправия, единства и братского сотрудничества социалистических стран на основе пролетарского интернационализма²⁹.

²⁹ В Декларации об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и братскими социалистическими государствами от 30 октября 1956 г. Советское правительство выразило готовность обсудить с правительствами этих государств меры, обеспечивающие дальнейшее развитие и укрепление экономических связей, с тем, чтобы устранить какие-либо возможности нарушения принципов национального суверенитета, взаимной выгоды и равноправия в экономических отношениях. Проведенные в конце 1956 — начале 1957 гг. переговоры

Названные факторы, а также достигнутая к этому времени определенная зрелость самой историко-экономической науки в РНР позволили, опираясь на новые положения, выдвинутые КПСС, всем международным коммунистическим движением, сделать следующий крупный шаг в освещении проблем советско-румынского экономического сотрудничества.

Помимо ряда докладов и статей на эту тему, опубликованных в 1957—1961 гг.³⁰, необходимо особо отметить появление коллективных обобщающих трудов и монографий о развитии экономики РНР за годы народной власти. Как правило, они содержат специальные главы или разделы по истории экономического сотрудничества Румынии с СССР и другими социалистическими странами³¹.

В работах 1957—1961 гг. советско-румынские экономические отношения исследуются в свете общих закономерностей формирования и развития мировой социалистической системы хозяйства, в неразрывной связи с внутренней социально-экономической и политической историей наших стран. Работы последних лет привлекают также богатством и новизной фактического материала; особый интерес и ценность представляют приводимые в них обобщающие данные о румыно-советской торговле, научно-техническом сотрудничестве и т. д.

Не останавливаясь на каждой из перечисленных работ в отдельности, попытаемся выделить основные затронутые в них проблемы и проследить, как они решаются историко-экономической литературой РНР в целом. Наряду с сильными сторонами ее, такой анализ позволит выявить и недостатки и пробелы, определить перспективные направления дальнейших исследований в этой области.

Одно из главных мест в литературе по-прежнему отводится истории внешнеторговых отношений наших стран в послевоенный период. Характерные черты советско-румынской торговли (ее плановый характер, эквивалентность обмена, стабильность и взаимовыгодность цен), динамика объема, удельного веса и структуры экспорта и импорта, роль советских поставок в экономической жизни РНР — таковы вопросы, рассматриваемые в работах Г. Гастон Марина, Маня Мэнеску

между партийно-правительственными делегациями социалистических стран, в том числе СССР и РНР, со всей очевидностью показали, что отдельные шероховатости и осложнения в их взаимоотношениях могут быть успешно преодолены путем товарного обсуждения. Для прочных дружественных отношений между социалистическими странами имеется надежная объективная основа — общность социально-экономического строя, идеологии и политики, единство конечной цели — построения социализма и коммунизма.

³⁰ См. 1—2 стр. настоящей статьи.

³¹ G. Vrfeli. Colaborarea cu țările socialiste — sprijin în înfăptuirea industrializării țării noastre. Op. cit., cap. VI, pp. 132—150; Г. Рэдулеску и И. Бурштейн. Внешняя торговля и экономическое сотрудничество с СССР. В кн.: Развитие экономики Румынской Народной Республики по пути социализма 1948—1957 гг., гл. 16, стр. 332—334; D. Florescu. Sprijinul acordat de Uniunea Sovietică pentru refacerea și dezvoltarea industriei noastre petrolifere. В кн.: Dezvoltarea industriei socialiste în R.P.R., pp. 134—137; A. Jancu. Colaborarea tehnico-economică cu țările socialiste în dezvoltarea industriei noastre și derurgice și constructoare de mașini. Там же, стр. 216—221; A. Pișcoveanu-Apostolide. Colaborarea cu Uniunea Sovietică și cu țările de democrație populară (в развитии химической промышленности.—С. М.). Там же, стр. 290—292; I. Grigoriu și C. Barbulescu. Ajutorul acordat de U.R.S.S. și țările de democrație populară pentru dezvoltarea industriei materialelor de construcții. Там же, стр. 369—370; I. Moldovan, I. Beboiu, L. Galler și M. Borsatti. Colaborarea economică și tehnico-științifică dintre R.P.R. și celelalte țări socialiste în domeniul industriei ușoare. Там же, стр. 425—427; V. Bucur și S. Someșan. Colaborarea economică a R.P.R. cu țările sistemului mondial socialist. В кн.: „Economia României între anii 1944—1959”, pp. 547—566; Gogu Rădulescu, I. Burștein. Comerțul exterior al României democrat-populare. Там же, стр. 567—596.

и Мауричиу Новака, Г. Рэдулеску и И. Бурштейна, В. Букура и С. Со-мешана, Г. Врцели, М. Хоровица и И. Мэрджиняну.

По подсчетам авторов, стоимостной объем румыно-советской торговли за 10 лет (с 1948 по 1958 гг.) вырос в 4,13 раза³²; в 1959 г. он составил 2,9 млрд. лей — около половины всего объема внешней торговли Румынии³³. Основными статьями румынского импорта из СССР на протяжении всего этого периода были машины, оборудование, сырье, полуфабрикаты; основными статьями экспорта — нефтепродукты, лесоматериалы, изделия деревообрабатывающей промышленности, химические продукты, суда, продовольственные и промышленные товары широкого потребления³⁴.

Г. Рэдулеску и И. Бурштейн указывают на прямую связь динамики объема и структуры импорта из СССР с эволюцией структуры и потребностей народного хозяйства Румынии. Так, организация в РНР в 50-х гг. с помощью Советского Союза собственного производства таких важнейших видов промышленной продукции, как трубопрокат, подшипники, нефтяное оборудование, тракторы, сельхозмашины, грузовые автомобили и т. д. позволила резко сократить их импорт из СССР; в то же время значительно возросли поставки советского оборудования для химической промышленности³⁵.

Возможность использования товарообмена с СССР в интересах социалистической реконструкции народного хозяйства Румынии определялась также сохранением в течение определенного времени товарной структуры румынского экспорта в СССР и постепенным ее изменением по мере формирования новых хозяйственных пропорций^{35а}. Г. Гастон Марин, И. Мэрджиняну подчеркивают в этой связи характерную для румыно-советской торговли тенденцию — рост экспорта машин и оборудования из РНР в СССР (в 1959 г. — на 43% по сравнению с 1955 г.)³⁶.

Необходимо, однако, отметить, что темпы роста взаимных поставок машин и оборудования отставали от темпов роста их производства в наших странах, что отражало недостаточную развитость разделения труда, специализации и кооперирования между ними. На преодоление этого отставания, в соответствии с решениями Московского Совещания 1962 г., направляются сейчас усилия всех стран-членов СЭВ.

Особое внимание в литературе уделяется комплектным поставкам. По данным, приводимым И. Мэрджиняну, на июнь 1961 г. СССР по-

³² *Economia României între anii 1944—1959*, p. 582.

³³ И. Мэрджиняну, цит. соч., стр. 100.

³⁴ *Economia României*, pp. 582—584; И. Мэрджиняну, стр. 100—101.

³⁵ *Economia României*, p. 583.

^{35а} Исследование проблемы, проведенное Н. А. Зотовой (СССР), позволило сделать следующие выводы. Если в первые годы социалистического строительства (а тем более в восстановительный период.—С. М.) на развитие румынского экспорта в СССР определяющее влияние оказывала возможность производства тех или иных товаров на унаследованных от капитализма производственных мощностях, то с дальнейшим подъемом производительных сил, расширением экспортных ресурсов Румынии и включением ее экономики в систему международного социалистического разделения труда, динамика объема и структуры румынского экспорта в СССР обуславливается все более полным учетом народнохозяйственных потребностей Советского Союза. Изменения осуществляются прежде всего по линии увеличения вывоза новых товаров: машины и оборудования, химических, строительных и т. д. В экспорте же традиционных товаров (преимущественно сырьевых) и материалов проявлением данной тенденции служит повышение степени промышленной обработки товаров, расширение ассортимента и улучшение качества. См.: Н. А. Зотова. Внешняя торговля Румынской Народной Республики с Советским Союзом и ее роль в строительстве социалистической экономики Румынии. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1961, стр. 14.

³⁶ Gh. Gaston Marin, op. cit., p. 122; И. Мэрджиняну, цит. соч., стр. 101.

ставил и продолжал поставлять Румынии полное оборудование для 63 промышленных предприятий, 23 цехов и установок³⁷.

В ряде работ 1957—1961 гг. затрагивается и другой важный аспект советско-румынских экономических отношений — предоставление Советским Союзом Румынской Народной Республике кредитов и ссуд различного назначения. Так, Г. Гастон Марин и другие авторы анализируют условия продовольственной ссуды 1956 г.³⁸ и долгосрочного кредита на развитие химической промышленности (конец 1956 г.)³⁹, подчеркивая выгоду их для РНР (в смысле величины учетного процента, срока и методов погашения).

В отношении последнего кредита стоит отметить, что он явился новой формой осуществления совместного строительства предприятий нашими странами. Прежняя форма — создание смешанных советско-румынских обществ — изжила себя по мере накопления Румынией материальных средств, производственного опыта, формирования национальных технических кадров, чему в большой степени способствовала деятельность этих обществ. В 1954 году, по выполнении «Совромами» поставленных перед ними задач, советская доля участия в них была передана румынской стороне⁴⁰.

На нынешнем этапе развития мировой социалистической системы, когда в большинстве входящих в нее стран ускоренными темпами создается материально-техническая база социализма, особое значение для этих стран приобретает сотрудничество с Советским Союзом в области науки и техники. Г. Гастон Марин, Маня Мэнеску, П. Констан-

³⁷ И. Мэрджиняну, стр. 100. Среди них — крупнейший в Европе трубопрокатный завод в Романе; коксохимический завод, агломерационная фабрика, доменные, мартеновские, электропечи и прокатные станы на металлургическом комбинате в Хунедоаре; подшипниковый завод в Бырладе; установки для первичной очистки и крекирования нефти на нефтеперерабатывающих заводах в Борзешть, Теляжене, Дэрмэнешть; химические комбинаты в Виктории, Жилаве, Борзешть, Рознове, Говоре, Нэводарь; тепло- и гидроэлектроцентрали в Хунедоаре, Саду, Мороень, Овидиу, Сындрорджу де Пэдуре, Борзешть, Комэнешть, Парошень, Теляжене и Дэрмэнешть; текстильный комбинат в Ботошань, предприятия по первичной переработке льна и конопли в Жосень, Лудуше, льно- и коноплепрядильные фабрики в Георгиень и Фэлтичень; фабрика антибиотиков в Яссах; фабрика молочного порошка в Реметь; фабрика фруктового сока в Рыурень; полиграфический комбинат «Дом Скъитейи» в Бухаресте, телевизионный центр, кинематографический центр в Буфтя и т. д.

Советский Союз поставил оборудование и оказал техническую помощь в монтаже и пуске атомного реактора на 2000 киловатт и циклотрона на 12,5 мегавольт. См.: Gh. Gaston Marin, pp. 125—127; Manea Mănescu și Mauriciu Novac, pp. 134—136; G. Vrjeli, pp. 142—143; Economía Romîniei..., pp. 582—583 ș. a.

³⁸ Предоставлена была в связи с засухой и неурожаем зерновых в Румынии. Ссуда была беспроцентной и должна была быть погашена в течение трех лет, начиная с 1959 г., поставками обычных товаров румынского экспорта. Самые выгодные из капиталистических предложений, полученных в то время, предусматривали немедленную оплату части зерна валютой, а остатка — в течение двух лет товарами, из расчета 6% годовых. См.: Gh. Gaston Marin, p. 124.

³⁹ На оплату комплексного оборудования и технической документации для 5 крупных предприятий. Кредит в сумме 270 млн. руб. был предоставлен из 2% годовых с возмещением его продукцией указанных предприятий в течение 10 лет после ввода их в эксплуатацию. См.: Gh. Gaston Marin, p. 124; G. Vrjeli, p. 148; M. Horovitz, pp. 442—443. В связи с этим нелишне вспомнить, что так называемые займы «стабилизации» (1929 г.) и «развития» (1931 г.) предусматривали выплату 9 и 10, 25% годовых соответственно, помимо прочих расходов и условий, фактически сводящих на нет экономическую, а следовательно, и политическую независимость страны.

⁴⁰ Все бывшее германское имущество в Румынии общей стоимостью в 4,3 млрд. лей, вошедшее в акционерный капитал «Совромов» в качестве вклада советской стороны, было передано РНР безвозмездно; возмещению в течение длительного срока подлежала лишь стоимость сырья, материалов и оборудования, ввезенных непосредственно из СССР. См.: Economía Romîniei..., p. 537; G. Vrjeli, p. 149; M. Horovitz, p. 439.

тинеску-Яшь и особенно В. Букур и С. Сомешан рассматривают широкий круг проблем, связанных с этой стороной отношений между нашими странами в 1950—1958 гг.: взаимный обмен научно-технической информацией и документацией (проектами капитального строительства, рабочими чертежами машин и оборудования, описаниями технологических процессов и пр.); содействие в распространении передовых методов труда; участие в проектировании, строительстве и вводе в эксплуатацию промышленных предприятий и других объектов; проведение экспериментальных и геологоразведочных работ; командирование специалистов для изучения научно-технических достижений другой стороны или оказания технической помощи на месте; взаимопомощь в подготовке кадров⁴¹.

Бесплатная (с возмещением лишь стоимости снятия и пересылки копий) передача ценнейшей проектной документации, патентов, лицензий и пр. — одно из самых ярких проявлений социалистической взаимопомощи наших стран. Ничто подобное невозможно в капиталистическом мире, где один патент на фабрикации стоит иногда больше, чем все необходимое для этого оборудование. Сопоставление фактических расходов РНР на получение советской технической документации с ценами подобной документации на мировом рынке отлично аргументировало бы тезис авторов о выгоде этого сотрудничества для румынской стороны.

В. Букур и С. Сомешан, И. Мэрджиняну перечисляют целый ряд технических проблем — в области капитального строительства, организации производства новых видов промышленной продукции и пр., которые были решены в РНР с минимальной затратой труда и средств, в самые короткие сроки благодаря всесторонней технической помощи Советского Союза⁴².

Еще более широкие перспективы в этом отношении открывает прямая координация деятельности научно-исследовательских и проектных организаций наших стран, осуществляемая в последние годы. Об этом пишут в своих работах Маня Мэнеску, П. Константинеску-Яшь, И. Мэрджиняну⁴³. Однако вопросы экономической эффективности такой координации в румынской литературе пока не затронуты; не раскрыта и специфика сотрудничества в области точных, естественных и общественных наук, особенно при проведении совместных исследований.

Как уже говорилось, современный этап в истории экономического сотрудничества социалистических стран характеризуется прежде всего

⁴¹ По данным В. Букура и С. Сомешана, за период с 1950 по 1958 гг. Советский Союз передал РНР (по соглашению о научно-техническом сотрудничестве от 17 февраля 1950 г.) свыше 700 комплектов различной технической документации (21 проект капитального строительства, 233 рабочих чертежа машин и оборудования, 135 описаний технологических процессов, 338 других видов документации). Кроме того, свыше 340 комплектов документации было передано в рамках соглашения о технической помощи (с 1954 г.). За это время 258 румынских специалистов посетили СССР для ознакомления с научно-техническими достижениями нашей страны; 57 советских специалистов побывали в РНР для оказания научно-технической помощи на месте. Румыния, в свою очередь, передала СССР 514 комплектов технической документации, в том числе 3 проекта капитального строительства, 113 рабочих чертежей машин и оборудования, 98 описаний технологических процессов и 205 других видов документации; 95 советских специалистов, посетивших РНР, изучали на месте ее научно-технические достижения. См.: Economía Romîniei..., pp. 558—562. В период с 1952 по 1957 гг. советские вузы закончили около 2200 румынских студентов, свыше 260 аспирантов защитили кандидатские диссертации. См.: Gh. Gaston Marin, pp. 128—129.

⁴² Economía Romîniei..., pp. 559—560; И. Мэрджиняну, цит. соч., стр. 106—107.

⁴³ Маня Мэнеску, цит. соч., стр. 290—291; П. Константинеску-Яшь, цит. соч., стр. 48—80; И. Мэрджиняну, стр. 106—107.

переходом к прямой координации перспективных народнохозяйственных планов на основе межгосударственной специализации и кооперирования производства. Важнейшим элементом этой координации является увязка основных направлений и пропорций экономического развития европейских стран народной демократии с направлениями и пропорциями развития советской экономики — сердца мировой социалистической системы, главной опоры международного социалистического разделения труда⁴⁴.

Вопросы специализации народного хозяйства РНР в целом и отдельных его отраслей, кооперирования производства с СССР и другими социалистическими странами (членами СЭВ) в последние годы все чаще поднимаются на страницах историко-экономических работ.

Г. Рэдулеску и И. Бурштейн, А. Янку, К. Тузу и М. Пэрэлуца, В. Букур и С. Сомешан, И. Мэрджиняну указывают, что основными направлениями развития румынской экономики, определяющими ее роль и место в системе международного социалистического разделения труда, являются в настоящее время разносторонне развитое машиностроение (нефтяное, химическое, сельскохозяйственное, энергетическое, транспортное, производство подшипников, станков, цементных линий, строительного оборудования и т. д.); нефтяная, химическая, деревообрабатывающая промышленность; сельское хозяйство⁴⁵.

Ряд авторов (Г. Попа, М. Ресига и И. Десмиряну, К. Лончар, В. Букур и С. Сомешан) приводит данные о предметной и поддетальной специализации отдельных подотраслей румынского машиностроения в 1956—1961 гг., его связях по кооперированию с СССР и другими странами — членами СЭВ⁴⁶; М. Флореску, И. Мэрджиняну касаются того же вопроса применительно к химической промышленности⁴⁷.

Указывая на некоторые природные и исторически сложившиеся факторы, влияющие на специализацию промышленности РНР (сырьевая база, кадры, опыт, традиции), И. Мэрджиняну справедливо замечает, что они (так же как интегрирующий критерий экономической эффективности. — С. М.) не могут еще целиком определять названную специализацию⁴⁸. На данной стадии развития мировой социалистической системы, при значительных еще различиях в экономическом и культурном уровне входящих в нее стран, узкоэкономический подход к делу мог бы привести к закреплению и даже углублению различий между ними. Однако тенденция развития ясна — по мере сближения этих уровней (на основе общего подъема), экономический анализ эффективности капиталовложений и производства будет играть все большую роль при выборе того или иного варианта специализации и кооперирования в международном масштабе.

⁴⁴ Проводится как в многостороннем (через отраслевые комиссии СЭВ), так и в двустороннем порядке. Известно, в частности, что при разработке шестилетнего плана и наметок перспективной программы экономического развития РНР на 15 лет имели место развернутые консультации и обмен мнениями между ЦК РРП и ЦК КПСС, которые Г. Георгиу-Деж в докладе на III съезде РРП оценил как «исключительно плодотворные». См.: *Congresul al III-lea a Partidului Muncitoresc Român*. Ed. politică, Buc., 1960, p. 38.

⁴⁵ Развитие экономики Румынской Народной Республики..., стр. 330; *Dezvoltarea industriei socialiste în R.P.R.*, p. 213; *Economia României...*, pp. 75, 554—555.

⁴⁶ Г. Попа, *op. cit.*; Развитие экономики Румынской Народной Республики..., стр. 139; *Economia României...*, pp. 205, 218, 554.

⁴⁷ М. Флореску. *Colaborarea dintre țările socialiste în domeniul dezvoltării industriei chimice. „Probleme economice”*, 1957, nr. 6; И. Мэрджиняну, *цит. соч.*, стр. 98.

⁴⁸ Там же, стр. 98—99.

* * *

Проблема места РНР в мировой социалистической системе хозяйства по существу только начинает разрабатываться⁴⁹. История специализации важнейших отраслей ее народного хозяйства, развития связей по кооперированию с СССР и другими социалистическими странами едва затронута в рассмотренной литературе. Помимо отмеченных, литературе этой присущи и некоторые другие недостатки.

В обобщающих трудах по развитию экономики РНР («*Dezvoltarea economiei R. P. R. pe drumul socialismului 1948—1957*», «*Economia României între anii 1944—1959*») значительная часть фактического материала (а в «*Dezvoltarea industriei socialiste în R.P.R.*» — весь материал) об экономическом сотрудничестве наших стран разбросана по главам, в которых дается анализ развития промышленности, строительства, транспорта, сельского хозяйства РНР за годы народной власти. При целевом назначении этих трудов и обусловленной им структуре их, такое размещение материала является правомерным; однако освещение истории румыно-советских экономических отношений как важной самостоятельной темы несомненно выиграло бы от обобщения всех относящихся к ней фактов в специальной главе.

В большинстве названных работ отсутствует анализ процесса осуществления отдельных соглашений между нашими странами. Изложив содержание того или иного документа, авторы сразу же переходят к основным итогам его выполнения. Такой принцип изложения естественен для работ экономистов; однако задачей историка является проследить изучаемый процесс во всей его полноте, своеобразии и исторической конкретности.

Экономическое сотрудничество стран социализма — один из самых ярких примеров сознательного исторического творчества освобожденных от эксплуатации масс. Рабочий класс, крестьянство, интеллигенция наших стран не только обеспечивают своим трудом материальные условия этого сотрудничества, но и в лице многочисленных своих представителей непосредственно участвуют в нем. История совместного строительства и эксплуатации предприятий нашими странами, научно-технического сотрудничества и т. д. полна примерами трудового героизма и братской взаимопомощи советских и румынских рабочих, инженеров, ученых. К сожалению, факты эти слабо отражены в опубликованной литературе. А ведь эта сторона вопроса имеет не только познавательное, но и большое воспитательное значение.

Больше внимания следовало бы уделить и разоблачению: всевозможных фальсификаций истории советско-румынских экономических отношений, от кого бы они ни исходили. Имеющийся в распоряжении авторов фактический материал о подъеме народного хозяйства Румынии, росте материального благосостояния и культурного уровня ее трудящихся в братской семье социалистических государств убедительно опровергает буржуазные и ревизионистские измышления о «гегемонизме» и «эксплуатации», якобы имеющих место в отношениях Советского Союза с Румынией и другими социалистическими странами.

Многие из названных пробелов и недостатков объясняются прежде всего или даже исключительно скромностью размеров обозреваемых работ. По хронологическому диапазону, количеству и сложности проблем, накопленному фактическому материалу тема явно переросла рамки тех научных жанров (журнальная статья, доклад, глава), в кото-

⁴⁹ Специально ей посвящена пока лишь неопубликованная кандидатская диссертация П. Никиты «*Экономика Румынии в системе международного социалистического разделения труда*». М., МГУ, 1959.

рых она разрабатывалась до сих пор. Жизнь выдвигает задачу монографического исследования истории экономического сотрудничества наших стран (или даже серии таких исследований — по отдельным этапам и формам сотрудничества).

Нельзя, разумеется, преуменьшать трудности, с которыми связано решение такой задачи: сложность самой темы, лежащей на стыке нескольких научных дисциплин, источниковедческие проблемы и т. д. Однако общими усилиями ученых наших стран она, безусловно, будет решена.

С. А. МАДИЕВСКИЙ

КОЛАБОРАРЯ ЕКОНОМИКЭ СОВЕТО-РОМЫНЭ, ОГЛИНДИТЭ ЫН ЛИТЕРАТУРА ИСТОРИКО-ЕКОНОМИКЭ А РПР

Резумат

Ын студиул де фацэ се фаче о анализэ сукчинтэ а 36 де брошурь, артиколе, реферате, capitoле дин монографий ши опере де синтезэ, аперуте ын РПР ын аний 1945—1961, консакрате историей релациилор економиче ромыно-советиче дин периода постбеликэ.

Сублиниинд етапеле принципале але ачестор релаций ши оглиндирия лор респективэ ын литература историко-экономикэ а РПР (1945—1948, 1949—1955, 1956 — пынэ ын презент), ауторул супуне уней анализе деталнате проблематика лукрэрилор, скоате ын евиденцэ латуриле лор позитиве ши аратэ унеле неажунсурь ши скэпэрь, де каре суферэ еле. О деосебитэ атенцие се акордэ лукрэрилор дин ултима периадэ, каре презинтэ ун ынсемнат пас ынаинте ын тратаря штиинцификэ а ачестей проблеме.

Ын ынкеере се аратэ, кэ вяца пуне ла ординя зилей сарчина черчетэрий монографиче а историей колаборэрий економиче а цэрилор ноастре. Елабораря унор лукрэрь ампле девине ши май актуалэ ын легэтурэ ку фапул кэ проблемеле статорничирий ши дезволтэрий ноулуй тип де релаций интернационале, принтре каре ши челе економиче, капэтэ акум ну нумай ун интерес штиинцифик, дар ши практик, еле афлынду-се ын центрул луптей политиче ши идеоложиче каре се десфэшоарэ пе арена интернационалэ.

СОДЕРЖАНИЕ

П. В. Советов. О праве перехода зависимых крестьян в Молдавии XV — середины XVI вв. (опыт исследования договорных грамот)	3
Е. М. Подградская Торговые связи Молдавии с западно-украинскими землями во второй половине XVI века	20
И. В. Семенова. Некоторые данные о русско-молдавских культурных связях во второй половине XVIII — начале XIX вв.	34
А. К. Мошану. Стачное движение в Румынии накануне первой мировой войны (1910—1914 гг.)	66
С. А. Мадиевский. Советско-румынское экономическое сотрудничество в освещении историко-экономической литературы РНР (1945—1961 гг.)	67

ПОПРАВКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
39	15-я снизу	В неопубликованном письме	В письме
47	25-я сверху	предельного	недельного

Известия № 11, 1962 г.

Редактор Ю. П. Стадник
Художественный редактор В. Л. Пленцковский
Технический редактор С. А. Полонский
Корректоры А. В. Вяткина, М. М. Арсеньева

Сдано в набор 12.X 1962 г. Подписано к печати 24.XI 1962 г.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печ. л. 6,85. Уч.-изд. л. 7.
АБ06989. Тираж 500 экз. Заказ № 671. Цена 45 коп.

Издательство «Штиинца» Академии наук Молдавской ССР
Кишинев, проспект Ленина, 1

Типография издательства «Штиинца». Кишинев, Куйбышевский пер., 17

рых она разрабатывалась до сих пор. Жизнь выдвигает задачу монографического исследования истории экономического сотрудничества наших стран (или даже серии таких исследований — по отдельным этапам и формам сотрудничества).

Нельзя, разумеется, преуменьшать трудности, с которыми связано решение такой задачи: сложность самой темы, лежащей на стыке нескольких научных дисциплин, источниковедческие проблемы и т. д. Однако общими усилиями ученых наших стран она, безусловно, будет решена.

С. А. МАДИЕВСКИЙ

КОЛАБОРАРЯ ЕКОНОМИКЭ СОВЕТО-РОМЫНЭ, ОГЛИНДИТЭ
ЫН ЛИТЕРАТУРА ИСТОРИКО-ЕКОНОМИКЭ А РПР

Резумат

миче, капэтэ акум ну нумай ун интерес штинцифик, дар ши практик,
еле афлинду-се ын центрул луптей политиче ши идеоложиче каре се
десфэшоарэ пе арена интернационалэ.

СОДЕРЖАНИЕ

П. В. Советов. О праве перехода зависимых крестьян в Молдавии XV — середины XVI вв. (опыт исследования договорных грамот)	3
Е. М. Подградская. Торговые связи Молдавии с западно-украинскими землями во второй половине XVI века	20
И. В. Семенова. Некоторые данные о русско-молдавских культурных связях во второй половине XVIII — начале XIX вв.	34
Л. К. Мошану. Стачечное движение в Румынии накануне первой мировой войны (1910—1914 гг.)	66
С. А. Мадиевский. Советско-румынское экономическое сотрудничество в освещении историко-экономической литературы РНР (1945—1961 гг.)	67

Известия

Академии наук Молдавской ССР

№ 11, 1962 г.

Редактор Ю. П. Стадник

Художественный редактор В. Л. Пленцовский

Технический редактор С. А. Полонский

Корректоры А. В. Вяткина, М. М. Арсеньева

Сдано в набор 12.X 1962 г. Подписано к печати 24.XI 1962 г.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печ. л. 6,85. Уч.-изд. л. 7.

АБ06989.

Тираж 500 экз.

Заказ № 671.

Цена 45 коп.

Издательство «Штинница» Академии наук Молдавской ССР
Кишинев, проспект Ленина, 1

Типография издательства «Штинница». Кишинев, Куйбышевский пер., 17